

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Михайломъ Катеновскимъ.

Ч А С Т Ъ IХІІ.

М О С К В А.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ,

1 8 1 2.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по ошпечаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи наукъ. Марта 2 дня, 1812 года. По назначенію Цензурнаго Комитета, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, книгу сію читалъ *Ординарный Профессоръ и Кавалеръ Левъ Цветаевъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 5. МАРТЪ 1819.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

Важный разговоръ передъ каминомъ.

Fortem posse animum. Juv. fat. 10. v. 357.

Я очень часто бываю у старой Л. . . ; которая къ себѣ привязала меня приятнымъ умомъ и рѣдкими добродѣтелями; и всегда провожу у нее время съ неизъяснимымъ удовольствіемъ. Гжа Л. . . ничѣмъ сполько не радуется, какъ невиннымъ и свободнымъ разговоромъ своихъ дѣшей о какой нибудь полезной машеріи. Въ осенніе и зимніе вечера мы всѣ садимся передъ пылающимъ каминомъ; добрая мать занимаетъ мѣсто среди полукружія, а для меня, обыкновеннаго ихъ гостя, кресла стоятъ на краю подлѣ самаго камина. Тутъ дочери г - жи Л. . . (ибо все ея семейство состоитъ изъ особъ прекраснаго пола) разсуждаютъ съ пою безпечностію и свободою;

коихъ онѣ не спыдяпся, если ибѣтъ дру-
гихъ свидѣтелей кромѣ маперки и меня.

Вчера, не знаю какимъ образомъ, рѣчь
зашла о важнѣйшемъ дѣлѣ въ свѣтѣ, —
о счастіи.

Елиза говорила, что она почитаетъ
наилучшимъ счастіемъ быть супругою до-
стойнаго человѣка и маперью добраго се-
мейства. Я не могъ не догадаться, что,
желая намъ представить идеалъ мушны
съ достоинствами, *Елиза* описывала лю-
безнаго Милона, который уже давно ищелъ
руки ея. Сестры также угадали ея шайну,
когда *Елиза* начала унижать богатство и
поспавила въ числѣ достоинствъ — чер-
ные пламенные глаза и бѣлые прекрасные
зубы. *Арабелла*, пощупивши надъ поршре-
томъ, въ которомъ *Елиза* хотѣла изобра-
зить своего *достойнаго* Милона, съ Цице-
роновымъ краснорѣчіемъ хвалила прищно-
сти богатства и роскошной жизни, покор-
нось и слѣпое повинженіе мушны. Она
говорила, что сїи выгоды необходимы для
счастливаго супружества и гошова была по-
божиться передъ нами, что для нихъ толь-
ко разстанется съ своею свободою. Хотя
Арабелла показала свою картину счастія
подъ флеромъ скромности, но я видѣлъ до-
вольно ясно, что ея желаніе было обладать
глупцомъ, который распочалъ бы свои чер-

вонцы для ея удовольствій, и передъ которыми въ то же время она могла бы гордиться превосходствомъ ума и дарованій.

Романическая *Лиля* всему предпочитала густой, тѣнистый лѣсокъ, пѣніе вѣчныхъ птичекъ, вѣяніе легкихъ зефировъ, унылый стонъ еха и тихое журчаніе ручейковъ, кошорые, составляя очаровательный концертъ, наспроиваютъ душу къ приятной меланхоліи. *Лиля* не говорила, что еще другое сердце нужно для счастливой жизни; но изъ ея страстныхъ выраженій о воркующихъ горлицахъ, о мягкихъ дерновыхъ скамейкахъ, о дорожкахъ обсаженныхъ фіалками и розами, огрошъ, къ кошорому нечаянно приводитъ скромная аля, — изъ всего было видно, что она не одна хожъла наслаждаться прелестными сценами натуры.

Корнелія полагала все счастье въ экипажахъ, въ собраніяхъ, балахъ, театрахъ; говорила съ восхищеніемъ о золотой ливреѣ, кошорую *Азоръ* сдѣлалъ своимъ людямъ, о блестящемъ будуарѣ, кошорый г-жа С. . . ей показывала. Можетъ быть мы долго слушали бы ея панигирикъ такимъ вещамъ, кои недостойны панигирика, если бы *Корнелія* не примѣтила, что мать, кошорая при каждомъ

ея словѣ принимала видѣ болѣе важный, наконецъ извѣвила въ спрогомѣ взорѣ все свое негодованіе къ споль безразсудной суешности и щеславію.

Очередь дошла до вроткаго, невиннаго, милаго шворенія, — до моей несравненной *Емили*. Она сказала своимѣ ангельскимѣ голосомѣ, что ея надежды не проспирающся такѣ далеко, ш. е. къ совершенному счаспію. Я вѣрю вамѣ, прибавила она, обратившись ко мнѣ: вы однажды говорили, что истинное счаспіе обиаещѣ въ предѣлахѣ другаго, лучшаго мѣра, и что мы на земли должны искашь одного покоя, копорый заключаещя въ торжествѣ нашей души надѣ спрахомѣ, нуждами и горестію. Еша мысль глубоко вѣрзалась въ моей памяти; но я не знаю, какими средствами возвыситься до сего возможнаго счаспія? — Повелительный взглядѣ *Емили* шребовалѣ моего опѣшна.

Для меня всегда было спрашно говорить женщинамѣ о важномѣ дѣлѣ пономѣ приличнымѣ матеріи; ибо я уже испыталѣ, что когда мы, ученые мущины, хотимѣ показашь себя во всемѣ блескѣ передѣ ними, по вмѣспо справедливаго удивленія, копораго ождали, видимѣ коварную улыбку и получаемѣ ненавистное имя педанша.

Но я зналъ добродушіе г-жи Л. . . и ея семейства; припомъ можно ли прощившись непобѣдимому взгляду моей несравненной *Эмили*? И такъ я принялъ на себя прудную должность философа, и мой опъвѣствъ былъ точно такой, какимъ теперь сообщаю его чашашелямъ и чашашельницамъ.

„Желаніе счастья споль пѣсно сопряжено съ существомъ нашимъ, что мудрые люди безпрестанно ищутъ его источниковъ; спараются опредѣлить пѣ выгоды, въ копорыхъ оно заключается и пѣ средства, копорыя ведутъ къ нему. Варронъ считаешъ до 288 разныхъ мнѣній о счастьи; другой славный писатель, а именно Лукіанъ, также оставилъ намъ весьма длинный рееспрв разныхъ мнѣній о семъ верховномъ благѣ; онъ осмѣялъ всѣхъ философовъ, и однакожъ не показалъ *своего* пути ко храму счастья.

„Мнѣ кажется, что люди не сполько ошибались бы въ опредѣленіи счастья, если бы не привязывали его къ одному какому нибудь предмету; ибо оно сложно, то еспъ оно подобно сложной машинѣ, и состоишъ изъ пружинъ многоразличныхъ.

„Первое мѣсто безъ сомнѣнія принадлежшъ добродѣтели; пощому что одинъ

добродѣтельный бываетъ доволенъ самимъ собою, — только онъ можетъ обращаться на себя взоры съ чистою радостію. Но хотя добродѣтель даетъ душѣ спокойствіе, однакожъ не всегда возноситъ ее къ совершенному счастью. Кромѣ добродѣтели для него еще необходимо нужны: *во первыхъ* пошъ умѣренной достатокъ, который называемъ золотою посредственностію, чтобы не тяготило насъ бремя нищеты; *во вторыхъ* хорошее здоровье, чтобы физическія спаданія не управляли нашей жизни. Я невѣрю споику, который чувствуя жестокую боль, кричалъ: *Неправда, Зенонъ! больнь не есть зло!*

„Одна добродѣтель не даетъ счастья; напротивъ, неумѣренная добродѣтель при слабомъ характерѣ чловѣка часто наноситъ глубокія раны его сердцу и почти всегда лишаетъ его покоя. Ссылаюсь на прекраснѣйшія, сладостнѣйшія добродѣтели — на *состраданіе, любовь, дружбу*. Увлекаемые двумя послѣдними, мы предаемся своему идолу всею душою, такъ что счастье наше совершенно отъ него зависитъ. А кто можетъ поручиться, что онъ не измѣнитъ намъ? Чловѣкъ съ самыми лучшими свойствами, подобно обыкновенному чловѣку, подверженъ слабостямъ!

„Кто хочет повелѣвать счастьемъ, тому сверхъ непоколебимой добродѣтели нуженъ швердый умъ, находящій блаженство въ самомъ себѣ и независящій отъ другихъ. Человѣкъ обладающій сею егидею не прогаешя чужими бѣдствіями на счетъ собственнаго покоя; но въ то же время оказываетъ всѣ услуги, какихъ только можно ожидать отъ самой нѣжной чувствительности. Его благородные поступки имѣютъ еще шѣмъ большую цѣну, что они основаны на чистыхъ, обдуманыхъ правилахъ добродѣтели и на внуреннемъ чувствѣ своихъ обязанностей относительно къ ближнему; а человѣкъ съ характеромъ слишкомъ нѣжнымъ едва ли не болѣе старается облегчать собственное страданіе въ ту самую минушу, когда оказываетъ другому свою помощь.

„Человѣкъ, обладающій швердымъ умомъ, позволяетъ любви и дружбѣ умножать его счастье; но ни любовь, ни дружба не сильны сдѣлать его несчастнымъ.

„Послѣ сего скажу смѣло, что одни слабыя души могутъ полагать счастье въ непостоянномъ и часно несправедливомъ мнѣніи другихъ; ибо ещо значило бы лишать самаго себя независимости. Припомъ люди, желающіе найти все счастье въ по-

жвалахъ и блистательномъ имени , всегда бывають близи къ зависти , спраси и безразсудной и мучительнѣйшей.

„Твердость ума , егда независимаго счасїя , въ особености принадлежитъ тѣмъ добродѣтельнымъ душамъ , которыя , будучи богаты великими разнообразными идеями , способны наслаждаться сами собою и не знають скуки среди пихаго уединенїя. Просвѣщенная душа находитъ тайное удовольствїе въ чувствѣ своего совершенства , и радуется тѣми трудными обстоятельствомъ , въ которыхъ можетъ показать его. Въ слабыхъ головахъ шу же силу имѣетъ живое воображенїе ; но шакова разность между сими удовольствїями , изъ двухъ неодинакихъ источниковъ происходящими , что первое можетъ назваться *небомъ мудрыхъ* , послѣднее *раемъ глуцовъ* ; первое даетъ твердость , всегда необходимую для счасїя , послѣднее колеблется при самомъ обыкновенномъ случаѣ и падаетъ подъ самымъ легкимъ ударомъ форшунъ.

„Твердая душа , добродѣтельная , просвѣщенная не боится переменъ судьбы ; она возвышается при видѣ опасностей , и тогда сїяетъ во всемъ поржествѣ , когда человѣческая злоба и несправедливость оща-

вляющѣе ее самой себѣ, или грозящѣе ей гибелью. Такая душа чувствуетъ свою цѣну; она являюща въ всѣхъ словахъ и дѣлахъ, коими по неволѣ удивляться должно, и которыя даютъ ей преимущество передъ другими гораздо болѣе нежели выгоды знашнаго происхожденія и богатства. Таковъ былъ Александръ Великій въ цѣлущіе дни своей славы. Принцъ Конде болѣе всего удивлялся ему, вспоминая о томъ случаѣ, когда возмущившаяся армія не хотѣла идти съ нимъ далѣе, и когда герой сказалъ своимъ солдатамъ: „Дозволяю вамъ возвратиться въ опечество; прине-
„сите въ Македонію вѣсть, что вы оста-
„вили своего Государя среди завоеваній, и
„что онъ надѣется найти новое войско въ
„новыхъ подданныхъ.“

Съ Англ. П.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ сестрѣ моеи.

Когда, мой другъ, опять съ тобою,
Дорожный бросишь посохъ свой,
Я нѣжной обнимусь рукою
И водворюсь въ странѣ родной?
Ужь много лѣтъъ прошло разлуки,
Давно твѣи другъ осиротѣлъ,

Неуслаждены сердца муки
 Ни чей необлегчалъ раздѣлъ!
 Когда оныя съ воспоргомъ встрѣтишь
 Ты мой нечаянный приходъ,
 И на лицѣ моемъ примѣтишь
 Слѣды печалей и заботъ?
 Лѣта ужъ много измѣнили
 И много взяли въ дань себѣ;
 Одно лишь сердце пощадили
 И дружбу нѣжную къ тебѣ!
 Мечты сокрылися опрады,
 Ихъ грозный опытъ опогналъ,
 Повѣялъ вѣтръ осенній, хладный,
 И цвѣтъ весны моей увялъ! . . .
 Когда наступитъ часъ желанный,
 И я въ опеческомъ дому,
 Въ пріютѣ дружбы, гостъ нежданный,
 Прижмуся къ сердцу швоему?
 Протекшихъ дней воспоминанье
 Мы оживимъ въ душѣ своей,
 И я начну повѣспованье
 Моихъ въ разлукѣ текшихъ дней;
 Какъ я съ бѣдами и судьбою
 Боролся, силъ лишенъ своихъ —
 И; услажденъ швоей слезою,
 Навѣкъ изглажу память ихъ!
 О другъ мой, счастливъ я заранѣ
 Сей усладительной мечтой,
 Уже въ приятномъ чувствѣ обманѣ
 Тебя я вижу предъ собой!
 То мнится мнѣ, обвороженный,
 Съ тобой по рощамъ я брожу,
 Вѣщаю — и въ душѣ блаженной
 Восторга словъ не нахожу!
 То въ блѣдномъ вечера мерцаньи,
 Ведомый дружбой и побой,
 Иду въ задумчивомъ молчаньи

На брегѣ высокой и крутой,
Гдѣ Донъ вспоившій насъ свѣшлѣетъ,
Разсплавъ далеко зыби водъ,
Гдѣ жатвой нива богатѣетъ,
Родныхъ полей обильный плодъ! . . .
Но гаснетъ ужъ заря; на югѣ
Въ шуманѣ круюпся лѣса,
И поселянѣ поющихъ въ кругѣ
Вдали слабѣютъ голоса.
Мы тихою идемъ стопою,
Простясь до упреннихъ часовъ,
И провождаемы луною
Въ свой мирный доспигаемъ кровъ;
Съ ея опрадными лучами
Низходятъ благотворны сны. . . .
Уже разставшись съ суетами,
Я сплю на ложѣ шишины!
Часъ упра! о восшоргѣ всегдашній!
О немѣ, крылами бѣя, гласилъ
Вспревожась пѣшелъ мнѣ домашній,
И сонъ онѣ глазъ моихъ лепилъ!
Подъ перлами росы блестящей
Открылъ предъ мной зеленый лугъ,
И рогъ звучилъ спада будящей,
И волъ взревѣлъ впряженный въ плугъ!
Любовь швоя своимъ привѣтомъ
Идетъ меня предупредить. . . .
Я съ бурнымъ распросился свѣтомъ!
Даю зарокъ для дружбы жить!
Но что! швоя призракъ удалился,
За нимъ мечпаній рѣзвыхъ рой;
Къ землѣ печальный взоръ склонился,
И я опять одинъ съ тоской!
Томлюсь, Фортуны рабъ слѣпья,
Безъ наслажденья пращу дни,
И блага промѣнялъ прямыя
На ложны призраки одни!

Мой другъ! счастливаго возврата
Когда на родину дождусь,
И предъ домашняго Панапа
Съ смиренной жершвою явлюсь? . . .

М. Милоновъ.

1812, Января 25.

С. Петербургъ.

Стихи г-жѣ Семеновой.

I (*).

Il s'en presentera, gardez vous d'en douter.

Tancr. Acte III.

Не сомнѣвайся въ помѣ, предснали бы полною,
Семенова! защитники твои,
Когда бы крапикой зависпною и злою
Твои мрачилиса шаланпомѣ слазны дни. . . .
Аменаиду намѣ явя собой на сценаѣ,
Органа сладоспью, паѣниательной игрой
И чувствомѣ движима лица ны красной,
О музѣ пиломица, любезна Мельчоменѣ,
Всѣхѣ привела во воспоргѣ! — Твоихѣ спра-
шася бѣдѣ,
Всякѣ чувствами къ тебѣ всякѣ зринель былѣ
Танкредѣ
Ю. Н. М.

(*). Сии стихи помѣщаются въ другой разѣ;
потому что прежде доставленный списокъ
былъ невѣренъ. Изд.

II.

Природа на тебя дары всѣ излила;
Ученье, вкусъ, примѣръ, тебя образовали;
Чувствительность свой даръ сердца плѣнять
дала,

А милы Граціи сестрой своею назвали!

Разсыпали вокругъ тебя цвѣты свои,

И, *будь единственной*, сказали.

Семенова! сбылись слова сіи.

Ты гордость, красота и слава Росской сцены;

Ты утѣшеніе чувствительныхъ сердець!

Примижь отъ Мельпомены

Неувядаемой безсмертія вѣнецъ!

Д. В. В.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Объ Археологіи и о различныхъ способахъ занимался художественными произведеніями древности.

Древностями занимаешься можно съ двоякимъ намѣреніемъ: *во первыхъ*, чтобы приобрести свѣдѣнія о нравахъ, общественныхъ учрежденіяхъ, гражданскомъ составѣ, обрядахъ вѣры, законахъ, публичной и до-

машней жизни древнихъ народовъ; сїи предметы содержатся въ такъ называемой *Наукѣ о древностяхъ*. Во вторыхъ, чтобы узнать объ оставшихся памятникахъ древнихъ народовъ; сему особливо учить *Археологія*.

И такъ *Археологія* (*Архαιολογία*) есть руководство къ познанію памятниковъ древности. Оные суть или письменные памятники, или художественныя произведенія. Подъ письменными памятниками разумѣть должно: 1) *Рукописи* на Египетскомъ папирусе и на пергаментѣ; 2) *надписи* на камняхъ и на металлахъ. Художественныя произведенія суть: *остатки* общественныхъ и частныхъ зданій, живописнаго, ваятельнаго и рѣзнаго художества.

Слѣдственно сїя наука состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ въ одной преподаются свѣдѣнія о письменныхъ памятникахъ, а въ другой о художественныхъ произведеніяхъ древности и объ исторіи художества у древнихъ народовъ. Первая называется *Палеографіею* и составляетъ часть *Дипломатики*; вторая есть собственно *Археологія* въ тѣснѣйшемъ значеніи.

Древними произведеніями художества заниматься можно, разсматривая ихъ или

просто какъ памятники, или же какъ художественныя произведенія.

Въ первомъ случаѣ наблюдашель разсматриваетъ ихъ какъ памятники древнихъ событій, людей, мыслей, нравовъ и обыкновений. Такимъ образомъ занимающся ими единственно антиваріи или испытатели древностей. Въ сихъ произведеніяхъ художествъ они ищутъ изображенія древнихъ нравовъ и обычаевъ, объясняютъ ихъ древними сочиненіями, и пользующся ими же для исполкованія прудныхъ мѣствъ у писателей. Изыщность и достоинство не принадлежатъ къ ихъ разсмотрѣнію; они стараются узнать только смыслъ памятника и намѣреніе художника. Точно такъ занимались художественными произведеніями древности въ шестнадцатомъ и въ семнадцатомъ столѣтіяхъ. Ихъ почитали предметами, единственно служащими къ объясненію историческихъ событій и старинныхъ обрядовъ. По сей по причинѣ ученые люди наиболѣе разсматривали тѣ памятники, на которыхъ находились надписи, не обращая вниманія на ихъ достоинство, и прекраснѣйшія произведенія древности, неимѣющія надписей, предоставляли художникамъ, которые образовали по онымъ свои дарованія. Такимъ образомъ въ семнадцатомъ вѣкѣ наиболѣе Гелландскіе ученые занимались древними па-

мяшниками. Извѣстный Монпфоконъ при сочиненіи своей книги *Antiquité expliquée* единственно имѣлъ намѣреніе объяснить древнія обыкновенія памятниками художествъ. Ученые Италіяны нынѣшняго времени почто съ такимъ же намѣреніемъ занимающа дравностями. Въ разсматриваемыхъ ими художественныхъ произведенійхъ они не стараются замѣчать извѣстности въ расположеніи и отдѣлѣхъ. При столь ограниченномъ разсматриваніи не пребуется ни строгой вкуса ни чувствознающаго.

Во вѣромъ случаѣ художественными произведеніями древности занимающа любители, художники, ученые знатоки и любители.

Для вѣкопорохъ любителей служатъ онѣ только предметомъ хвастовства и роскоши. У многихъ вельможъ Римскихъ галереи наполнены древностями, которыя у нихъ суть единственно принадлежности великолѣпія. Такая охота къ древностямъ есть самая низкая; однакожъ ей обязаны мы признательностію за сбереженіе многихъ рѣдкостей въ драгоценныхъ музеяхъ. Для другихъ художественныя произведенія служатъ предметомъ удовольствія. Охота сія имѣетъ уже цѣль благороднѣйшую; она соотвѣствуетъ предназначенію изящныхъ художествъ. Такіе любители ищутъ въ

нихъ душевнаго наслажденія и утѣхи въ жизни. Они все вниманіе свое усипремляютъ на *мѣщныя* произведенія древности, забываясь о прочихъ, единственно имѣющихъ цѣну свою для ученаго изслѣдователя. Исходкованіе древнихъ памятниковъ до нихъ совсѣмъ не принадлежитъ. Такимъ образомъ разсматриваются находящійся (*) въ Римѣ художественныя произведенія многими любознательными путешественниками.

Художникъ разсматриваетъ изящныя произведенія древности, для того чтобы получить новыя знанія и опытность въ своемъ искусствѣ. Онъ тщательно замѣчаетъ правильность рисовки, расположеніе фигуръ и предметовъ, выразительность чувства, составъ вещества и искусство отдѣлки. Онъ осведомляется объ историческихъ обстоятельствахъ картины или статуи, для того чтобы съ большею точностію судить о важности и достоинствѣ художественнаго произведенія; но въ ученыя изслѣдованія онъ не входитъ, за ведомствомъ потребныхъ къ тому свѣдѣній; ибо наука о древностяхъ не составляетъ главнаго упражненія для художниковъ, а только служитъ для нихъ вспомогательною часнію искусства.

(*) Или лучше сказать *перевезенныя*, ибо драгоценнѣйшіе памятники древнихъ художествъ почти всѣ перевезены во Францію.

Наконецъ ученый знатокъ и любитель занимается древними художественными произведеніями не только какъ антикварій, или художникъ, или обыкновенной любитель, но онъ при разсматриваніи соединяетъ въ себѣ намѣреніи всѣхъ упомянутыхъ наблюдателей. Художественныя произведенія служатъ для него, какъ для любителя, предметомъ удовольствія; какъ знатокъ, онъ замѣчаетъ, соблюдены ли художникомъ правила, или нарушены; какъ ученый, онъ старается проникнуть въ самую мысль, какою одушевленъ былъ древній художникъ, работая надъ своимъ произведеніемъ. Желаящій такимъ образомъ заниматься древними памятниками художествъ долженъ имѣть правильной вкусъ, нѣжное чувство изящности и сверхъ того знанія въ рисовальномъ искусствѣ, живописи и ваяніи, также обширныя свѣдѣнія по части науки о древностяхяхъ. Ученый знатокъ и объяснитель древнихъ художественныхъ произведеній долженъ быть искусенъ въ исторіи и миѳологіи и вѣнчанъ твореніями Греческихъ поэтовъ и философовъ. Такихъ людей было очень мало. Знаменитѣйшими въ числѣ ихъ почитаются Кардиналъ Албани, Винкельманъ и Гейне. С.

Объ ученыхъ людяхъ.

(Изъ Беля.)

1.

Несчастное состояніе людей ученыхъ ().*

Досады безпокойства, состояніе заботливое и мучительное кажутся бытъ общимъ удѣломъ людей ученыхъ. Ихъ испорція, ихъ письма свидѣтельствуютъ, что почти вся ихъ жизнь пропекла въ безпрестанныхъ ссорахъ, содѣлавшихъ ее не-

(*) Сочинитель, писавши статью сію, видно былъ въ дурномъ расположеніи духа; ибо на состояніе ученыхъ смотрѣлъ съ одной худой стороны — доказательство, что самая глубокомысленная философія есть слабое лѣкарство отъ жалобъ на превращеніи жизни, и что роптаніе есть общій удѣлъ человечества. Невыгоды состоянія ученаго Бель испыталъ на самомъ себѣ, и потому говоритъ объ нихъ съ такимъ жаромъ негодованія; но мы кажется, что объ участи ученыхъ можно сказать столько же добраго, сколько и худаго; дѣло въ томъ, съ которой стороны на нихъ спавешь смотрѣшь; если съ хорошей, то нѣтъ въ свѣтѣ благороднѣе званія ученыхъ, нѣтъ состоянія свободнѣе и независимѣе; а всякой согласится, что свобода и независимость суть величайшія блага. При томъ же, какое состояніе неимѣетъ своихъ неприятностей и выгодъ, своихъ досадъ и удовольствій, своихъ заботъ и наслажденій? *Прим. Пев.*

ненавистною; что зависть, клевета, гнѣвъ, злоба, пристрастіе, бездѣльничество и другія поспыдныя спраски излили на нихъ всю желчь свою. Иногда подумаешь, будто ученые сами нарочно старались опривить свое собственное и ближнихъ своихъ спокойствіе. Все сіе можешь внушить презрѣніе и ненависть къ наукамъ, и искоренишь выгодное объ нихъ мнѣніе. Люди не ученые думаютъ, что еслибъ они посвящали все свое время наукамъ, то научились бы укрощать свои спраски, и исправились бы отъ многихъ пороковъ; но еслибъ знали они, съ какою злобою ученые терзаютъ другъ друга въ своихъ сочиненіяхъ, и сколь поспыдныя спраски обладаютъ ими; то вѣрно перестали бы упорствовать въ семъ заблужденіи. Заключимъ же изъ сего, что всего труднѣе приобрести спокойствіе духа. Безпрестанное чтеніе умныхъ книгъ, кажется, съ перваго раза могло бы намъ доставить сіе драгоценное сокровище; но выходитъ совсѣмъ проливное. По крайней мѣрѣ, если оно и случается, то весьма рѣдко. Гораций самъ не зналъ, что говорить; лишь бы только боги дали мнѣ здоровье и богатство; я самъ умѣю достать спокойствіе духа: это умъ мое дѣло.

*Det vitam, det opes, aequum tibi animum ipse
parabo.*

Онъ весьма обманывался. Для чего не предполагалъ онъ имѣть никакой надобности въ помощи боговъ, по зависѣло всего менѣе отъ его самого, и о томъ прежде всего надлежало бы ему просить Юпитера. Ибо гораздо легче приобрести заслугами и трудами почести и богатство, нежели спокойствіе духа. Но скажутъ мнѣ; почести и богатство зависятъ отъ многихъ обстоятельствъ, которыми располагаешь не въ нашей волѣ; следовательно надобно просить Бога, чтобъ онъ ихъ успроилъ въ нашу пользу. На это я буду отвѣчать, что укрощеніе страстей, покой души, и то что мы называемъ бытъ довольнымъ самимъ собою, зависятъ отъ тысячи другихъ обстоятельствъ, которыхъ еще менѣе состоятъ въ нашей власти. Состояніе желудка, внутренностей, лимфатическихъ сосудовъ, мозговыхъ фибръ и многихъ другихъ органовъ, которыхъ положенія и вида по сію пору анатомисты еще не знаютъ, производятъ въ насъ безчисленное множество движеній, которыми управляемъ мы невольны. А можемъ ли мы переимѣнить сіи органы? состоятъ ли они въ нашей власти (*)?

(*) Art. Reinesius, rem. B.

Сочиненія недостойныхъ людей ученыхъ.

Рѣдко случается , чтобъ человекъ умной писалъ стихи на современные происшествія, какъ на пр. на побѣду, на бракосочетаніе какого нибудь вельможи , или на смерть его (*). Сочиненія сего рода пока-

(*) Подобная сему мысль находится у Попова въ посланіи его къ Доктору Арбушному. За неимѣніемъ подлинника, и чтобъ всѣмъ читателямъ понятно было сіе мѣсто, да позволено мнѣ будетъ заимствовать извѣстнымъ переводомъ господина Дмиріева:

*То подлый стиховраль, въ которомъ безъ
рожденья,
Иль смерти богача нѣтъ силы обра-
женья.*

Въ самомъ дѣлѣ ничего не можетъ быть справедливѣе сей мысли. Изъ множества одъ (на разныя побѣды Россійскаго воинства и на другія современные происшествія), коихъ я для того только не исчисляю, чтобъ не указать именно на чью нибудь, и чрезъ то не оскорбить безъ умысла, нагодившихъ нашу словесность, развѣ сопя посредственна, а тысячная прекрасна. Остальныя всѣ не стоить ни труда, ни времени, чтобъ ихъ читали.

Впрочемъ все конечно зависитъ больше отъ дарованія; но выборъ содержанія дѣлаетъ то, что одно сочиненіе нравится больше другаго. Не говорите мнѣ при семъ

зываютъ человека пустоголового, которой не найдешь о чемъ писать, кромѣ того что случится въ его время (содержаніе

случаѣ о разности вкуса чашемелей; ибо есть нѣкоторыя поспоянныя правила онаго; да и въ чемъ же состоить вкусъ, какъ не въ выборѣ? — Можетъ быть дарованіе Ломоносова ни мало не уступало дарованію Державина; но отъ чего философическія оды послѣдняго нравятся больше похвальныхъ одъ перваго? — Причину сего надобно искать въ сердцѣ человѣческомъ. Въ одахъ Ломоносова видѣнъ стихотворецъ съ пламеннымъ воображеніемъ и съ познаніями, приобретенными изъ книгъ; въ одахъ Державина видѣнъ стихотворецъ равнаго съ нимъ достоинства, но вмѣстѣ мудрецъ, проникшій въ тайныя изгибы сердца человѣческаго, и какъ царедворецъ особенно во глубину сердца вельможъ, и плѣняющій насъ познаніемъ онаго, которое познаніе всегда предпочтительнѣе учености, коею при всякомъ случаѣ Ломоносову хотѣлось блеснуть. Лабрюнъ говоритъ, что изученіе природы полезнѣе даже изученія древнихъ; что и правда, ибо первое дѣлаетъ творцемъ, а послѣднее только подражателемъ.

Сверхъ того выборъ сочиненій на происшествія современныя заставляетъ подозрѣвать въ корыстолюбіи и низости чувствъ сочинителя. Сочиненія такого рода, о которыхъ говоритъ Бель, обыкновенно пишутся для полученія какого нибудь подарка, или какъ говоритъ Сочинитель Чужаго толка:

самое бѣдное для сочиненія), и копирага Муза какъ угорблая кошка суется во всѣ спороны; по кропаешъ она елегію, шо ели-паламу и подобныя симъ мѣлочі; однимъ словомъ, показываютъ человѣка, который по должности обязанъ разносить къ большимъ господамъ Парнасскіе билеты съ поздравленіемъ (*).

3.

Разговоры съ людьми знатными иногда опасны для человѣка ученаго.

Можетъ быть для славы человѣка ученаго нѣтъ ничего вреднѣе, какъ разговоръ,

*А нашихъ многихъ цѣль награда пер-
стенкомъ,
Нерѣдко сто рублей, или дружество съ
князькомъ,
Которой отъ роду не читывалъ дружова,
Кромѣ придворнаго подъ часъ жѣсяцо-
слова.*

Дабы сей князекъ доставилъ намъ выгодное мѣстечко, или по крайней мѣрѣ прубилъ объ нашихъ достоинствахъ, которыхъ мы часто не имѣемъ. Истинное дарованіе гнушается чрезъ такія низкія средства бытъ извѣстнымъ; ибо оно не имѣетъ въ нихъ нужды. Повѣрьте, что не дарованіе ищетъ славы, а слава — дарованіе, и что она безъ него не можетъ существовать.

Переводъ.

(*) Art. Amboise (François d').

сѣ вельможами, любящими науки; ибо, привыкнуши говорить обо всемъ безъ всякаго приговора, они пошчасъ готовы возвѣщать дурное мнѣніе объ учености человека, которой не щодно отвѣчать на предлагаемые ему вопросы по его части. А сколько ученыхъ богослововъ не знали бы что отвѣчать, если бы ихъ озадачили вопросамъ о годѣ, уствѣхъ, окончаніи и главныхъ обстоятельствахъ шакаго-то собора! Мнѣ извѣщенъ одинъ славный исторіографъ Французскій, которой искренно признавался мнѣ, что не знаетъ, въ которомъ вѣкѣ жилъ Филиппъ Прекрасный. Чѣмъ болѣе читаешь и дѣлаешь извлеченій, тѣмъ менѣе бываешь въ состояніи отвѣчать вдругъ на предлагаемой вопросѣ. Есть весьма много людей, которые сколько учены въ своихъ сочиненіяхъ, столько несвѣдуци въ разговорахъ. Блонделамъ, Сомезамъ и мадому числу подобныхъ имъ нечего опасаться сего несчастія; но другимъ недолго попасть въ бѣду, когда надобно будетъ отвѣчать на вопросы человека знашнаго и охотника до книгъ. Францискъ I хвалился тѣмъ, что изъ числа ученыхъ людей, съ которыми онъ говаривалъ, отъ одного только Шапеленя слышалъ всякой разъ что нибудь новое. Маршалъ Креки, впадшій въ немилость и жившій послѣ того въ своемъ жо-

мѣстѣ (*), спросилъ: кто былъ въ той спорѣ самой ученой человѣкъ? Ему представили настоятеля одного монастыря; но не прошло двухъ недѣль, Креки началъ опзыватьсь объ немъ какъ о величайшемъ невѣждѣ въ свѣтѣ. Не лзя сказать, чтобъ монахъ сей не былъ ученъ, и не могъ опвѣчать на всѣ его вопросы, еслибъ дали ему время приготоовиться; но вдругъ онъ не въ состоянїи былъ припомнить множества общвенныхъ именъ, времени происшествїй и другихъ подробностей, для знанїя которыхъ нужна одна память. Рассказывающъ о президентѣ Мембъ, что для его вопросовъ доспало учености въ одномъ Докторѣ только на восемь дней (**).

4.

Сравненїе писателей шестнадцатаго и семнадцатаго вѣка.

Я думаю, что шестнадцатой вѣкѣ можеть выспавить гораздо большее число ученыхъ, нежели семнадцатой. Не смотря на то, не лзя сказать, чтобъ въ первомъ изъ нихъ было столько же просвѣщенїя, сколько въ послѣднемъ. Покуда продолжалось

(*) Въ 1672 году, когда онъ отказался служить подъ начальствомъ Тюрення.

(**) Art. Castellan, гет. R.

царствованіе криптики и философіи, до шѣхъ поръ по всей Европѣ были люди, которыхъ можно назвать чудомъ учености. Ученіе новой философіи и живыхъ языковъ распространило другой вѣусъ. Не видно стало болѣе сихъ обширныхъ и глубокихъ познаній въ словесности; за то въ республикѣ ученыхъ появился духъ благоразумной разборчивости. Нынѣ люди не столько учены, но гораздо искуснѣе въ употребленіи своихъ знаній. „Мы живемъ въ такое время, говоритъ О. Рапинъ (*), въ которое „дѣлаются чувствительнѣе къ прелестямъ „смысла и разсудна, нежели ко всему прочему. По етому можно сказать, что мы „гораздо лучше постигли свойства писа- „телей древнихъ и короче познакомились „съ ихъ мыслями, нежели въ предыдущихъ „вѣкахъ. Разница между ими и нами есть „та, что тогда болѣе щеголяями ученостью, „нежели нынѣ. Таковъ былъ духъ шѣхъ „временъ, въ которыхъ пребовалось однихъ „обширныхъ и глубокихъ познаній. Тогда „учились познавать изгибы языковъ, при- „лѣжали къ возстановленію текста древ- „нихъ, прибѣгая къ разнымъ хитрымъ ис- „полкованіямъ; привязывались къ двусмы- „слицамъ, испощали догадки для того

(*) Въ предисловіи de la comparaison de Thucydide et de Tite-Live.

„только, чтобы поправить какое нибудь
 „место въ писателѣ; наконецъ держались
 „болѣе буквального смысла, потому что
 „не имѣли духу попасть на мысль сочини-
 „теля, чтобы лучше понять его, какъ ны-
 „нѣ дѣлаютъ. Теперь люди стали не столь
 „учены, но гораздо умнѣ (*).“

(*) Art. Ассисе; тем. D.

Мы Русскіе имѣемъ нужду въ сей учено-
 бной шестнадцатаго вѣка только вразсужде-
 ній возстановленія текста нашихъ лѣтписей,
 искаженныхъ временемъ и неискусны-
 ми переписчиками; отъ чего быписатели
 наши наполнены множествомъ испори-
 ческихъ ошибокъ. Уже современникъ Петра
 Великаго, трудолюбивый Татищевъ, кото-
 раго справедливѣе можно назвать собирате-
 лемъ, нежели историкомъ, чувствовалъ
 необходимость сей учености; но не зная древнихъ
 языковъ, и слѣдственно не имѣя передъ
 собою образцовъ, не въ силахъ былъ ис-
 полнить сего важнаго предпріятія; да и
 достанетъ ли на то силъ одного человѣка?
 Надобно, чтобы надъ епимъ прудилось мно-
 жество ученыхъ. Однакожъ онъ первой про-
 ложилъ дорогу къ обясненію нашихъ лѣтпи-
 сей, и критическія его замѣчанія всегда
 будутъ уважаемы. Наконецъ ученый Шлецеръ
 изданіемъ своего Нестора, кажется, возбу-
 дилъ въ насъ сію охоту, и научилъ, какъ
 обходиться съ лѣтписями. Русскіе въ XIX
 вѣкѣ, хотя немного и поздно, будутъ имѣть
 Нестора и продолжателей его очищенныхъ
 отъ дрязгу ошибокъ; а безъ того едва ли

5.

Ни въ какомъ государствѣ граждане не пользуются большею свободою какъ въ республикѣ ученыхъ.

Республика ученыхъ есть земля вольная; въ ней признающъ власшь одной истины и разсудка, и подъ ихъ знаменами, не дѣлая никому вреда, ведущъ войну съ кѣмъ бы то ни было, даже съ кровными и друзьями, что довольно часло видимъ на самомъ дѣлѣ. Всѣмъ извѣстно, что г. Дасье оспаривалъ мнѣнїя г. Лефевра, своего пещня; что Юсифъ Скалигеръ и Исаанъ Воссій не помѣдили своихъ опцовъ, и что въ наше уже время г-да Бернулли, родные братья, не жалюшъ другъ друга. Такимъ образомъ въ области словесности нѣшъ никому по милосанїя: друзья должны осперяться друзей, опцы дѣтей, пещи зятъевъ, точно какъ бы въ желѣзной вѣкѣ:

*Non hospes ab hospite tutus,
Non socer a genero.*

Въ землѣ сей каждой есть государь самодержавной и вмѣстѣ подданной. Въ отношенїи къ заблужденїю и невѣжеству законы политическїе не дѣлающъ вреда независимости республики, свободной по своей на-

можно надѣлаться исторїи, въ копорой критика не нашла бы для себя обильной жамвы. *Перевод.*

турѣ. Всякой частной человекѣ вразсужденіи наукѣ имѣетъ право начинатьъ войну, и можетъ имѣ пользоваться, не спрашивая позволенія у правительства.

Однакожѣ вольность сія заключается въ нѣкоторыхъ предѣлахъ. Свобода республиканская даетъ всякому право замѣчать ошибки въ сочиненіяхъ; но не позволяешь писать на него сатиры. Причина сего очевидна: сатира клонится къ тому, чтобъ лишить человека чести, а это есть родъ политическаго убійства; крипика напрошивъ того стараешься показать сочинителю какой нибудь книги, что онѣ не имѣетъ никакой — то и такой степени дарованія или познанія. А какъ сей недосипающъ не мѣшаетъ пользоваться всеми правами и преимуществами общества, то онѣ сего ни мало не страждетъ честь государства, если публикѣ открыли глаза, что такая — то книга наполнена ошибками. Правда, это вредитъ славы сочинителя, а иногда и кошельку его, ибо онѣ распродаетъ своей книги онѣ могъ бы получить прибыль; но если дѣлаешь это честнымъ образомъ, если берешь сторону разсудка и истины, то никто не въ правѣ на сіе жаловаться. Это ни мало не походитъ на пасквиль; пишешь ничего не говоря безъ доказательствъ, и будучи вмѣстѣ свидѣтелемъ и дощикомъ

подвергаются равному съ обвиняемымъ наказанію, шой же опасности, кошорой хотѣли подвергнуць другихъ. Но сочинители пасквилля скрываетъ свое имя; дабы не бышь принужденнымъ доказывать шо; что говоритъ онъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, и чтобъ дѣлать зло, не опасаясь за шо наказанія.

б.

О сочиненіяхъ; писанныхъ въ молодости.

Есть немалое число писателей, рас- каевающихся въ послѣдності; съ какою выдали они въ свѣтъ первыя произведенія своего пера. Будучи въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ Гроцій, кошорой можетъ бышь имѣлъ менѣ всѣхъ причины раскаиваться въ етомъ, чрезвычайно спыдился сочи- ній, писанныхъ имъ въ молодости. Онъ оп- кровенно извѣщаетъ о томъ въ одномъ письмѣ своемъ къ Скриверію, и хвалитъ своего друга, что онъ поступилъ въ семъ случаѣ совсѣмъ напроривъ. И пакъ писате- ли должны пуце всего стараться заслу- житьъ доброе имя при первомъ своемъ по- явленіи въ свѣтъ; но если первое ихъ сочи- неніе никуда не годится, шо послѣ имъ спойтъ будеть чрезвычайныхъ трудовъ, чтобъ публика переѣнула объ нихъ свое мнѣніе. Если въ молодости своей написали

они какое нибудь посредственное сочиненіе, по пусшь подождутъ печатанъ его до пѣхъ поръ, покуда утвердится ихъ слава. Они не должны брать примѣръ съ того, что дѣлается въ Италіи во время торжественнаго хода, гдѣ слуги предшествуютъ своимъ господамъ. Пусшь знакомятъ они съ публикою черезъ лучшее свое сочиненіе, и заслужатъ ея благосклонность; время еще не ушло. Они будутъ награждены и за первые свои труды, если только починаятъ ихъ того достойными. Известно; что пользуясь и умѣренною славою, писатели находятъ читателей, довольныхъ ими, для сочиненій весьма посредственныхъ, копорыхъ никто не смалъ бы читать; еслибъ они выдали ихъ, будучи неизвестны; но употребляющіе во зло сей предразсудокъ публики часто сами попадаютъ въ сѣти. Они хоятъ, чтобы у нихъ ничто не пропало, собираютъ всѣ свои бумаги, даже тѣ, копорыя написали только что вышедши изъ училища, или еще находясь въ ономъ; отсылаютъ въ типографію и печатаютъ. Наконецъ во всѣхъ своихъ читателяхъ поселяютъ отвращеніе, и иногда навлекаютъ на себя болѣе порицаній за свои послѣднія сочиненія, нежели сколько заслужили похвалъ за первыя (*).

(*) Art. Thomaeus, rem. D.

Дурной вкус читателей.

Не въ одно наше время ученые жа-
 луются на книгопродавцевъ, что они охот-
 нѣе печатаютъ пусшыя, нежели умныя
 книги. Въ епомѣ виноваты не книгопро-
 давцы, а читатели; ибо еслибъ расходъ
 на умныя книги былъ также великъ, какъ
 на книжки, единственно заключающія въ
 себѣ что нибудь любопытное, по случаю
 (*brochures du temps*), то повѣрше, что
 книгопродавцы предпочитали бы всегда со-
 чиненія умныя глубымъ. Одинъ новѣйшій
 писатель жалуется на сѣ такимъ обра-
 зомъ: „Всякой день видишь (говоришь г.
 „Дюпень) выходящихъ множество малень-
 „кихъ книжекъ на Французскомъ языкѣ,
 „и ни одного сочиненія древнихъ на Грече-
 „скомъ или на Латинскомъ. Вкусъ къ про-
 „свѣщенной древности совсѣмъ потерявъ;
 „одна новостъ нравится; истинная и осно-
 „вательная ученость не въ модѣ; доволь-
 „ствуются одними поверхностными зна-
 „нiями. Никто не учится основательно;
 „свѣдѣнiя о древности почерпаютъ изъ но-
 „вѣйшихъ книгъ, и весьма рѣдко доходятъ
 „до самаго источника. Я почишаю это об-
 „щественнымъ несчастiемъ, постигшимъ
 „республику ученыхъ, и думаю, что если

„причина опасаться, чтобъ сія поверхностная ученость не довела насъ до состоянія худшаго, нежели невѣжество и варварство вѣковъ прошедшихъ (*).“

8.

Нѣкоторые сочинители поздно перестаютъ писать.

Немногіе писатели знаютъ время, когда имъ надобно положить перо; немногіе послѣдуютъ въ этомъ примѣру Горация (**). Стихотворцы и ораторы должны бы всѣхъ ранѣ подумать объ этомъ; по-

(*) Dupin Bibliot. des auteurs eccl. T. II. p. 200; edit. de Holl.

Art. Craterus, rem. A.

Но что бы сказалъ сей г. Дюпень, если бы онъ былъ Русской и жилъ въ наше время? что бы сказалъ онъ о нашей бѣдной учености, состоящей изъ одного почти Французскаго языка? (Я не разумю здѣсь публики, которая и вездѣ немного ученѣе нашей, а г-дѣ писателей Русскихъ.) Съ какимъ сожалѣніемъ онъ отозвался бы о нашей словесности! Знаю, что нѣтъ правила безъ исключенія; но должно признаться, что исключенія сіи весьма рѣдки. *Перевод.*

(**) Гораций сказалъ:

Est mihi purgatam crebro qui personet aurem,
Solve senescentem mature sanus equum, ne
Pecchet ad extremum ridendus, et illia ducat.

тому что они всѣхъ болѣе чувствуютъ нужды въ пламенномъ воображеніи. Однакожъ весьма часто случается, что они не сходящѣ со сцены до конца своей жизни, и публика, кажется, осуждена пить до дна чашу съ нектаромъ ихъ швореній. Но какъ некогда законодатели заключали супружество въ извѣстныхъ предѣлахъ: ибо они не позволяли въ пятьдесятъ лѣтъ женщинамъ выходить за мужъ, а мужчинамъ въ шестьдесятъ жениться, предполагая, что въ старыхъ лѣтахъ поздно думать о дѣтнорожденіи; такъ всякой долженъ бы предположить предѣлы кннгорожденію; ибо для сего послѣдняго почно также не всякой возрастъ удобенъ, какъ для перваго. Упопребленное Горациемъ сравненіе напоминаетъ о правилѣ, оставленномъ намъ Виргиліемъ въ Георгикахъ (*). Пожилые стихопворцы должны бы также принаровлять оное къ себѣ, и не думать больше о томъ, чтобъ съ ослабѣвшими силами дарованія взбираться на Парнасъ. И такъ когда въ старости своей почувствуютъ они мнимое вдохновеніе, то должны почищать оное искушеніемъ какого нибудь злаго духа, и прочищать Парнасскимъ богинямъ молитву, пе-

(*) *Hanc quoque ubi aut morbo gravis, aut jam feignior annis, Deficit, abde domo, nec turpi ignosce senecta. Frigidus in venerem senior...*

добную той, которую одинъ ихъ собравъ приносилъ богинѣ любви:

Parce, precor, precor,
 Non sum qualis eram bonae
 Sub regno Synarae. Desine dulcium
 Mater saeva Cupidinum,
 Circa lustrā decem flectere mollibus
 Jam dura imperiis.

Служеніе Музамъ сходствуешь во многомъ со служеніемъ женщинамъ; лучше оставишь ихъ рабѣ, нежели очень поздно. Рассказываютъ о нѣкоторыхъ Государяхъ, кои велѣли придворнымъ своимъ приходиль къ нимъ ежедневно, и говоришь: *вспомните о такомъ-то дѣлѣ*. Если позволено сравнивашъ малыя вещи съ большими, то нужно бы, чшобъ стихотворцы, которые начинаютъ спарфшсь, возложили на кого нибудь обязанность говоришь имъ каждое утро: *вспомните о вашихъ лѣтахъ...*

9.

Излишняя тщательность нѣкоторыхъ писателей.

Ученый Вразмъ особенно упрекаешь двухъ извѣстныхъ писателей въ томъ, что они чрезмѣрно щились выправляшь свои сочиненія, и никогда не были довольны ими: одинъ изъ сихъ писателей былъ Павелъ Емилій, а другой Линацеръ,

ученѣйшіе мужи, процвѣтавшіе въ XVII вѣкѣ. Порокъ сей, за который порицаеиъ ихъ Еразмъ, не естъ общій; однакожъ не лзя не назваиъ его порокомъ, хопя обыкновенно одни великіе писатели а немблочные бывающіе подвержены оному.

Желательно, чшобъ господа издатели шакого множества сочиненій, писанныхъ на скорую руку, необдуманыхъ, необработанныхъ и совершенно бесполезныхъ для республики ученыхъ, наблюдали слѣдующее правило: всякое сочиненіе непрежде девяти лѣтъ надлежиъ выдавати въ свѣтъ. Не худо, чшобъ они щашельны были до излишества, и думали, что всякой разъ найдутъ что нибудь поправишь. Но досадно, что весьма умные люди подобны тому славному живописцу, который никогда не хопилъ врипш, чшобы картины его были совершенны, и котораго слабую сторону шакъ искусно угадалъ Апеллесъ.

Сей живописецъ былъ знаменитый Пропогенъ; онъ написалъ картину превосходной работы, но долговременной, и безъ сомнѣнія излишней. Апеллесъ, разсматривая картину и удивляясь совершенству ея, сказалъ: *Воля человека, который ри-*

суеть также хорошо, какъ я, или еще лучше меня; но я имѣю передъ нимъ то преимущество, что онъ принявшись разъ за картину, не отстанеть уже отъ ней никогда (*).

Примѣръ сей научаетъ насъ, что излишнее, напряженное и упорное стараніе выправлять свои сочиненія часто вредитъ онымъ. Есть извѣстная степень совершенства, переступя которую въ поправкахъ не будетъ ничего пушнаго. Въмѣсто того, чтобъ сочиненіе свое сдѣлать совершеннымъ и придать ему болѣе силы, дѣлаютъ его хуже и слабѣе. *Perfectum opus absolutumque est, nec jam splendescit lima, sed atteritur.* Сими словами извѣщается младшій Плиній въ одномъ мѣстѣ своихъ писемъ, чтобъ показать вредъ, происходящій отъ излишнихъ поправокъ. Квинтилианъ, другой великой наставникъ, учить сему же, и рѣшиительно говоритъ, что сочиненіе, которое безпрестанно съ начала до конца переправляютъ, дѣлается вялымъ: *отрѣзываютъ у него, пишешь онъ, то, что было здорова, выпускаютъ изъ него всю кровь, и дѣлаютъ его подобнымъ живому скелету, покрытому*

(*) Plin. lib. XXXV.

рубцами, оставшимися отъ прежнихъ язвъ. Какъ справедливо все сказанное (*)!

Орапоръ Кальвѣй былъ жертвою сей непомѣрной спрогоспи. Онъ такъ жестоко наказывалъ дѣшницъ пера своего за малѣйшія ихъ ошибки, что доводилъ ихъ до нѣвопорога рода разслабленія и вялости. Квиншилланъ называетъ епо: *быль нелеветникомъ самаго себя*. Вотъ метафора весьма неумѣренная, но очень достойная упомребившаго ее писателя: Il y a des esprits stériles, sobshвенныя слова опца Гарасса, lesquels ayant fait un effort en leur vie, ne se lassent jamais de le peigner jusqu'à ce, qu'ils lui arrachent les cheveux; et au bout du conte c'est un avorton (**). (Есть безплодные умы, копорые сдѣлавши одно усиліе во всю свою жизнь, чешутъ его гребнемъ до пѣхъ поръ, покуда не выдерутъ у него всѣхъ волосъ; и наконецъ изб

(*) Et ipsa emendatio habet finem. Sunt enim qui ad omnia scripta tanquam vitiosa redeant; et quasi nihil fas sit rectum esse quod primum est, melius existiment quidquid est aliud, idque faciant quoties librum in manus resumpserint, similes medicis, etiam integra secantibus. Accidit itaque ut cicatriosa sint, et exanguia, et cura pejora. Sit igitur aliquando quod placeat aut certe quod sufficiat. Ut opus poliat lima, non exerat. Quintil. lib. x.

(**) Garasse, Apologie. p. 313.

него выходилъ совершенной выкидышъ.) Между новѣйшими, одержимыми сею Кальвиевою болѣзнію, находилъся Саннацаръ. Справедливо порицали сего спихотворца за то, что онъ сполько разъ переправлялъ свою поему, что ее никакъ нельзя узнать; и вмѣсто совершенства, до котораго хотѣлось ему довести, онъ ослабилъ ее и изурялъ (*). Впрочемъ сказанное мною не относится вообще ко всѣмъ писателямъ, которые всѣми силами стараются выправлять свои сочиненія. Они дѣлаютъ очень хорошо, и достойны всякой похвалы; лишь бы только знали умеренность. Одно излишество есть порокъ: non amo nimium diligentes, сказалъ одинъ славной Римлянинъ, жившій въ древности (**).

Я прибавлю два замѣчанія. Есть писатели, которымъ во сто разъ пруднѣе начать свое сочиненіе, нежели продолжатъ и кончить оное; помираи, поправки и другія признаки мнѣшельнаго вкуса показываются особливо на первыхъ спрокахъ подлинника. Сіе замѣчено въ подлинникѣ одного сочиненія Платонова, и въ одной рукописи Пешпарковой. Утверждаютъ, что Аристопель имѣлъ подобную слабость (***).

(*) Baillet, jugement sur les poètes, T. III. p. 142.

(**) Сципionъ Африканскій. Смолпр. Cic. de orat. Lib. II.

(***) См. Muret. variar. lection. L. XVIII. c. VIII.

Если вбришь Виньелю-Марвилю, по „пер-
 „выя спроки Испорїи споили г-ну Дешу
 „гораздо большихъ шрудовъ, нежели вся
 „Испорїя; но какъ скоро онъ превозмогъ
 „се прецящствіе, по писалъ съ удивитель-
 „ною легкостію.“ Второе: есць писатели,
 которыми пруднѣе пересмотрѣшь свое со-
 чиненіе, нежели написать его вчернѣ: они
 охотнѣе и спржее выправляютъ свои со-
 чиненія печатныя, нежели въ рукописи.
 Но большая часть времени и прудовъ ихъ
 въ семъ случаѣ пропадаетъ напрасно; ибо
 немногіе чишатели сравниваютъ изданія;
 припомъ же, чшобъ увидѣшь важность сдѣ-
 ланныхъ поправовъ, надобно при сравненіи
 ихъ между собою имѣть перпвнїе и искус-
 ство. Таѣе-щю мѣсто во второмъ изданіи
 превращено изъ свинца въ чистое золото;
 но кто замѣшитъ ещю (*)?

10.

*Несправедливость нѣкоторыхъ
 криликовъ.*

Чишатели, сами ничего не сочинивше,
 въ сужденїяхъ своихъ гораздо спржее и
 несправедливѣе испытавшихъ на дѣлѣ пруд-
 ность сочиняшь. Ренъе въ IX сапирѣ увѣ-
 щеваетъ своихъ судей издашь что либудъ
 въ свѣтѣ:

(*) Art. Linacser, нем. F.

Qu'ils fassent un ouvrage,
 Riche d'inventions, de sens et de langage,
 Que nous puissions draper comme ils font nos escrits,
 Et voir, comme l'on dit, s'ils sont si bien appris,
 Qu'ils montrent de leur eau, qu'ils entrent en
 carrière.

Онъ принаровляетъ къ етому сказку,
 сочиненную въ Италіи: одинъ мужикъ,

Homme fort entendu, et suffisant de teste,
 Comme on peut aisement juger par sa requeste,
 S'en vint trouver le pape et le voulut prier,
 Que les prestres du temps se pussent marier:
 Afin, ce disoit-il, que nous puissions nous autres
 Leurs femmes caresser, ainsi qu'ils font les nostres.

Въ Марціалѣ находимъ мы почти тѣ
 же мысли; чему служивъ доказательствомъ
 слѣдующая эпиграмма изъ первой его книги:

Cum tua non edas, carpis mea carmina, Loeli;
 Carpere vel noli nostra, vel ede tua.

И сія другая, взятая изъ XII книги:

Corrumpit sine taMone coelebs:
 Caecus perdere non potest quod aufert.

Мнѣ кажется, что есь двѣ причины,
 препятствующія спрогимъ и всеобщимъ
 (universels) рецензиямъ показать опыты
 своего искусства сочиняшь, или какъ гово-
 ритъ Ренье de montrer de leur eau: пер-
 вая — страхъ вооружить всѣхъ противъ
 себя, и что имъ опплатяшь пою же моне-
 шною; вторая — чувствованіе того, что они

сами не соблюли правилъ совершенства, которыми руководствовались въ своихъ сужденіяхъ (*).

11.

Видъ легкости, примѣчаемой въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, есть часто плодъ прилѣжной работы.

Гварини писалъ чрезвычайно прудно; но читая прекрасныя его списки, можно подумать, что онъ весьма легко сочинялъ ихъ. Утверждающіе, что сѣи два качества противны между собою, нимало не знаютъ разнообразія ума человѣческаго, и весьма ошибаются, думая, что одни нѣ сочиненія стоющіе большихъ трудовъ, о которыхъ читатели шакого же мнѣнія, какого были нѣкогда о рѣчахъ Димосѣеновыхъ, *olent lucernam, то есть лажнуть масломъ.* Но надобно знать, что свойства ума человѣческаго многоразличны. Читая шакого-то писателя, пошчасъ видишь, какихъ трудовъ стоило ему его сочиненіе; и если онъ раза три или чешыре поправлялъ одно и ша же мѣсто, ломая надъ нимъ голову, то оно легко можно опличить онъ другихъ. Но есть писатели, которыми самой

(*) Взято изъ Dissertation sur le projet du dictionnaire historique et critique, § VI. rem C.

шрудъ придаетъ видъ легкости и непри-
нужденности; и чѣмъ больше шрудяшся
они надъ сочиненіемъ, тѣмъ легче, важнѣ-
ся, оно написано.

Таковъ былъ Гварини. Изъ вкуса его
происпекало сужденіе, что совершенство
сочиненія состоятъ въ красотахъ неиску-
ственныхъ, то есть въ легкости и плавно-
сти, чѣмъ онъ и старался нравиться. Онъ
получилъ отъ природы въ даръ чудесную
разборчивость, и опличалъ въ своихъ со-
чиненіяхъ все, что оспавалось въ нихъ не-
естественное и принужденное; всѣ его по-
правки состояли въ томъ, чтообъ не вид-
но было сихъ малѣйшихъ пятенъ въ его
сочиненіяхъ. Такимъ образомъ поправляя
много разъ, онъ достигалъ желаемого, по-
ещь давалъ видъ легкости своимъ стихо-
твореніямъ.

У другихъ писателей вкусъ совсѣмъ
опличной. Они спспавляютъ совершенство
въ неспспенномъ образѣ мыслишь и вы-
ражаешь, носящемъ на себѣ оппечатокъ
шрода и глубокой думы. Имъ кажешся,
что они дурно выразились, если въ сло-
гѣ ихъ нѣтъ ничего запутаннаго и падуш-
аго, если всякой понимаешъ ихъ безъ малѣй-
шаго затрудненія и усилія. Они тогда
только бывающъ довольны своимъ сочи-

нѣмъ, когда не останется въ немъ ничего такого, что могло бы казаться простымъ, естественнымъ и обыкновеннымъ. Отъ того происходишь, что чѣмъ больше прудятся они надъ сочиненіемъ, тѣмъ виднѣе употребленной ими прудъ. Не лъзя не назвать его великимъ; однакожь онъ иногда менѣе того пруда, отъ котораго сочиненіе получаетъ видъ легкости. Воалтюръ употребилъ немало времени на поправленіе своихъ стиховъ и писемъ, чтобъ оставить ихъ въ томъ состояніи, въ какомъ мы ихъ теперь видимъ. Защищникъ его Костаръ не говоритъ етого прямо, а намѣкаетъ, что находящаяся въ сочиненіяхъ его легкость дорого ему стоила. Вотъ что онъ пишетъ: *Воалтюръ всего болѣе старался о небрежности сего рода, которая такъ пристала къ лицу прекрасной женщины или прекраснаго мужчины. . . . Все, что ни написано имъ, кажется такъ легко, такъ просто, такъ непринужденно, что съ перваго раза всякой чувствуетъ себя способнымъ сравняться съ нимъ; и уже послѣ долговременныхъ и безплодныхъ усилій восклицаетъ: questo facile quanto è difficile (какая прудная легкость)! Я помню, какъ онъ однажды былъ доволенъ тѣмъ, что я приваровилъ къ*

нему мѣсто изъ Тасса, содержащее въ себѣ похвалу одной героинѣ Поэмы :

Non so ben dire s'adorna, o se negletta,
Se caso; od arte il bel volto compose:
Di Natura, d'amor, del cielo amici
Le negligenze sue sono artifici (*).

(Не лзя сказать, старалась ли она или не старалась обь украшеніи себя, случай или искусство сославляли ея красоту: небрежность ея, даръ счастливой природы; любви и щедрого неба, была искусственная.)

Г. Пелиссонъ, сей искусной знапоръ во всѣхъ произведеніяхъ ума человческаго, былъ совершенно увѣренъ, что писателю всего труднѣе достигнуть того, чшобъ сочиненіе его казалось какъ можно легче написаннымъ. Послушаемъ, что говоритъ онъ въ прекрасномъ своемъ предисловіи къ сочиненіямъ Сарразена : „*Два качества особенно дѣлають поэзію удивительною : изобрѣненіе, отъ котораго получила она и самое названіе свое, и легкость, безъ которой она не можетъ обойтися. Подъ симъ именемъ я не разумю легкости сочинять, которая иногда есть способность счастливая, но гораздо чаще несчастная. Я разумю здѣсь ту лег-*

(*) Costar, défense des oeuvres de Voiture.

кость, которую читатели находятъ въ писателѣ или въ его сочиненіяхъ, и которая во многихъ мѣстахъ стоила ему величайшихъ трудовъ, такъ что ее можно сравнить съ садами на кровляхъ домовъ; на нихъ издержаны милліоны, но при всемъ томъ они кажутся быть произведеніемъ савлагод случая или природы.

Есть исключенія изъ всего сказаннаго; нѣкоторые стихотворцы, какъ на пр. Овидій изъ древнихъ и Мольеръ изъ новыхъ, писали стихи съ удивительною легкостью, которую находили въ нихъ и читатели. Но согласимся съ Пелиссономъ, что легкость сія бываетъ часто опасна; Овидій испыталъ это на самомъ себѣ. Квинтиліанъ, сей великой учитель краснорѣчія, хочетъ, чтобъ сперва учились сочинять медленно. *Писавши скоро, говоритъ онъ, никогда не научишься писать хорошо; а писавши хорошо, можно сдѣлать привычку писать скоро* (*).

Впрочемъ, какъ ни опасна сія легкость, но лучше быть ей подвержену, нежели тому чтобъ каждая строка была измарана, и чтобъ поправкамъ не было кой-

(*) *Hanc moram et sollicitudinem initiis impero... Cito scribendo non fit ut bene scribatur: bene scribendo fit ut cito. Quintil. lib. x. cap. III.*
 NO 5. Г

да. Имя Бальзака находится въ спискѣ сочинителей, писавшихъ съ величайшимъ трудомъ, и епо можно поспѣшь примѣнить, читая его сочиненія. „Съ пера его ничто не спекаетъ легко и скоро, говоритъ Костаръ: ничто не приходитъ ему въ голову само собою. Вездѣ видѣнъ трудъ, и трудъ ужасной, такъ что читатели, имѣющіе ибжной вкусъ, успаютъ на первой же страницѣ, подобно тому славному Сибарису, съ котораго поспѣль лиль градомъ при одномъ взглядѣ на усилія, дѣлаемыя другими. Бальзамъ и самъ признавался, что сочинялъ для него было то же, что рыль землю, или пилиль лѣсъ. Не лзя сказать, что въ немъ не было ума удивительнаго; но онъ всегда былъ недоволенъ своими сочиненіями, подобно сему не обыкновенному человеку, о которомъ покойной г. Лизье (de Lisieux) говорилъ: Прекрасныя вещи, которыми онъ дарилъ публику, стоить ему такъ дорого, что еслибъ я былъ на его мѣстѣ, то выбралъ бы какую нибудь другую должность, чтобы служить ближнему, и не думаю, чтобы Богъ потребовалъ отъ меня исправленія той, а не другой (*).

(*) Costar défense des oeuvres de Voiture. Надѣюсь, что читатели простятъ мнѣ все

III. С М Ъ С В.

Письмо къ Издаелю Вѣстника Европы.

Въ Вѣстникѣ прошедшаго 1810 года въ 14 Но. читалъ я между прочимъ спашью, подъ заглавiемъ: *Картина Валахи*, въ которой сочинитель, предпринявши доставить сокращенныя свѣдѣнiя географическiя страны оной, поспунилъ почти такъ, какъ многiе поспу-пающъ въ частныхъ бесѣдахъ; начавши на-разговоръ о Рафаеловыхъ картинахъ, немедлен-но входящъ въ облака Аристофана. — Сочинитель, представивши намъ въ немногихъ словахъ географическiя свѣдѣнiя, въ огорченiи души своей, исполненной опчизнолюбiя, опол-

ссылки, которыми я наполнилъ спашью сiю. Содержание оной было довольно любопытно, и заслуживало, чшобъ я въ под-твержденiе сказаннаго мною сослался на нѣ-которыхъ извѣстныхъ писателей. *Белъ.*

А мнѣ, переводчику его, оспашется просить прощениа у читателей за свои довольно длинныя примѣчанiя; если только оныя пре-читаны ими.

Грамматинъ.

С. Петербургъ.

2 Феврала 2го, 1812

Г а

чается поношеніемъ и хулою на Константиннопольскихъ Грековъ, которые съ начала 18го столѣтія имѣли начальство надъ Валахіею. Онъ хочетъ открыть источникъ несчастнаго состоянія страны оной, и находитъ его въ непрерывныхъ злоупотребленіяхъ и насидѣхъ, которыми ознаменовали себя управлявшіе тамъ, по назначенію изъ Константинопля. Князья и прочіе знатные Греки, согласо съ ними дѣйствовавшіе; разсуждаетъ далѣе, что, хотя бы между Волшскими знатными особами и были сыны опечества и истинные патриоты, усердіе ихъ по зависимости отъ Константинопольскихъ Грековъ ни къ чему не могло бы способствовать; наконецъ, что вельможи Валахіи, по совершенному униженію духа, дѣлались подлыми льстецами у вельможъ при Князьяхъ Грековъ. — Вотъ, по мнѣнію его, источникъ несчастія и погибели страны оной!

Не нужно, думаю, предлагать здѣсь вопроса: можетъ ли бытъ та страна счастлива, въ которой съ давнихъ временъ почли непрерывное позорище войны? Джели всякому человѣку вообще надобно приписать въ контору мѣру наблюдательнаго духа; то онъ конечно долженъ внушить и сочинителю оприцательный отвѣтъ на мой вопросъ; и отвѣтомъ общимъ замѣчанію не слѣдуетъ больше гордиться ни слова.

Не нужно также предпринимать опроверженія; или даже приклонять слухъ къ выраженіямъ, относящимся къ укоренію Грековъ. — Довольно на первый разъ замѣнить, что сочинитель въ описуемомъ имъ предметѣ былъ не довольно свѣдущъ. Онъ исчисляетъ жише:

лей Валахіи и полагаешъ ихъ не болѣе *пяти* *сотъ* тысячъ (*), между тѣмъ какъ есть ихъ до полушора милліона, и одинъ Бухарестъ содержишь въ себѣ болѣе ста тысячъ душъ.

Есть присловіе : всякому свое хорошо. И въ самомъ дѣлѣ многіе хвалишь или оуждають что нибудь почто по сему основанію. Но да будешъ уврѣнъ чинпанель, что я честности и благородство души равно уважаю во всѣхъ націяхъ; что любя Грековъ, моихъ сопотечественниковъ, удаленъ отъ того присрасція, чтобъ любить, а тѣмъ менѣ хвалишь, и худыя даже ихъ качества; что подлостью и чернотою души равно гнушаюсь въ Грекѣ и Волохѣ: а потому и говорю, небынулось, что между нынѣшними моими сопотчинами есть нѣкоторыя дворяне склонныя ко злу и лукавству, къ несправедливостямъ и грабительствамъ, и что дѣйствительно обнаружили безчестныя сіи свойства въ пребываніи свое въ Молдавіи и Валахіи. Но сіи уроды въ семьѣ должны ли внушить намъ заключеніе, будто и всѣ Константинопольскіе Греки таковы, и всѣ или грабили, или помогали грабить Валахію? — Есть известное логическое правило : отъ частнаго къ общему не слѣдуешъ заключеніе. Разсуждая о чемъ нибудь, твердо надобно держашъ его въ памяти.

(*) Въроятно дѣлана о семъ выправка по Словарю Лангера : ибо тамъ почто стоишь до *полумилліона*. Но на словари такого рода полагаешся издобоно съ великою оспорожностію. О гонимыхъ зданіяхъ, числѣ монашыхъ и высотѣ колоколенъ говорятъ они довольно исправно. Н

Между тѣмъ да будешь позволено мнѣ обратишь взоръ и на Волоцкихъ дворянъ, и посмотришь на все честное и похвальное между ими. — Ни кто, думаю, неможешь оказашь неудовольствія, когда мимоходомъ сдѣлаемъ замѣчаніе о тѣхъ учрежденіяхъ, которыя получили начало отъ преждебывшихъ Князей изъ природныхъ Волоховъ, о заведеніи училищъ, объ учености и знаніяхъ, и о всеобщей общей пользѣ относящемся.

Извѣстно, что Волохи, подобно другимъ невосшедшимъ еще на степень просвѣщенія и образованности народамъ, до сихъ поръ не могли составить собственнаго своего языка, имѣшь на немъ книгъ и сочинить отечественную исторію. И поелику языкъ не приведенъ въ порядочную грамматическую систему; по можешь бышь это было хотя не главною, но довольно важною причиною, что они не въ состояніи были начертать собственныхъ законоположеній; и говоря вообще, не видно было у нихъ ничего такого, что свойственно народамъ благоустроеннымъ, имѣющимъ успавы соображенныя съ духомъ національнымъ, съ выгодами мѣстными, съ побужденіями къ просвѣщенію и съ истинною любовію общаго блага.

Если бы какому нибудь дѣписателю настояла надобность освѣдомиться о происшествіяхъ, собывшихся за нѣсколько вѣковъ въ сей странѣ; то напрасно бы искалъ онъ удовлетворить любопытство свое и начертнуть свѣдѣнія изъ подлинныхъ Волоцкихъ источниковъ. Ихъ повсе нѣтъ; надобно прибѣгнуть къ исторіи, сочиненной въ иной странѣ и на иномъ языкѣ.

Самая даже поезія, вдыхаемая природою въ челоѣка, оживошворяющая душу и дикарей, одному только духу Волоховъ до сихъ поръ кажется чуждою: они довольствуются проспонродными пѣснями, перенимаемыми у бродящихъ между ими цыганъ.

Ежели есть нынѣ въ Валахіи что нибудь похвальное; ежели жили озарены нѣкошорымъ лучемъ просвѣщенія; ежели находящія тамъ люди, начинающе познавашъ иѣну наукъ и занимающіеся ученостію: то, говоря по истинѣ, за все сіе обязаны они благодарностію не прежнимъ Князьямъ, своимъ соошечественникамъ, но княжившимъ тамъ изъ Грековъ Господарямъ, кошорые, какъ выше сказано, съ начала 18го столѣтія назначаемы и посылаемы были изъ Констаншинополя. Они, стараясь со всякимъ усердіемъ приводить въ лучшее состояніе спрану сію, заведи Еллиншореческія училища; ибо по причинѣ необработаннаго мѣстнаго языка не можно было завести опечешвенныхъ и скоро видѣть предполагаемую отъ нихъ пользу. Въ сихъ училищахъ образовались многіе иносшранцы и нѣкошорые природные жители, кошорые со временемъ получили право на названіе челоѣка просвѣщеннаго. — Сіи же поносимые сочиншпелемъ Греки ввели въ оныхъ спранахъ собраніе Греческихъ законовъ, *Базиліками* называемыхъ, кошорые суть единшвенные законы Валахійскихъ епархій. Они утвердили тамошніе обычаи непремѣнными усшавами; они старались о переводѣ съ Еллинскаго языка на Волошскій всѣхъ находящихъ нынѣ тамъ церковныхъ книгъ, служащихъ для Волоховъ руководствомъ къ разумнѣю Слова

Божія; наконецъ ремесленныя заведенія, книгопечатня, и словомъ, всякое существующее тамъ полезное учрежденіе оными же Греками Господарями приведено въ бытіе.

А что касается до любви къ отечеству, доказано въ разныя времена и во многихъ случаяхъ, что Волохи не имѣютъ ни патриотической ревности; ни сожалѣнія къ своимъ сопчичамъ. Яснымъ служашъ тому доводомъ величайшія бѣдствія, претерпѣнныя Валахією отъ природныхъ ея жителей при всякой перемѣнѣ княженія въ короткій промежутокъ времени предшественника и преемника. Ибо въ продолженіе такого междуначалія первенствующіе изъ Волошскихъ Бояръ не упускали пользоваться случаемъ къ разграбленію несчастнаго отечества, будучи чужды сердечнаго соболѣзнованія объ его разстройствѣ, и не чувствуя въсовѣсти своей угрызенія и упрековъ. Они имѣли единственною цѣлю частную корысть, и изъ источника общественныхъ бѣдствій съ радостію почерпали себѣ довольство и изобиліе.

Если бы Волохи были вѣрные сыны отечества; если бы души ихъ оживотворяемы были благороднымъ честолюбіемъ: то въ долговременное пребываніе между ими побѣдоносныхъ Россійскихъ войскъ, видя проливаемую кровь многихъ героевъ для защищенія сей земли противъ непрестанныхъ нападений со стороны Турковъ, угрожающихъ ей прежнимъ покореніемъ, необходимо надлежало бы имъ вспомоществовать храбрымъ Россамъ, жертвуя всѣмъ, чѣмъ только возможно, для собственнаго спасенія отъ ига Агарянскаго.

По́льза и благо о́печества требова́ли совоку́пнаго дѣйствованія и тѣхъ благородныхъ и безкорыстныхъ пожерпвованій, какія видимъ мы въ событіяхъ, у народовъ истинно любящихъ о́печество свое.

Сербы, народъ сосѣдственный Волохамъ, представляющъ имъ прекрасный и подражанія достойный примѣръ. — За долго прежде нежели Россійскій Орелъ простеръ крыла свои надъ оною странюю для приосѣненія свободы ея, Сербы сами собою, почти безъ оружія, безъ денегъ, неимѣя часто самаго необходимаго, непрерывно сопротивлялись спремисельнымъ Турецкимъ ополченіямъ, не щадили крови своей, и лучше хотѣли всѣ учиниться жерпвою свободы и спасенія о́печества, нежели уступить тѣснящему ихъ со всѣхъ сторонъ бѣдствію, и отдаться безъ сопротивленія удручительному деспотизму Оттомановъ. — Волохи, по видимому, не прогаются симъ примѣромъ. Поступки ихъ ясно доказываютъ, что любовь къ о́печеству не согрѣваетъ сердецъ ихъ; въ противномъ случаѣ они, подобно Сербамъ, давно опличились бы возможнымъ возстаніемъ противъ угнетителей свободы своей, противъ общихъ враговъ Хрістіанства.

Если бы бѣдствующая Греція была по своему мѣстоположенію сколько счастлива, чтобы съ удобностію принявъ могла въ страны свои непобѣдимое Россійское воинство; если бы Провидѣніе, руководствующее геніемъ наследниковъ Петра и Екатерины, открыло для Сѣверныхъ яровъ поле брани въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Милліады и Темиспоклы, поражая безчисленные полчища варваровъ, защищали

цѣлость и свободу опечесства своего: инокони оныхъ великихъ мужей, съ одной спорони возбуждаясь опголоскомъ древней славы, съ другой не въ состояннн будучи перпѣть позорное время рабства, безъ сомнѣннн употребили бы остатки силъ своихъ, дабы содѣйствовашь великодушнымъ покровителямъ въ низложеннн разбойниковъ, изнедшихъ ордами изъ степей и похитившихъ священнн пронъ Конспаншиновъ. — Греки съ воздыханннмъ ожидаютъ таковыхъ счастливыхъ минутъ; для Волоховъ онѣ давно уже настали. Почему же неупотребляютъ они ихъ для блага опечесства своего? — Потому что частная польза, занимая духъ ихъ, преняпствуешь соединншься въ общее благомыслнн. Ихъ ни мало не трогаешь разореннн опечесства, ежели только удачны личные ихъ расчеты, ежели могутъ они жншь весело и роскошно въ огромныхъ домахъ, наряжашься въ пыщныя и богатыя одежды, гордншься великолѣпными колесницами, пресыщашься дорогими яствами, какъ между шѣмъ простой несчастной ихъ соопечесственнкъ угнетенъ, пресмыкаешься въ рабствѣ и гибнешь голодомъ. — Пристойно ли, или лучше сказать, можно ли оставашься безпечными въ шѣ минуты, когда иноплеменное воинство отъ дальнихъ странъ припекло на помощь пропнвъ общаго жестокаго врага? — Сколько знаю Исторнн, не могу вспомннть образца такому косненнн, какое обнаруживаютъ Волохи. — Подозрѣватъ даже можно, что они охотно бы желали опсрочнть спокойствнн и благосостояннн опчизны своей; лишь бы только въ общемъ смятеннн и замѣшательствѣ свѣскорыпные замыслы ихъ не смѣшались въ своихъ расчнсленняхъ.

Таковы суть славные сии патриоты, ра-
зоренные, по словам К. злоупотреблениями
прежняго въ оныхъ странахъ княженія Гре-
ковъ! — Заключение, или лучше, шаковый оп-
ывъ и мои прошивуположныя примѣчанія
ощаю я на судъ просвѣщенному и свѣдуще-
му читателю; и между шѣмъ ни мало не сум-
нѣваюсь призывъ во свидѣтели пребываю-
щихъ тамъ пятый уже годъ военачальниковъ
Россійской арміи и прочихъ управляющихъ, по
назначенію Великаго и Благотворительнаго
МОНАРХА, чиновныхъ Особъ. — Впрочемъ
нѣтъ сомнѣнія, что могущественный и пра-
восудный Герой Сѣвера, присоединивъ въ на-
значенное Провидѣніемъ время къ проспран-
нымъ владѣніямъ благоденствующей Имперіи
своей и сію перзаемую насиліями страну, да-
руешь ей, равно какъ всѣмъ покоящимся подъ
державою Его народамъ, то непоколебимое
блаженство, которое испекаетъ изъ мудраго
и кропкаго законоположенія, и изъ порядка
Правительсва, дѣйствующаго для соблюде-
нія общаго блага.

Александръ Неври,

3 Декабря, 1811 года.

Кіевъ.

Московскія записки.

Въ засѣданіи Общества Любителей Рос-
сійской Словесности 24 Февраля, кромѣ дру-
гихъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ, чи-
тано было дѣйствительнымъ Членомъ А. В.
Боддыревымъ: Разсужденіе о властолахъ. Литше-

раторы наши, занимающіеся наблюденіемъ своимъ Русскаго языка и замѣчающіе разныя неудобства во всѣхъ изданныхъ грамматикахъ онаго, вѣроятно обратятъ вниманіе свое на Разсужденіе г-на Болдырева. Почти невозможно сомнѣваться, что предлагаемыя имъ мысли дадутъ поводъ къ важнымъ перемѣнамъ въ системѣ спряженій Русскихъ глаголовъ. Въ одно изъ прежнихъ засѣданій г. Сочинитель доказывалъ уже, что погрѣшности и недоспашки въ нынѣшнемъ порядкѣ спряженія происходятъ отъ излишества временъ совѣмъ ненужныхъ, и отъ того что каждой примѣръ спряженія составленъ не изъ одного глагола но изъ разныхъ вмѣстѣ. Намъ говорятъ обыкновенно, что слово *душу* есть прошедшее совершенное время глагола *думать*; но кто невидитъ, что здѣсь смѣшиваются два глагола, простой и сложной, изъ коихъ каждой имѣетъ, или долженъ имѣть особенное спряженіе? Г. Болдыревъ полагаетъ, что самое вѣрное средство поправить сіи и подобныя ошибки состоитъ въ томъ, чтобы правильно опредѣлить одинъ глаголъ отъ другого, сыскать истинное число временъ, составить одно спряженіе всеобщее. Въ нынѣшнемъ Разсужденіи своемъ, которое служило продолженіемъ читаннаго прежде, онъ показываетъ, что глаголы неопредѣленный *думать*, однократный *дунуть*, совершенный *сдумать* и учащательный *дуютъ* (отъ котораго происходятъ сложные *раздуютъ*, *надуютъ*) должны спрягаться каждой опредѣленно; что всѣ глаголы безъ исключенія имѣютъ весьма немногія формы, то есть *наклоненіе неопредѣленное* (*думать*), только два измѣненія въ изъявительномъ, а именно *настоящее* время и *прошедшее*

(дую, дуль), повелительное (дуй), причастіе и дѣепрічастіе прошедшія и настоящія, и что принявши только двѣ формы времени, настоящее и прошедшее, мы не уменьшимъ богатства нашего языка. Не распространяясь въ семь крашкомъ показаніи ни исчисленіемъ ни исслѣдованіемъ доводовъ Сочинителя, мы желаемъ вмѣстѣ съ нимъ, чтобы трудъ сей побудилъ филологовъ разсмотрѣть внимательно правила нашего языка, исправить погрѣшности въ нихъ и поспавишь грамматикку нашу на ту степень совершенства, на которую иноземные Ученые возвели грамматикку своихъ языковъ. Оба разсужденія г-на Болдырева о глаголахъ будущъ напечатаны въ *Трудахъ Общества*: Мы должны еще упомянуть о *Посланій отъ Пенелопы къ Улиссу*, переведенномъ изъ Овидіевыхъ Героидъ дѣйстви- тельнымъ Членомъ А. Ѳ. Мерзляковымъ. Предлагаются отрывокъ изъ онаго :

Разрушенъ Иліонъ — и живъ супругъ мой слав-
ный.

Вспять шествуютъ вожди Арголіды державны;
Дымятся олтари, влекутся въ пышной храмъ
Корыспи варваровъ опеческимъ богамъ;
Супруги нѣжныя несутъ дары обѣтовъ
За дни возлюбленныхъ, спасенныхъ отъ на-
вѣтовъ.

Младый герой, сидя въ кругу своихъ родныхъ,
О Трѣ говоритъ, объ ужасахъ войны;
И спарцы сѣдиной украшенны младѣюшъ,
И дѣвы робкія безмолвны цѣпенѣютъ!
Подруга милая чухъ дышетъ при словахъ;
И сердце и душа драгаго на устахъ!
Тотъ перстомъ на столѣ чертитъ движенья
боя;

И каплею вина означена вся Троя :

Тамъ Симоисъ шепчетъ, Сигійскій здѣсь ушесъ,
Тамъ Царской пышной домъ верхи свои воз-
несъ и прох (*).

Г. Предсѣдатель Общества А. А. Прокоповичъ Анпонскій объявилъ, что на предложенной имъ вопросъ (вразсужденіи преимущества древнихъ или новѣйшихъ писателей) полученъ отвѣтъ, сочиненный Сопррудникомъ С. Г. Саларевымъ, разсмотрѣніе коего опложено до будущаго засѣданія. Г. Саларевъ вмѣстѣ съ разсужденіемъ своимъ представилъ и вопросы, для того чтобы желающіе написали о нихъ свое мнѣніе. Сущность оныхъ заключается въ слѣдующемъ: 1. Древніе почти никогда не основывали своихъ трагедій на любви; у новѣйшихъ стихотворцовъ нерѣдко любовь бываетъ главнымъ содержаніемъ трагедій; спрашивается, почему древніе не брали любви за основаніе трагедій, какъ дѣлаютъ новѣйшіе, и на чьей сторонѣ находится преимущество? 2. Едипъ вовлеченъ въ бѣдствія единственно произволомъ судьбы. Будучи невиненъ въ своихъ преступленіяхъ, онъ наказываетъ себя

(*) Вотъ подлинникъ:

Versa est in cinerem fospite Troia viro.

Argolici rediere duces: altaria fumant:

Ponitur ad patrios barbara praeda Deos.

Grata ferunt Nymphae pro saluis dona maritis:

Illi victa suis Troia fata canunt.

Mirantur justique senes, trepidaeque puellae:

Narrantis conjux pendet ab ore viri.

Atque aliquis posita monstrat fera praelia mensa

Pingit et exiguo, Pergama tota mero

Нас ibat Simois, hîc est Sigeia tellus,

Hîc steterat Priami regia celsa feris.

ужаснымъ образомъ ; желательнѣе знать, со-
отвѣтствуетъ ли правиламъ Аристотеля со-
вершенно добрый характеръ Едиповъ, и при-
личенъ ли онъ трагедіи? 3. Римляне сравни-
вшіеся въ прочихъ родахъ сочиненій съ Грека-
ми, отстали отъ нихъ только въ трагедіи;
надобно знать, почему у Римлянъ не было
знаменитыхъ трагиковъ, равныхъ Грече-
скимъ? Сіи вопросы, кажется не весьма за-
труднительные, могутъ подать матерію къ
сочиненіямъ приятнымъ. Положено ожидать
отвѣтовъ отъ участвующихъ въ трудахъ
Общества. К.

Театръ. Изъ объявленій, прилагаемыхъ
при Московскихъ Вѣдомостяхъ, видно, что
20 Февраля представлена была Французскими
актерами Вольперова трагедія *Семирамида*.
Неимѣвъ удовольствія быть на семъ зрѣлищѣ,
я могу по крайней мѣрѣ услужить читате-
лямъ выпискою изъ статьи, помѣщенной въ
одномъ Французскомъ журналѣ по случаю пред-
ставленія *Семирамиды*, передъ симъ неза-
долго, на Парижскомъ театрѣ (Theatre Fran-
çais).

„Нынѣ удивляются, что *Семирамида*
была освислана при первомъ представленіи;
но для меня гораздо болѣе по удивительно,
что послѣ принимать ее стали съ рукопле-
сканіями. Семирамида освислана въ то время,
когда Вольперъ былъ еще только обыкновен-
нымъ стихотворцомъ; тогда онъ небылъ еще
ни первосвященникомъ, ни полубогомъ; тогда
еще никто небылъ обязанъ всѣ произведенія
пера его почитать за святыню; тогда еще
незнали закона о непогрѣшимости сего ве-
ликаго мужа. Но какъ скоро принялъ онъ въ

руки свои бразды верховнаго правленія, що православнымъ послѣдователямъ ученію его въ философіи и лиштературѣ необходимо уже надлежало всѣ освиспаннныя прагедіи его, всѣ шуповскія и ругашельныя произведенія его въ снихахъ и въ прозѣ, почиташь швореніями образцовыми. Вольшеръ, какъ могучій чародѣй, вознамѣрился появленіемъ мершвеца испугашь пожилую Царицу, и шакую героиню, которая въ циньнадацать лѣтѣ своего владычества прославилась мужеспвенными подвижками и завоеваніями. Чшобъ испугашь шакую женщину, надлежало вызвашь мершвеца изъ могилы; но сего еще недовольно: надобно было все распорядишь такъ, чшобы мершвецъ говорилъ и приказывалъ въ день, при множеспвѣ народа, при собраніи всѣхъ вельможъ и знанишйшихъ гражданиъ Вавилонскихъ, вопреки обыкновенію всѣхъ прочихъ мертшвецовъ, которые боянся многолюдства и дневнаго свѣта, и по большей части являюшся пужливымъ людямъ ночью и въ шихомъ уединеніи.

„Казалось бы, чшо великой Царицѣ, прославившей себя столь знаменишыми побѣдами и мудрыми распоряженіями, вовсе неприлично боянся привидѣній. Успрашенная гнѣвомъ небесъ пожилая вдова Нинова, чшобы ошвратишь грозящую опасность, рѣшается видни за мужъ за молодого человекка. Средствво очень хорошее, но совершенно бесполезно.

„Неговорю ничего о тайншвенномъ сундукѣ, показываемомъ на сценѣ; неупоминаю о двусмысленныхъ словахъ вразсужденіи гробницы Ниновой; не спрашиваю, прилично ли все сіе трагическому сшихотворцу: но простѣ

говору, что характеръ Семирамиды совсѣмъ обезображенъ. Сію Вавилонскую Царицу, которой Исторія дала мѣсто наряду между завоевателями и героями, Вольтеръ представилъ женщиною слабою, малодушною, подобною Королевѣ Герспрудѣ, матери Гамлетовой. Захотѣвши подражать Шекспиру, онъ пренебрегъ Софокла и Расина, изобразившихъ Клитемнестру и Апатю. Какой благоразумной человекъ предполагашъ можешъ, чтобы боги вселили раскаяніе въ душу беззаконную, которую они погубишь вознамѣрились? Не справедливѣли думать, что они пробуждають совѣсть въ шѣхъ преступникахъ, которыхъ щадить желаютъ? Не прискорбно ли видѣть, что бѣдная Семирамида, покорная, униженная, раскаивающаяся, готовая исполнить все по волѣ боговъ и своего мужа, не избавляется отъ жестокаго ихъ мщенія? Было бы гораздо благороднѣе и приличнѣе важности характера Царицы Вавилонской, еслибъ она безтрепетно ожидала неминуемаго удара судьбы, умерла бы какъ героиня и завоевательница, и немучилась бы спрехомъ. Кребильонъ гораздо лучше умѣлъ сохранить театральныя приличія; онъ представилъ намъ Семирамиду такою, какою быть ей должно; несдѣлавши хорошей трагедіи, онъ по крайней мѣрѣ изобразилъ хорошій характеръ.

„Вольтеръ самъ чувствовалъ, что унижаетъ Семирамиду, заставляя ее воздыхать и плакать; ибо показывая ее малодушною и робкою, онъ въ то же время вселяетъ въ нее гордость чрезмѣрную и заставляетъ ее говорить слишкомъ велерѣчиво: спранныя пропигуположность! Всмотрись въ рѣчь, произ-

носимую къ государственнымъ чинамъ Вавилона; увидиште, что она ни чѣмъ не уступаетъ пустословію Загора. Хвастливые Гасконцы не умѣютъ извѣщать такими гиперболами, какими Семирамида щеголяетъ передъ собраніемъ вельможъ Вавилонскихъ. Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, говоритъ она, земля наполнялась ея славою и этила въ рукахъ ея мечъ и скипетръ. Непобѣдимое сердце ея побѣждается желаніемъ выдти замужъ за молодого человека для блага міра. Можетъ быть скажутъ, что пышность прилична восточному слогу; но я утверждаю, что пышной слогъ неприличенъ трагедіи, когда онъ бываетъ комическимъ.“

Февраля 24 *Цинна, трагедія Корнелюва въ 5 актахъ.* Поелику и сія трагедія представлена была Французскими же актерами, то снѣтъ удовольствуемся выпискою изъ Парижскаго журнала. Просишельно думать, что Французы лучше насъ разумѣютъ, въ чемъ именно сосцодятъ красота и достоинство ихъ языка.

„Расинъ образовалъ вкусъ свой швореніями Виргилія и Еврипида; Корнель иногда подражалъ Сенеку и Лукану, и крѣпость ума его была такова, что онъ незаражался худыми примѣрами, сочинялъ трагедіи удивительныя и самыя даже погрѣшности образцовъ своихъ превращалъ въ примѣры изящности. Корнель взялъ у Сенеки содержаніе и главныя сцены сей трагедіи. Неизвѣстно, самъ ли Философъ Римскій изобрѣлъ повѣсть о милосердномъ поступкѣ Августа, или нашелъ его въ запискахъ своего времени; но признашь-

ся должно, что поступокъ сей описанъ съ такимъ краснорѣчіемъ, какое рѣдко находишь можно у Сенеки.

„Августъ, бывши уже слишкомъ сорока лѣтъ, прибжалъ въ Галлію. Тамъ донесли ему, что Люцій Цинна вознамѣрился лишить его жизни. Одинъ изъ сообщниковъ заговора подробно рассказалъ Императору обо всѣхъ распоряженіяхъ Цинны. Августъ въ первую минуту гнѣва рѣшился погубить врага своего; онъ велѣлъ друзьямъ своимъ явиться къ себѣ на другой день поутру, и всю ночь провелъ въ мучительномъ безпокойствѣ: ему казалось весьма труднымъ и соблазнительнымъ дѣломъ осудить на смерть внука Помпея Великаго, незапятнавшаго себя до тѣхъ никакимъ зловѣрнымъ поступкомъ. Тотъ самый Августъ, которой прежде вмѣстѣ съ Антоніемъ на пиршествахъ и за трапезою очень охотно подписывалъ приговоры объ изгнаніи гражданъ Римскихъ, теперь немогъ рѣшиться погубить одного человѣка. Слова его показываютъ сильное безпокойство душевное.

„Какъ! говорилъ Августъ: не ужели надобно, чтобы убійца мой оспивался въ совершенной безопасности, а я терзался бы мучительнѣйшимъ страхомъ? Надобно ли, чтобы не понесъ достойной казни безразсудный заговорщикъ, дерзнувшій посягнуть на жизнь человѣка, уцѣлѣвшаго на многихъ сраженіяхъ и непогибшаго среди свирѣпства междуусобныхъ браней? Какъ? достоинъ ли жить въброломный, по возстановленіи всеобщей тишины на водахъ и на сушѣ возжелавшій умертвить меня, или лучше сказать принести на жертву?“ (Последнія слова значи-

пельны, попому что заговорщики назначили было исполнишь свой умыселъ во время жеривоприношенія.) Послѣ того предался онѣ глубокой задумчивости, которую иногда прерывалъ жестокими самому себѣ упреками. Сильно досадуя болѣе на себя нежели на Цинну, онѣ воскликнулъ: „Для чего мнѣ жить на „свѣшѣ, когда столь многимъ людямъ нужна „моя погибель? Долго ли еще проливать кровь? „долго ли подписывать казни? Всѣ молодые па- „приціи направляющѣ стрѣлы на мою голову. „Ахъ! лучше умереть, нежели для безопасно- „сти своей губить толкое множество граж- „данъ!“

„Не останавливаюсь надѣ политическимъ совѣтомъ Ливіи, и поспѣшаю къ свиданію Августа съ Цинною, къ прекраснѣйшей сценѣ въ Трагедіи, насильно извлекающей слезы. Непонимаю, какимъ образомъ такая драматическая мысль родилась въ головѣ Сенеки, велерѣчиваго декламатора! Основаніе ешой сцены почно ему принадлежитъ; но Корнелъ искусно присвоилъ ее себѣ и украсилъ. Читайтели, знающіе трагедію Корнелеву, могутъ пошчасъ видѣть, что Французскій стихопворецъ занялъ у Сенеки и что почерпнулъ въ сокровищницѣ своего генія. Продолжаю переводить Сенеку. Августѣ наединѣ съ Цинною.

„Прежде всего повелѣваю тебѣ, сказалъ „Интераторѣ, слушаешь терпѣливо и неперерывавъ словъ моихъ никакими восклицаніями: ты будешь имѣть время говорить въ „свою очередь. Цинна! ты не сдѣлался мо- „имъ непріятелемъ, но ты врагъ мой по при- „родѣ. Нашедъ тебя въ станѣ побѣжденныхъ,

„я оставилъ при тебѣ все швое имѣніе. Ты
 „нынѣ столько богатъ и счастливъ, что да-
 „же побѣдители могутъ завидовать тебѣ по-
 „бѣжденному. Ты просилъ себѣ достоинства
 „верховнаго первосвященника; многіе изъ чи-
 „сла шѣхъ, кой за меня сражались, искали она-
 „го сана: я тебѣ ошдалъ преимущество. Вошъ
 „что я для себя сдѣлалъ, Цинна; а шы хо-
 „чешь лишитъ меня жизни!“ При сихъ сло-
 „вахъ Цинна воскликнулъ: „Мнѣ и на мысль не
 „приходило шакое безразсудство!“ — Импера-
 „торъ остановилъ его: „Ты не хранишь усло-
 „вія. Мы положили, чтообы шы не прерывалъ
 „словъ моихъ. Такъ, Цинна; шы вознамѣрилъ-
 „ся умертвить меня!“ Тутъ ошъ сказалъ, гдѣ,
 „когда и какъ назначено было произвесши въ
 „дѣйство намѣреніе; наименовалъ всѣхъ заго-
 „ворщиковъ и шого, кто взялся нанесши пер-
 „вый ударъ. Цинна молчалъ не столько по дол-
 „гу повиненія какъ ошъ угрызений совѣсти.
 „Что побудило тебя посягать на жизнь мою?
 „продолжалъ Августъ: не хочешь ли зашпу-
 „шитъ мое мѣсто? Съ прискорбною жалостію
 „взиралъ бы я на Римскую Имперію, еслибъ
 „я одинъ препятствовалъ тебѣ достигнуть
 „прешода! но ты не въ состояніи распоря-
 „жать домашними своими дѣлами. Ты не да-
 „вно проигралъ шяжбу и долженъ былъ ушпу-
 „шитъ сыну ошпущенника, одержавшаго верхъ
 „надъ тобою! Не уже ли думаешь, что легче
 „получишь ушѣхъ прошивъ Цезаря? Помысли,
 „я ли одинъ останавливаю честолюбивое швое
 „стремленіе? Развѣ думаешь ты, что Павлы,
 „Фабіи, Коссы, Серзіліаны охотно ушупяшъ
 „тебѣ право на санъ верховный? Развѣ надѣ-
 „ешься шы, что покорится тебѣ многочи-
 „сленный сонмъ патриціевъ, не предками шоль-

„ко знаменитыхъ, но и собственными своими заслугами?“ Сказывающъ, что Августъ цѣлые два часа говорилъ безперерывно, Цинна слушалъ терпѣливо, ибо въ е наказаніе, имъ понесенное, соспояло единственно въ безотвѣтномъ ениманіи. Императоръ заключилъ сими достопамятными словами: „Цинна! я уже однажды простилъ тебѣ какъ врага своего. теперь опять дарую тебѣ жизнь какъ злодѣю и отцеубійцѣ. Опнынъ будемъ друзьями, и постараемся наперерывъ одинъ передъ другимъ доказывать на самомъ дѣлѣ, я ли больше достоинъ былъ даровать тебѣ жизнь, или ты получишь прощеніе.“ Корнель весьма удачно воспользовался прозою Сенеки; въ прекрасныхъ стихахъ своихъ онъ выразилъ еще сильнѣе мысли Римскаго писателя.“

Къ достопамятностямъ здѣшней Столицы, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ *Объявленіе о приглашеніи ко вступленію въ супружество*, напечатанное въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Спарожилы увѣряютъ, что нѣкогда въ Сатирическомъ Вѣспникѣ прѣмѣщаемы были отъ жениховъ и невѣстъ объявленія сего рода; слѣдственно упомянутый вызовъ не еспь новость необычайная. Разница въ томъ только, что во время издаванія Сатирическаго Вѣспника, лѣтъ за двадцать передъ симъ, кандидаты супружескаго союза не занимались чтеніемъ отъ 12 до 2 часовъ по полудни, въ книжной лавкѣ противъ гостиннаго двора на Ильинкѣ, ибо тамъ не было еще книжной лавки. Убѣдительность предложенныхъ въ объявленіи доводовъ — о томъ, чтобы нѣжной полъ небылъ застѣнчивымъ въ честномъ дѣлѣ супружества, и чтобы

удалилъ отъ себя предрасудки — подавала мнѣ причину думатьъ, что въ назначенную пору найду я въ книжной лавкѣ противъ гостиннаго двора на Ильинкѣ шолпу приглашаемыхъ чрезъ газеты *пожилыхъ вдовъ либо дѣвицъ, какихъ бы ни было лѣтъ*; и полагаю, что найду нѣсколько и молодыхъ особъ женскаго пола, хотя общано имъ не болѣе какъ *можетъ быть*; но къ удивленію моему я увидѣлъ книжную лавку и библиотеку наполненныя мущинами различныхъ націй и разнаго званія. Не возможно было распознать, кто былъ между ними повѣренный оиѣ пожилой вдовы либо дѣвицы, какихъ бы ни было лѣтъ, кто явился по препорученію молодой особы, и кто пришелъ изъ любопытства . . . навѣдашься о новыхъ книгахъ.

Д. Д.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Въ Рижской газетѣ подъ названіемъ *Zeitung für Literatur und Kunst*, издаваемой Докторомъ Меркелемъ, съ начала нынѣшняго года помѣщаются извѣстія о разныхъ новостяхъ въ Русской литературѣ, о книгахъ, о журналахъ, о трудахъ ученыхъ Обществу и ш. д. Издатель получаетъ сіи статьи изъ С. Петербурга. Неизвѣстный г. Сочинитель ихъ между прочимъ даетъ разумѣть въ одномъ мѣстѣ, что на С. Петербургскомъ театрѣ надлежало бы играть почаще шворенія Нѣмецкихъ, а не Французскихъ пѣшовъ (онъ желаетъ успѣха своимъ; намѣреніе доброе!). „*Разбойники, Фіеско, Коварство и любовь* пере-

„ведены и напечатаны; однакожъ ихъ непред-
 „ставляющъ, по крайней мѣрѣ въ С. Петер-
 „бургѣ. Въ Вѣстникѣ Европы въ одномъ за-
 „мѣчаніи на *Коварство и любовь*, у Шиллера
 „почти отнимающъ даже здравой смыслъ че-
 „ловѣческой!!! Легко угадать пому причину.
 „Россійской театръ образованъ по Француз-
 „скому, и *trois unites* „(ш. е. при единства:
 „дѣйствія, мѣста и времени)“ почищаются въ
 „немъ за совершенство трагедіи. Не смотря
 „на то, передъ симъ незадолго говорили, что
 „на С. Петербургскомъ театръ дана будетъ
 „переведенная прозою *Орлеанская Дѣва*. Въ-
 „роятно, дастъ ее кто нибудь для своего бе-
 „нефиса, чшобы заманишь публику именемъ
 „Дѣвы Орлеанской, весьма извѣстнымъ по ми-
 „лостии Вольпера.“ *И проч.* Г. сочинитель
 „смотритъ на вещи съ своей стороны; без-
 „полезно было бы оспаривать его мнѣніе.

✱

Въ Константинопольской типографіи, ко-
 „торая только одна и есть во всей Османской
 „Имперіи, недавно напечатанъ Турецкой лекси-
 „конъ, вѣроятно очень небольшой и неполной,
 „однакожъ состоящій 40 страницъ. Тамъ же
 „изданъ Французской переводъ Турецкаго воен-
 „наго устава; при сей книгѣ, коея авторъ
 „есть, какъ сказываютъ, нѣкоторой Турокъ,
 „находятся картинки. Въ домѣ типографіи по-
 „мѣщена и Академія, въ которой преподаются
 „астрономія, фортификація, артиллерія, на-
 „ука мореплаванія, геометрія, и географія. Одинъ
 „путешествующій Шведъ видѣлъ тамъ разныхъ
 „карты рукописныя, изъ числа коихъ четыре
 „части свѣта сдѣланы перомъ такъ искусно,
 „что ни одинъ изъ Европейскихъ инженеровъ
 „не можетъ начертать лучшихъ. Употребля-

емыя по части сихъ наукъ инструмены равномѣрно опличаются превосходною отдѣлкою. Спранно, что здѣсь же найдена одна Шведская книга, а именно Шапманово сочиненіе о строеніи кораблей; но какъ она зашла сюда, никто не вѣдаешъ.

*

Ученый Англичанинъ Додвель, недавно путешествовавшій по Греціи, издаешъ теперь въ Римѣ большое сочиненіе о найденныхъ имъ художественныхъ произведеніяхъ. — Издаваемая шамъ со всею роскошью типографическою книга *Marchi architettura militare*, въ 5 Частяхъ, съ прекраснѣйшими картинами, будетъ стоить 40,000 палеровъ Князю Лоди, которой печатаешъ ее на своемъ издженіи. Книга сія посвящена Имперашору Наполеону.

IV. П О Л И Т И К А.

Обозрѣніе заграничныхъ произшествій.

Изъ Парижа, отъ 27 Января, н. ст.
По повелѣнію Императора отъ 19 числа сего мѣсяца, обязанности новоучрежденнаго Министерства коммерціи и мануфактуръ суть слѣдующія: 1) руководство, какъ торговли, такъ и мануфактуръ, и управление всѣми дѣ-

лами, опшодштельно до внушрнннго движенин и благоуспррйства оббнхб снхб часпей; опредбленне чнновннковб по оннмб; способствование кб заведенню мануфактурб, для обрабошки опечественныхб произведеннй; 2) наблюденне за управленнмб таможнямы; соспавленне шарифовб, и тому подобное; 3) надзорб за снабженнмб Государства разнымн потребностями, и за привозомб и вывозомб сббспныхб припасовб; 4) сношеннн по дбламб шорговымб сб Консулами, находящнмнся вб иностранныхб земляхб, и наконецб 5) доклады Императору о всбхб дблахб, касающнхся до привозовб.

*

Изъ Неаполя, отъ 6 Января, н. ст.
Король нашб издалб повелбнне обб учрежденн здбсь Университета, который долженб бышь ошкрышь 13 числа сего мбсяца. Рекшору и Профессорамб онаго предоспавлено право, присутствовать вб собранняхб при Дворб. Для всбхб членовб Университета назначено такъ же и оплнчнтельное одбнне: бблый цвбтббудешб служнть оплнчнмб для факультета Богословскаго, красный для факультета Юриспруденцн, фюлетовый для Медицнны, зеленый по части наукб Математнческихб и Фнзическихб, а цвбтб желтый яркнй по Словесности и Фнлософн. (Сзв. П.)

*

Съ береговъ рбкн Майна, отъ 21 Января, н. ст. Франкфуртской гарнзонб получилб 12го числа сего мбсяца приказанне идшн вб началб будущаго мбсяца вб Данцнгб.

Изъ Нанси, отъ 19го числа Января, увбдомляющб, что всб хлббннкн и мясннкн, ра-

вно какъ и прочіе работники, кѣмъ уже за нѣсколько дней предъ симъ приказано Бхашъ къ наблюдательному корпусу, при Ельбѣ стоящему, отправятся завтра, 20го числа, въ назначенное имъ мѣсто. (С. П. В.)

✱

Изъ Вѣны, отъ 25 Января, н. ст. По содержащимся въ здѣшнихъ газетахъ извѣстіямъ, выпущено здѣсь вновь, въ продолженіе одного шокмо третьяго кваршала минувшаго года, мѣдной монеты на 11, 372, 129 гульденовъ, снарыхъ ассигнацій обмѣнено на новыя въ теченіи прехъ четвершей года на 200, 353, 850 гульденовъ.

Отъ 1 Февраля, н. ст. По вышедшему здѣсь вновь постановленію, цѣна обращающейся въ Имперіи худой мѣдной монеты уменьшена въ пять разъ проптиву выпущенной вновь, такъ что монета въ 30 крейцеровъ будетъ стоить шокмо шесть, а вмѣсто 15 шокмо пять крейцеровъ.

✱

Изъ Саксоніи, отъ 10 Января, н. ст. Сверхъ добровольныхъ пожертвованій здѣшняго дворянства, учреждены на настоящій 1812 годъ разные чрезвычайные сборы съ помѣстьевъ онаго, которые распространены и вообще на всѣхъ подданныхъ. Всякъ имѣющій годоваго дохода отъ 50 до 1000 талеровъ, какого бы званія онъ ни былъ, исключая шокмо самыхъ простыхъ служившелей, долженъ внести въ казну по полупроценту; а шѣ, коихъ доходы простираются свыше 1000 талеровъ, по цѣлому проценту.

✱

Лондонъ, отъ 23 Января, н. ст. По 31е число минувшаго Декабря отправлено изъ Лондона въ Испанію и Португаллію слѣдующее количество ружей, пороху и проч. въ Испанію : 337,000 ружей, 4600 карабиновъ, 8600 пистолетовъ, 101,000 мундировъ и проч. для пѣхоты, 50 милліоновъ папировъ, 35,900 боченковъ пороху. — Въ Португаллію : 646,000 ружей, 600 карабиновъ, 6900 пистолетовъ 50,000 мундировъ, 18 милліоновъ 607,000 папировъ, 60,000 пуль и 3000 боченковъ пороху.

По здѣшнимъ Вѣдомостямъ, Правительство наше не согласилось на размѣнъ плѣнныхъ, чрезъ что Англія возвратила бы 20,000 храбрыхъ своихъ ратниковъ, и освободилась бы отъ необходимости содержать 50,000 Французскихъ плѣнныхъ, на которыхъ она принуждена нынѣ употребляетъ ежегодно по 1 милліону фунтовъ стерлинговъ.

Находящійся въ Балтійскомъ морѣ флотъ нашъ еще 1 го числа Ноября получилъ приказаніе возвратиться въ Англію; но вскорѣ потомъ наслано было ему другое повелѣніе, оставаться тамъ до 1 го числа Декабря. Въ семъ морѣ лишились мы трехъ кораблей и 2000 человекъ. Всѣ свѣдущіе въ морскихъ дѣлахъ люди весьма оуждаютъ долговременное пребываніе нашего флота въ Балтійскомъ морѣ, а офицеры, во флотѣ находящіеся, уже напередъ долатали, что имъ непременно должно будетъ претерпѣть несчастіе. Капитанъ *Гуллонъ*, бывший на кораблѣ *Сентъ-Джоржъ*, еще съ послѣднимъ отправившимся почтовымъ судномъ прислалъ въ Англію духовное свое завѣщаніе.

Константинополь, отъ 10 Декабря, и. ст. Черезъ здѣшнюю столицу почти непрерывно идутъ небольшими опрядами Азіатскія войска къ Дунаю; другіяжъ напрошивъ того прослужившія свое время, а именно участокъ Кары Османа Оглу, возвращаются въ свою отчизну.

О успѣхахъ мирныхъ переговоровъ здѣсь ничего не слышно.

Назначенный Румелійскимъ Сураджи - Пашею Гафиръ Али Паша, съ 1000 или 1200 чел. войска пошелъ 5 го числа сего мѣсяца въ Даудъ - Пашу; утверждаютъ, что и Великій Султанъ отправился туда же, вѣроятно для того чтобы изустно отдать Сураджи - Пашѣ послѣднія свои повелѣнія. Слухъ носится, что крѣпость *Нагалъ* на Аравійскомъ полуостровѣ занята Египетскими войсками, и что главный корпусъ оныхъ, подъ предводительствомъ одного изъ сыновей Мегемедъ - Али - Паши, пошелъ противъ Мекки, надѣясь, при помощи благомыслящихъ тамошнихъ жителей и Шерифовъ, принявшихъ сторону Оппоманской Порты, выгнать оттуда Вехабитовъ.

Бывшія здѣсь публичныя празднества, по случаю рожденія Султана Мурады, продолжались семь дней, и, какъ говорятъ, стоили казнѣ болѣе 3000 мѣшковъ. Въ четвертый день сего торжества, 28 го числа прошедшаго мѣсяца, отправился Султанъ со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ въ Галашу - Серай, лежащій на половинѣ дороги къ Перу, гдѣ воспитывающія Султанскіе Пажы, пробылъ шазъ до вечера и принималъ, по введѣнному обыкновенію, отъ иностранныхъ посольствъ

великолѣпные приборы, украшенные цвѣтами, съ конфетами, и проч.

Отъ 24. Декабря, н. ст. Въ здѣшнихъ значительнѣйшихъ Государственныхъ Чиновникахъ послѣдовали разныя перемѣны, не имѣющія однакожъ, какъ кажется, никакого отношенія къ иностранной политикѣ.

24го Числа сего мѣсяца скончался отъ гнилой горячки недавно избранный новый Генералъ - Адмиралъ Мегмедъ Паша.

Для устрашенія нарушителей Султанскаго повелѣнія, которымъ наиспрожайше запрещено обрѣзывать золотую монету, двое Армянскихъ мѣновщиковъ, кои по суду оказались виновными въ семъ преступленіи, на сихъ дняхъ повѣшены, а двое другихъ осуждены на галеру въ тяжкую работу.

На прошедшей недѣлѣ вышла въ Архипелагъ военная корветка на смѣну другой, тамъ находящейся, для бдительнаго присмотра за тайнымъ провозомъ товаровъ и собственныхъ припасовъ, а наипаче хлѣба, къ Европейскимъ берегамъ Средиземнаго моря, а такъ же и для обузданія иностранныхъ каперовъ, которые на Турецкихъ водахъ и даже въ самыхъ гаваняхъ дѣлають великія наглости. (С. П. В.)

У в ѣ д о м л е н і я.

(Выписки изъ писемъ къ Издателю
Вѣстника Европы.)

... Нехотѣвшій быль извѣстнымъ благопворителемъ, означая вдовѣ паспортѣ, бывшей

въ Кіевѣ, геспежѣ Бауршмитѣ получаютъ отъ него повсягодно по 150 рублей, желалъ о полученіяхъ таковыхъ отъ госпожи Бауршмитѣ увѣдомленій. Она имѣла честь до сего увѣдомлять своего благодѣтеля о полученіяхъ, а равно о полученной ею такою же суммѣ и на нынѣшній годъ, съ сердечною признашельностію извѣщаеиъ; но перемѣняя теперь мѣстопробываніе свое и отпраляясь изъ Кіева для жительства въ Москву въ домъ купца Малахова, на Спрѣтенкѣ, дабы полученіе вышесказаннаго подаянія не было затрудняемо, поручила мнѣ о семъ для свѣдѣнія и припечатанія извѣстити васъ.

П. Леонидъ.

9 Февраля, 1812 года.

Кіевъ.

Прошу васъ покорно помѣстить въ издаваемомъ вами Вѣспникѣ извѣщеніе глубочайшей благодарности бѣдной вдовы Южиной къ неизвѣстной особѣ, приславшей изъ Москвы чрезъ меня пять рублей.

Павелъ Лузановъ.

17 Февраля, 1812 года.

Глуховъ.

Судьба указала намъ благодѣтельнѣйшаго челоѣка въ Его Превосходительствѣ Генераль-Лейтенантѣ Падѣ Ивановичѣ Дорнѣ, который оказываетъ свое покровительствѣ юношамъ разнаго званія, опредѣляя ихъ въ Государственную службу. Въ числѣ многихъ другихъ извлекъ онъ и насъ изъ ничтожества; привезъ въ Столицу, опредѣлилъ въ службу, и шѣмъ далъ возможность бытъ икогда усердными слугами ГОСУДАРЮ и Опечеству. Мы

убѣдительноше васъ просимъ не лишитъ насъ
средства, изъяснитъ Его Превосходительству
симъ нашу чувствительную благодарность.
Богъ да благословитъ трудъ его и укажетъ
его сиротамъ беззащитнымъ.

Александръ Явнскій, опредѣлен-
ный въ Санктпетербургской Почтѣ-
Амтѣ въ инвалиды.

3го Морскаго полку подпрапорщикъ
Петръ Даниловъ Домнинъ.

Обучающійся при второмъ Кадет-
скомъ корпусѣ военной службѣ *део-
рянинъ Иванъ Глуховскій*.

19 Февраля, 1812 года.

Санктпетербургъ.

О Ш И Б К И

въ 4 книжкѣ Вѣслника Евроль
1812 года.

напечат.

читай :

Стран. Стр.

313	15	незабвенные	-	незабвенныя
314	26	benegnissime	-	benignissime
323	18	pinus inrus	-	. . . pinus.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 6. МАРТЪ 1819.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Возвращеніе Генриха на родину ().*

Послѣ семилѣтняго отсутствія, молодой столяръ Генрихъ съ непрерывнымъ вѣдущъ возвращался на свою родину, вѣ одинъ Нѣмецкій городъ. Уже близокъ былъ часъ полудня; но ему осипавалось еще идти восемь миль. Онъ отобѣдалъ вѣ небольшой деревнѣ, и отдыхалъ при дорогѣ, чшобы поднрбпивъ силы идти далѣе и ввечеру обрадовать семейство своимъ прибытїемъ. Онъ предшавлялъ себѣ то удовольствїе, которымъ насладился при свиданїи съ родителами своими и друзьями. Душа его наполнена была сладоспными воспоминанїями; самое время года располагало ее къ меланхолїи. Была осень; влажный и холодный вѣтеръ дулъ съ запада, и паръ ды-

(*). Дрвилъ повѣсть изъ соч. г-жи Монполье.

жанія становился видимымъ. При облачномъ небѣ и мрачности дня картина разрушенія, представлявшаяся его взорамъ, казалась еще печальнѣе: на обнаженныхъ нивахъ видны были только остишки соломы отъ сжатаго хлѣба; зеленые луга завяли и пожелтели; роща становилась прозрачною; смуглые и красноватые листья падали съ деревьевъ плодовыхъ; самая ива, подъ коперю сидѣлъ Генрихъ, перья желтые листья свои, срываемые впрямъ и уносимые на другую сторону рѣчки.

Все предметы пѣпали задумчивость Генриха, и возбуждали въ душѣ его воспоминанія о прошедшемъ времени. Обыкновенно воспоминающъ съ печалію о минувшихъ лѣтахъ жизни, однакожъ не всегда потому, что онѣ проведены безполезно, или что мысль о нихъ производишь раскаяніе; но крайней мѣрѣ нашему Генриху вовсе не о чемъ было раскаиваться. Онъ въ точности слѣдовалъ всемъ правиламъ добродѣтели, преподааннымъ ему еще въ младенчествѣ простодушными и добрыми его родителями; сердце его не заразилось никакими пороками; ни одинъ масперъ, у которыхъ онъ работалъ, не отпустилъ его безъ сожалѣнія; Генрихъ вездѣ отличался вѣрностію, прилѣжаніемъ, догадливостію; благоуміемъ, усердіемъ и услужливостію.

вездѣ любили его какъ своего роднаго. Не-
 всегда также и страхъ будущихъ печалей
 заславляетъ насъ жалбы о прошедшемъ ;
 минувшее время для насъ драгоценно ; мы
 жили въ продолженіе онаго ; оно было сви-
 дѣтелемъ всѣхъ нашихъ мыслей и ощуце-
 ній ; мы привыкли почитать его часпю
 самихъ себя и не можемъ разлучиться съ
 нимъ безъ прискорбія ; сердце наше стѣ-
 сняется , когда обращаемъ мысленные взо-
 ры свои на прошедшее , точно какъ при
 воспоминаніи о любезномъ человѣкѣ ; съ
 которымъ разлучились мы навѣки. Ино-
 гда хотимъ возвратить прошедшія мину-
 ты ; и жалбемъ даже о тѣхъ ; кои были
 для насъ не весьма благоприятны ; иногда
 кажемся намъ ; будто стоимъ на краю
 пропасти , въ которую упала вещь для насъ
 драгоценнѣйшая — хотимъ броситься за
 нею , но сила невидимая удерживаетъ насъ ;
 усремляемъ взоры свои ко дну пропасти ;
 ничего не видимъ во мракѣ и прошивъ во-
 ли своей удаляемся ; часто оглядываясь къ
 безднѣ ; поглотившей вещь нами любимую.
 Почти таково было состояніе души моло-
 даго нашего пупника ; размышлявшаго о
 пропекшихъ дняхъ своей жизни. Ему живо
 представлялась та минута , въ которую
 онъ оставилъ домъ родительской ; ему ка-
 залось ; будто видитъ передъ собою нѣж-
 ную мать ; снаряжающую его въ путь

дальнѣй, и всѣ ея заботливия приговоренія, и слезы изъ очей ея текущія при укладываніи чемодана, и важной видѣ опца, которой однакожъ не могъ скрывать внутренней печали, и даже ласки рѣзвой собачки, непредвидѣвшей разлуки съ своимъ хозяиномъ; Генрихъ помнилъ даже шрескъ огня, когда приговаривали ужинъ въ день его отшествія изъ родительскаго дома, помнилъ, какія за ужиномъ подавали вуханья, которыхъ почти совсѣмъ небли; болѣе же всего помнилъ наснавленіи добродѣтельнаго опца и совѣщаній нѣжной матери, которая спрашивалась предстоящихъ сыну своему опасностей.

При такомъ расположеніи духа онъ воспоминалъ и о мѣстахъ страняхъ которыхъ видѣлъ, о городахъ въ которыхъ жилъ, о людяхъ съ которыми познакомился, о веселыхъ прогулкахъ, о забавахъ съ поварихами, о работѣ; приводилъ себѣ на память, сколько сдѣлалъ въ жизнь свою кровавей для новобрачныхъ, колыбелей для новорожденныхъ и гробовъ для людей всякаго возраста.

Занимавшись мыслями сими около получаса, Генрихъ вынулъ изъ кармаза письмо, передъ тѣмъ за шесть медѣль полученное отъ матери, которая приказывала.

въ немъ Генриху возвратиться на свою родину. Уже нѣсколько разъ было оно читано; въ шеперешнемъ расположеніи захотѣлъ онъ: прочесть его еще однажды. Вотъ письмо отъ слова до слова:

„Любезный сынъ! начинаю благодареніемъ Богу, даровавшему тебѣ силу и здорровье; ты можешь теперь отправиться въ путь и обрадовать родительской домъ своимъ возвращеніемъ, неперпѣливо нами ожидаемымъ. Отецъ твой желаетъ, чтобы ты по крайней мѣрѣ черезъ два мѣсяца былъ съ нами; ты для насъ теперь необходимо надобенъ: я такъ соспѣрблась, что едва ли меня узнаешь; начинаю ходить сгорбившись, такъ члѣвсѣ плашья мои стали уже для меня длинны; ихъ перешиваетъ Елисавета, старая мастерица, которую ты вѣрно еще помнишь и которая тебѣ кланяется. Я опложила наряднѣйшїя плашья для будущей своей невѣстки; ибо мы для того и призываемъ тебя, чтобы ты женился, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Отецъ твой становится часъ отъ часу спарѣе и слабѣе; руки его немогутъ уже управляться со снобелемъ и съ пилою; онъ часто страдаетъ отъ лому въ костяхъ, и во время болѣзненныхъ припадковъ худо слышитъ. Тебѣ известно, что завистливые люди всегда

„ицупиѣ случая опннать работу у своей
 „братни ремесленниковъ; пожалуй возвра-
 „пись поскорѣе. Отецъ отдаешъ тебѣ свою
 „рабочую; ты женишься и упокоишь нашу
 „спаросишь. Въ работѣ недоспашка небу-
 „дешъ; надѣйся на Бога. Подлѣ насъ по-
 „селлся одинъ спарой господинъ, знавшій
 „опца твоего еще въ молодости; вчера
 „былъ онъ въ нашей рабочей и долго съ
 „нимъ разговаривалъ; онъ такой доброй,
 „такой привѣпливой, что и подумаешь бы
 „мудрено о его доспашкѣ; однакожь онъ
 „очень богатъ и насъ жалуешъ. Будущю
 „весною выдастъ онъ внучку свою за мужъ;
 „онъ хочешъ заказать намъ, по естѣ тебѣ,
 „сдѣлашь кровашъ въ свадѣбѣ и прочіе до-
 „машніе приборы для новаго хозяйства.
 „Спарой отецъ твоя немогъ слышатъ всѣхъ
 „словъ барина; и попому при исчисленіи
 „подлѣокъ, я должна была повторить ему
 „разъ двадцать, что ты все нужное для
 „него сдѣлаешъ прекрасно. Баринъ каждой
 „разъ улыбался, и сказалъ напоследокъ: я
 „хочу также убрать домъ свой, который
 „имѣю въ городѣ; вашъ сынъ, а не кто
 „другой, будешъ работашъ для моего дома,
 „и даже сдѣлаешъ гробъ для меня самого.
 „Я заплакала при сихъ словахъ честнаго
 „барина, хотя и думала, что ни я, ни отецъ
 „твой неперезживемъ его. Смощри, какое
 „доброе начало! Что же касаетъ до жены

„пвоей, по знай, что мы уже выбрали
„для тебя честную и пригожую дѣвушку;
„у нее есть небольшое имущество, а въ
„помужь еще она великая охотница хо-
„зяйничать. Ты на ней женишься, ежели
„хочешь она тебѣ будетъ по сердцу; но я
„уверена, что ты ее полюбишь. А она,
„скажу правду, она и со свѣткой не най-
„дешь себѣ мужа, которой бы во всемъ по-
„ходилъ на умнаго и пригожаго нашего Ген-
„риха. У нее нѣтъ матери; за то она
„меня будетъ любить какъ родную мать
„свою; отецъ ея, у котораго она и живетъ,
„старикъ пречестной; мы уже съ нимъ го-
„ворили о семъ дѣлѣ, и онъ согласенъ. Ты
„не знаешь будущаго своего счастья; только
„за четыре года передъ симъ онъ поселил-
„ся въ ближней деревнѣ отъ насъ въ двухъ
„миляхъ. Когда придешь домой, то всѣ
„въспомнимъ его въ первое воскре-
„сенье. Мы съ нимъ очень дружны; къ
„тому жь еще онъ намъ и не чужой: сестра
„его бабки была за шуриномъ покойнаго мо-
„его дѣда. Я уверена, что ты полюбишь
„свою родственницу, будущую жонку.
„Видя ее, не подумаешь, чтобы она выро-
„сла въ деревнѣ; щеки у нее какъ цвѣтъ
„розовой, глаза какъ ясныя звѣзды; сло-
„вомъ сказать, она красавица, и я заранѣ
„любуюсь, представляя себѣ, какъ будетъ
„она стоять подѣ въцѣмъ въ свадебномъ

нарядномъ платьѣ. Женись только на ней,
 любезной сынъ мой; увѣрю тебя, что
 ты будешь счастливъ. Я въ молодости
 была не красавица; однакожъ отецъ твой
 женился на мнѣ съ охотою, и мы прожили
 вѣкъ свой благополучно. Все будешь шакъ,
 какъ Богу угодно; только я день и ночь
 думаю объ этой свадьбѣ.

„Отецъ твой ожидаетъ тебя съ не-
 терпѣнїемъ. Ахъ еслибъ скорѣе возврат-
 ился нашъ Генрихъ! повторяешь онъ
 ежедневно. Чудо наше милое! посиди на
 родину. Ты будешь утѣхою и жезломъ
 нашея старости. Всевышній былъ до сихъ
 поръ для насъ милосливъ; надѣюсь на Не-
 бо, и увѣрена, что буду любоваться твои-
 ми малютками. Да возвратишь Онъ те-
 бя въ наши объятїя! о семъ возсылаемъ
 ибъ Ему всегдашнїя наши молитвы. Оста-
 юсь любящая тебя мать твоя *Марїя*
Золданова.“

Генрихъ сложилъ письмо, спрячалъ
 его въ карманъ, цовачалъ головою, всмалъ
 и пошелъ своею дорогою. Идучи разсуждалъ
 онъ о намбренїи родителей. Нытъ сомнѣ-
 вїя, что мысль о пригожей двушкѣ не
 должна пугать молодого человека, который
 хочеть женишься; но при всей увѣренно-
 сти своей въ добромъ желанїи матери, Ген-

рихъ немогъ совершенно положиться на разборчивость ея вразсужденіи пригласивъ; онъ думалъ, что женщина, и самая даже вѣжная мать, не всегда можетъ угадать, какая именно дѣвушка понравится мушкетеру. Путешествуя по разнымъ городамъ, онъ видѣлъ многіе примѣры супружествъ, несчастныхъ единственно отъ того что молодыхъ людей женили не спросившись объ ихъ согласіи и не посоветовавшись съ ихъ склонностями. Онъ рѣшился поступить въ семъ дѣлѣ со всевозможною осторожностію, и заранѣе предусматривалъ, что сіе замѣреніе его можетъ быть въ противоположности съ желаніемъ родительскимъ.

Будучи занятъ сими мыслями, онъ почти не замѣтилъ, что наступалъ вечеръ и собирались тучи на горизонтѣ. Опознившись, онъ увидѣлъ себя въ окруженной дѣсомъ долині, на которой жилия совсѣмъ было непримѣтно. Быстрое движеніе вѣтрицъ и шумъ листьевъ въ при деревьяхъ стоящихъ у дороги, падающія крупныя капли дождя, часъ отъ часу болѣе усиливающагося, заставили Генриха обратить вниманіе на другіе предметы. Судя по всѣмъ признакамъ, онъ догадывался, что сбился съ дороги; смотрѣлъ на всѣ стороны, и ничего невидѣлъ кромѣ густой мглы и сѣрыхъ облаковъ. Дождь

полился, какъ изъ вѣдра; плащъ на Генрихъ промокъ до послѣдней нитки, и вода струями текла съ его шляпы; негдѣ было искать убѣжища: деревья стояли безъ листьевъ, а наступающая ночь заставляла Генриха опасаться совсѣмъ потерять дорогу. Онъ остановился, думалъ и не зналъ что дѣлать; на послѣдокъ рѣшился пробираться лѣсомъ и шелъ еще цѣлой часъ; непрерывный шумъ отъ паденія дождя на листья, крики хищныхъ птицъ, холодъ, усталость, тяжесть намокшей одежды, страхъ проходить всю ночь по густому лѣсу — все сѣ дѣлало положеніе Генриха весьма затруднительнымъ. Очень приятно, окончивши трудное путешествіе, сидѣть передъ каминомъ въ кругу своего семейства съ чашкою чаю, или за горячею похлебкою; пускай на дворѣ шумитъ вѣтеръ и стучитъ дождь въ окна; тѣмъ лучше для того, кто претерпѣвши всѣ трудности непогоды и вспоминая о нихъ, наслаждается вожделѣннымъ отдыхомъ: но каково бѣдному пѣшеходцу осенью, въ густомъ лѣсу, подъ ливнемъ! Къ счастью, небо начинало проясняться, шумъ дождя становился тише, и Генрихъ увидѣлъ конецъ лѣса. Надобно быть въ его положеніи, чтобы представить себѣ радостное чувство, когда услышалъ онъ сперва лай одной собаки, потомъ ошзывы другихъ собакъ, и

наконецъ голосъ пѣшуха; при сихъ несомнѣтельныхъ признакахъ обшпалища людей, онъ удвоилъ шаги и скоро примѣтилъ свѣпящійся огонь въ разсѣянныхъ хижинахъ; подошедши къ ближней, онъ увидѣлъ свозъ маленькое окно горящую на столѣ лампаду, и за отворенную дверь въ другой комнатѣ дѣвушку, которая спояла передъ очагомъ и готовила кушанье. Комната, огонь, похлебка, дѣвушка — такая находка для путника измочаго и упомленнаго! Генрихъ поступался; дѣвушка, взявши лампаду, спшерла свѣчи; она была одѣта просто но опрятно; пригожее лицо ея и ласковой голосъ ободрили нашего пѣшеходца. Онъ забылъ все свое горе, объявилъ себя заблудившимся путешественникомъ, спрашивалъ далеко ли до города и нѣтъ ли корчмы въ деревнѣ. „До города еще три мили,“ сказала дѣвушка: „корчма отсюда не близко, шамъ за рѣкою, а дожжикъ неперестаетъ; войди къ намъ, доброй человекъ, отдохни и обогрѣйся.“

Чѣмъ болѣе Генрихъ смотрѣлъ на гостепрїимную незнакомку, чѣмъ болѣе вслушивался въ приятной голосъ ея; тѣмъ болѣе чувствовалъ движеній въ своемъ сердцѣ. Дѣвушка съ своей стороны не могла замѣтить пригожства въ молодомъ путешественникѣ, хотя плащъ его было въ без-

порядиѣ и вода пекла съ длинныхъ черныхъ волосѣ его. „Милости просимъ!“ сказалъ открояя дверь комнаты ошецъ дѣвушки, которой слышалъ разговоръ Генриха съ своею дочерью: „милости просимъ! Я знаю, какво путешествуя шерпѣшь непогоду; я самъ довольно шапался по свѣту въ молодости своей, и только еще недавно опдыхашъ началъ.“ Генрихъ вшелъ, поклонился, сѣлъ и рассказалъ, какъ зашпгла его дождливая ночь и какъ сбился онъ съ дороги. Рѣчь зашла обѣ удовольствїяхъ и невыгодахъ путешествїя. Спарикъ слушалъ съ любопытствомъ, и спрашивалъ Генриха, опкуда идешь, и какіе видѣлъ города во время своего путешествїя. Когда Генрихъ упомянулъ о Бременѣ, въ которомъ долго жилъ и работалъ, шоспарикъ обрадовавшись, подалъ ему руку свою въ знакъ дружбы и воскликнулъ: „Бременъ городъ прекрасной, неподобной!“ И пошли вопросы за вопросами. Къ счастью Генрихъ долго жилъ въ Бременѣ у одного спюляра, спаривнаго прияшеля гостепрїимному хозяину. Кшо напоминаешъ намъ дни молодости нашей, кшо говоритъ намъ о минувшемъ любезномъ для насъ времени, о спаривныхъ друзьяхъ, о шоварицахъ юношескихъ удовольствїя — шотъ самъ бываетъ для насъ любезенъ и въ шужъ минушущановишся пошши другомъ нашимъ. „Подъ

дожи сухихъ дровъ на огонь, Леонора!“ сказалъ старикъ своей дочери: „да накрой на столъ, и дай намъ похлебки, свѣжаго масла, свиру; гость опущинаешъ вмѣстѣ съ нами; онъ былъ въ Бременѣ и знаешъ моего друга; онъ опущинаешъ съ нами.“ Послѣ того совѣщавалъ онъ Генриху высушить передъ огнемъ свое плащье, а Леоноръ велѣлъ принести что-нибудь надѣшь на путешественника; но Генрихъ догадался, что плащье спариково nebudeшъ ему въ лицу, вынулъ изъ чемодана свою пару, и нарядился какъ прилично опрятному молодому человѣку. На всѣ вопросы спарика онъ давалъ удовлетворительные и любезныя отвѣты касательно своего путешествія, и сверхъ того вмѣшивалъ въ нихъ разсужденія, которыя показывали основательной умъ и доброе сердце. Леонора, заботясь объ ужинѣ, входила и выходила; но слушала внимателью все, и приятно посматривала на путешественника. Генрихъ, встрѣчаясь съ ея взорами, забывалъ свою повѣсть, а особливо когда Леонора съ тарѣлкою въ рукѣ или со спанномъ оспанавливалась у порога и внутренно удивлялась краснорѣчію молодого гостя. Ужинъ кончился; но разговоръ продолжался. Генрихъ никогда еще въ жизни своей не чувствовалъ подобнаго удовольствія; не смотря на то, каждой взглядъ Леоно-

ры, каждое слово ея поражало печалію сердце его; онъ вздыхалъ, не зная самъ отъ чего; неизбъяснимое чувство удовольствія; смѣшаннаго съ печалію, придавало еще болѣе выразительности словамъ его; но печаль превозмогала въ немъ чувство удовольствія:

Есть ли такой человекъ въ свѣтѣ, который послѣ приятной бесѣды съ умнымъ и добрымъ старикомъ; познакомившись и бывши вмѣстѣ съ прекрасною и любезною дѣвушкою, не ощутилъ бы въ себѣ мучительнаго прискорбія при мысли, что должно распаться съ ними и можетъ быть навсегда распаться? Сердце въ такомъ случаѣ невольно спѣсняется. Въ такомъ же расположеніи духа былъ и Генрихъ:

„Ни одинъ монархъ въ свѣтѣ не насыщался такими вкусными яствами,“ сказалъ Генрихъ съ видомъ удовольствія и благодарности, „какими вы пощивали меня въ нынѣшней вечеръ.“ Старикъ дружески пошрепалъ по плечу Генриха; Леонора улыбнулась. Въ самомъ дѣлѣ простой ужинъ сей былъ очень вкусенъ; Генрихъ былъ кушанье; приготовленное Леонорою и сидя подлѣ Леоноры. Никогда, не видавши и даже не зная именъ другъ друга; старикъ и молодой путешественникъ провели за спо-

домъ время какъ давнишнїе приятели. Можно ли не любить гостя, которой изъ благодарности за проспой ужинъ рассказываетъ о такихъ любопытныхъ вещахъ и происшествїяхъ? такъ думала Леонора. Генрихъ не былъ говорливъ отъ природы; но въ нынѣшній вечеръ рассказывалъ съ удивительною неупомимостїю. Любовь не всегда одинакова: иногда она дѣлаетъ нѣмымъ человека, а иногда заставляетъ его быть слишкомъ болтливымъ. Генрихъ, совсѣмъ безъ намѣренїя, старался нравиться Леонорѣ. Онъ видѣлъ ея внимательность, замѣчалъ ея улыбки и говорилъ очень охотно; ибо ничто столько не поселяетъ бодрости въ человекѣ, какъ желанїе нравиться и надежда успѣть въ семъ желанїи. Леонора сидѣла уже за самопрялкою; но колесо часто останавливалось и пальцы ея ругались на шу пору выпягивать нитку; взоры ея поминутно останавливались на Генрихѣ. Она старалась узнать причину сей новой привязанности; и замѣтила, что прелестной рассказчикъ былъ уменъ и добродѣтеленъ. Какое уваженїе къ женскому полу! какое обращенїе отъ порока и лживыхъ поступковъ! Генрихъ рассказывалъ старику, какъ одинъ молодой ремесленникъ обманулъ въ Бременѣ бѣдную дѣвушку; какъ она бросилась въ колодезь, и какія муки терпѣлъ соблазнитель въ душѣ своей! Кра-

снорбчѣе повѣствователя извлекло слезы изъ очей Леоноры. И и точно также рѣшилась бы умереть, думала Леонора; и сердце ея сильнѣе привязывалось къ Генриху.

На деревянныхъ стѣнныхъ часахъ ударило девять. Генрихъ вышелъ навѣдаться о погодѣ: небо прояснилось, но въ душѣ его собирались мрачныя тучи; онъ чувствовалъ, что вечеръ сей будетъ ему спойнѣ жизни. Боже мой! думалъ онъ: какъ могли родители мои рѣшиться безъ моего согласія! Нѣтъ, я не могу любить назначенной ими невѣсты; пойду теперь же и объявлю имъ, что происходитъ въ моемъ сердцѣ; а завтра возвращусь сюда, и . . . Генрихъ самъ не понималъ, что хотѣлъ дѣлать.

Между тѣмъ старики, оставшіеся въ комнатѣ, печально разсуждали о сей нечаянной встрѣчѣ; онъ видѣлъ сверкающія слезы на глазахъ своей дочери; замѣнилъ выразительныя взгляды ея, а особливо послѣдній, когда Генрихъ выходилъ изъ комнаты. „Леонора!“ сказалъ онъ: „доброей нашъ гость кажется мнѣ весьма честнымъ и достойнымъ человекомъ; но вспомни, что ты назначена другому. . .“ Генрихъ входяишъ и слышишъ печальной вздохъ Леоноры, которая уже

несмѣла свесити глазъ съ прислицы. „Погода хороша, и ночь несовсѣмъ темна,“ сказалъ Генрихъ: „пора мнѣ идти въ городъ; хочу севодни же увидѣться съ родителями; но я опять приду къ вамъ, если позволите.“ — Какъ съ родителями? развѣ ты здѣшній? Я думалъ, что ты путешественникъ издалека; кто отецъ твой? — „Спарой сполнръ Волдановъ.“ — Волдановъ? какъ! возможно ли? Не Ангелъ ли Божій направилъ тебя въ домъ мой! ты мой родственникъ, и будешь скоро, скоро. . . Обнимемъ, сердечной другъ мой! — А Леонора? Леонора, оставивши свою самопрялку, робко и медленно подошла къ Генриху и едва могла сказать дрожащимъ голосомъ: милый братецъ! — Не уже ли отецъ твой никогда не писалъ къ тебѣ о нашемъ дѣлѣ? спросилъ спарикъ: онъ мой старинной доброй приятель; онъ любитъ мою Леонорашку, какъ родную дочь свою; мы съ нимъ часто. . . о васъ говаривали. Леонора! мягкую постелю для милаго гостя! Онъ у насъ ночуетъ, а завтра всѣ вмѣстѣ ѣдемъ въ городъ. Какъ же удивится спарой мой приятель! Онъ ожидаетъ тебя непрежде какъ черезъ двѣ недѣли.

Леонора съ быстротою спрѣлы побѣжала въ чуланъ, приготовила постелю, и въ шубъ минушу опять очутилась подлѣ

гостя, котораго называла по любовнымъ брашномъ, по милымъ Генрихомъ. Ей было очень весело! Генрихъ долго не могъ говорить отъ радости; ибо и ему также было очень весело, и онъ... Но пора окон-
чить повѣсть.

Въ сіе самое время какъ я пишу, сча-
стливое семейство пиршествуетъ въ сель-
ской хижинѣ на другой день брака. Пред-
оставляю молодымъ людямъ, сочешавшимся
по взаимному согласію, и родителямъ, кото-
рые сопрягли дѣшей своихъ также по сво-
ему намбренію, опіадывашь, кпо болѣе сча-
стливѣ, старики или новобрачные. Р. Са
(Изъ Merc. de France.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Разлука и Любовь.

Романсѣ.

Однажды испрѣтилась Разлука
Съ Любовью спрашивной на пути:
„Опять? — такъ скоро! — грусть и скука!
Опять должна сказать: *прости!* . . .
(Любовь рыдаетъ) О мученье! —
Изъ мало собственныхъ маѣ бѣдъ!
Измѣна, ревность, подозрѣнье:
Противъ Любви цѣлой свѣтъ!

Гдѣ свѣтнётся душа съ душою,
Гдѣ полько къ счастью раздѣлутъ,
Далекой, близкою грозою
Не нынче, завтра ты ужь пушъ;
Счастливыцы мучатся въ сомнѣнны,
Не вбренѣ имъ ни день, ни часъ,
Трепещутъ въ каждомъ наслажденьи!
Всегда въ устахъ: — *въ послѣдній разъ!*..

Съ боязнью друга я встрѣчаю,
Съ боязнью говорю: *ты мой!*
Еще ко груди прижимаю,
А сердце ноетъ ужь поской!
Всѣхъ мѣръ съ тобою въ заговорѣ;
И чиста радость никогда
Не свѣтитъ въ спраспномъ, **миломъ взорѣ,**
И скорбь въ душѣ моей всегда.

Не смотришь ты на нѣжны сѣзны
Младыя, пламенной чепы;
Снегами засыпаешь розы,
И крещь креномъ — красоны. —
Тебя ни вбренность, ни спраданье,
Ни добродѣтель не смягчають:
Всечасное души шезанье! —
Нѣтъ, легче смерть тебѣ спокрашъ!"

Сестрица! перопци! — всякъ знаешь;
Я для тебѣ не шакъ вредна,
Люби Раззукъ отвѣчають:
Я спунницей тебѣ дана
На то, чтобы твои ушѣхи
Разнообразіемъ пишать,
Преображая въ слезы смѣхи,
Твои желанья оживляшь. —

Неблагодарная! — что будешь,
Предавшись самой себѣ?
Ты цѣну радостей забудешь:
И радость надоестъ тебѣ.
Не яль сердца друзей связую,
Препоной больше пламеню,
Терпѣньемъ вѣрность испытую
Къ безцѣнному свиданья дню!

✽

Ахъ! нужно, нужно и ненастье!
Скажи, кто въ свѣтѣ бы возмогъ
Снести непрерывно счастье? —
Такихъ силъ смертнымъ не далъ Богъ!
У легковѣрнаго младенца
Беру на время я цвѣшокъ,
Чтобъ новымъ подарить отъ сердца,
И, какъ играшь, подамъ урокъ! —

✽

Но есть и радости со мною:
Не мнѣли ты одолжена
Своей задумчивой слезою,
Какъ смотрится въ окно луна
И ночь почиетъ надъ горами; —
Не яль во снѣ твой нѣжу духъ?
Не яль дарю тебя мечтами, —
И цѣлой миръ съ побою другъ?

✽

Не мнѣль обязана сей сладкой,
Меланхолической поскою,
Которой ты несешь украдкой
Все въ жертву: радость и покой.
О рай души воспламененной!
Богъ знаетъ, кто милѣе изъ двухъ:
Желанной другъ, иль полученной?
Привычка — шаясшной недугъ!

✽

Измѣны часто отъ разлуки!
Пусть такъ! — Но кто же виненъ? Ахъ!
Почто о томъ вздыханья, муки,
Который вѣренъ лишь въ глазахъ!
Но ты все плачешь шомны вѣжды,
На долголь? — говорящъ; — не плачь;
Пади въ объятія Надежды:
Она швой другъ, она швой врачъ!

Мрзакъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Объ изобрѣненіи магнитной стрѣлки.

Начало важнѣйшихъ изобрѣненій почти всегда бываетъ сокрыто во мракѣ неизвестности, и очень рѣдко шрудолюбивой учености и самой проникающей крѣпости удаеяся находить оное. Сему и удивляясь недолжно: польза доставляемая новыми изобрѣненіями распространяея употребленіе ихъ съ удивительною скоростію, и даже тогда какъ онѣ еще не доведены до совершенства. Многія изобрѣненія сдѣланы

случайно во времена невѣжества; первые виновники оныхъ вообще старались болѣе о существенныхъ выгодахъ своихъ, нежели о суетной славѣ. Является человекъ необыкновеннымъ умомъ одаренный и доводитъ до совершенства изобрѣтеніе своихъ предшественниковъ; съ теченіемъ времени люди спановавшая просвѣщеніе, и желаящъ узнать, кто именно былъ виновникомъ того или другаго изобрѣтенія. Иногда цѣлой народъ обманывается, почитая изобрѣтателемъ того, кто умѣлъ удачно воспользоваться чужимъ счастьемъ; иногда многіе народы спорящъ между собою, и каждой изъ нихъ присвоиваетъ себѣ честь изобрѣтенія. Случается нередко, что путешественники, нашедши въ отдаленной странѣ какое нибудь изобрѣтеніе и видя его въ первобытномъ несовершенствѣ, думаютъ, что оно тамъ получило свое начало. Спрасные любители необычайностей и всего того, что приходитъ къ нимъ издалека, немедленно приспѣютъ ко мнѣніюсахъ путешественниковъ; другіе, не менѣе спрасные почитатели старины, думаютъ, что все нынѣ извѣстное изобрѣнено древними, роющъ въ книгахъ и нередко находящъ мнимыя доказательства въ свою пользу. Наконецъ, иногда очень поздно, торжествующая истина опдаетъ должную почесть ежели не самому изобрѣтателю,

коего имя остается неизвѣстнымъ, но по крайней мѣрѣ его опечиству.

Точно таковъ былъ жребій изобрѣтенія *магнитной стрѣлки*, ежели вришь ученому Тенуезцу Азуни, сочинившему Разсужденіе объ изобрѣтеніи сей пушеводительницы мореплавателей. Надобно впрочемъ признаться, что его изслѣдованія правильны и что мнѣніе свое подтверждаетъ онъ весьма основательными доказательствами. Опыты *магнитной стрѣлки* большею частію приписываются Флавіо-Жіоя, жившему въ городѣ Амалфи въ началѣ четырнадцатаго вѣка. Напрошивъ того миссіонеры утверждали, что оно извѣстно было въ Китаѣ гораздо прежде, и всѣ ревностные почитатели Китайцевъ упорно защищали сіе мнѣніе. Другіе же доказывали, что честь сего изобрѣтенія принадлежитъ Аравитянамъ, потому что народъ сей . . . былъ имъ любезенъ. Французы слабо защищали права свои; но теперь оказывается, что *магнитная стрѣлка* изобрѣдена во Франціи.

Прежде всего г. Азуни опровергаетъ системы, прошивныя своему мнѣнію. Справдѣ всѣхъ та, по которой изобрѣтеніе *магнитной стрѣлки* приписывается древнимъ. Единственнымъ поводомъ къ тому служилъ стихъ Плавша, Римскаго пѣипа:

*Nunc secundus ventus nunc est, eare modo
versorium.*

Но давно уже доказано, что слово *versoria*, въ копоромъ думали найти значеніе магнитной спирѣлки, значить канатъ каравельной. Разнымъ образомъ ссылались на одно мѣсто, упоминаемое Венсаномъ Бове (*Vincent de Beauvais*) и Албертомъ - Великимъ, и приводимое будто бы изъ Аристотелева сочиненія *de lapidibus* (о камняхъ); но сочиненія сего никогда не было на свѣтѣ, смыслъ приводимаго мѣста сомнителенъ и ссылка на Аристотеля сдѣлана, надеясь, съ лукавымъ намѣреніемъ. Очевидно только то, что около половины тринадцатаго столѣтія, то есть когда жили Албертъ-Великій и Венсанъ Бове, употребленіе магнитной спирѣлки было уже извѣстно во Франціи. Изъ того однакожъ невозможно вывести заключенія въ пользу древнихъ; ибо древніе о магнитѣ знали единственно то, что онъ имѣетъ притягательную силу.

Мнѣніе вразсужденіи Арабчанъ опровергается почти столь же удобно. Аббатъ Андрѣ (*Andres*), ревностнѣйшій защитникъ онаго, равномерно ссылается на одного Арабскаго писателя, жившаго въ девятомъ столѣтіи; но и здѣсь приводимыя слова совсемъ ничего недоказываютъ. Извѣстно,

что Аравияне, подобно древнимъ, обыкновенно плавали по морямъ; не опшдалясь отъ берега; а симъ и доказывается, что они не знали магнитной стрѣлки. Полезной снарядъ сей начали употреблять они тогда, какъ онъ уже извѣстенъ былъ во Франціи; слѣдственно Аравияне переняли новое искусство плавать у Европейцовъ.

Приязанія Кипайцевъ, или лучше сказать спраспныхъ любителей Кипайскаго народа, вводили кришину въ немалое затрудненіе. Многочисленные и жаркіе прошивники ея ссылались на одно мѣсто въ ~~которой~~ Китайской книги, гдѣ упоминается о колесницѣ, сдѣланной для Императора, на которой находилась фигура, всегда обращавшаяся къ споронѣ полуденной. Надлежало изслѣдовать достоверность книги и доказать, что упоминаемая въ ней фигура была не магнитная стрѣлка, а часы солнечные. Изъ всѣхъ доводовъ г-на Азуни наиболѣе убѣдительнымъ нажешся то, что Марко-Павелъ, бывшій въ Китаѣ въ послѣдней половинѣ шринадцатаго столѣтія, ни слова не говорилъ о магнитной стрѣлкѣ, между тѣмъ какъ снарядъ сей былъ уже извѣстенъ въ Европѣ въ концѣ двѣнадцатаго вѣка. Можетъ быть скажутъ намъ, что Португальцы, спуспя послѣ того два вѣка, начили его въ Китаѣ; но

симъ доказываеиъсѣ единственнѣю то, что Китайцы переняли употребленіе магнитной стрѣлки у Аравіянъ, которые научились оному отъ Европейцевъ.

Геперъ остается намъ сказать, какииъ образомъ г. Азуни приписываетъ Французамъ изобрѣженіе магнитной стрѣлки. Венсанъ Бове, упоминающій объ оной прежде Алберта, родился во Франціи; самъ Албертъ былъ Нѣмецъ а не Испалітанецъ, и сверхъ того Нѣмцы никогда не присвоивали себѣ изобрѣженія магнитной стрѣлки. Самое древнее свидѣтельство, какое только можно отыскать о семъ важномъ дѣлѣ, говоритъ въ пользу Французовъ. Въ сочиненіи Гюста (Vible Guiot), напечатанномъ въ Собраніи старинныхъ сказокъ (Fabliaux), очень ясно упоминается о магнитной стрѣлкѣ. Монахъ Гюстъ писалъ, какъ извѣстно, въ концѣ двѣнадцатаго вѣка; ибо онъ говоритъ о сеймѣ, бывшемъ 1181 года въ городѣ Майнцѣ, гдѣ присутствовалъ Фридрихъ I, и извѣявляетъ прискорбіе свое по случаю кончины сего Императора, которой умеръ 1190 года; слѣдовательно сочиненіе написано не прежде сего времени; но какъ онъ упоминаетъ о смерти Короля Французскаго Лудовика Младшаго и ничего не говоритъ о преемникѣ его Филиппѣ Августѣ, умершемъ 1223 году; по и должно

полагашь, что Гюмб писалъ между сими двумя эпохами. И такъ ясно, что магнитная спирѣвка тогда была уже извѣстна во Франціи, и что изобрѣтеніе оной несправедливо приписывается нѣкоторыми Италіянцу Флавіо-Жіоа, жившему въ началѣ четырнадцатаго столѣтія.

(Съ Франц.)

О началѣ употребленія шелку.

Шелкъ принесенъ былъ изъ Персіи въ Грецію за 323 года до Рождества Христова, а изъ Индіи въ Римъ спустя 274 года по Рождествѣ Христовѣ. Въ царство Тиберіево Сенатъ Римскій запретилъ мужчинамъ носить идашь изъ шелковой матеріи, приличной единственно женщинамъ. Тогда думали, что шелкъ есть произведеніе царства прозябаемыхъ, равно какъ хлопчатая бумага. Въ 555 году два монаха принесли яйца шелковичныхъ червей изъ Индіи въ Константинополь. Посредствомъ теплошы отъ навоза выведены были шелковичные черви, которые пипались листьями ипушоваго дерева и такъ размножились, что въ скоромъ времени можно было задеши шелковыя мануфакту-

ры въ Константинополѣ, въ Аѳинахъ, въ
Фивахъ и въ Коринѣхъ.“

„Рожеръ, Король Сицилійскій, въ 1130
году вызвалъ изъ Константинополя въ Па-
лермо нѣсколько фабриканшовъ, у кошо-
рыхъ Сицилійцы переняли способъ разво-
диль червей шелковичныхъ. Изъ Сициліи
искусство сѣе перешло въ Испанію и въ
Италію; за нѣсколько времени до Фран-
циска I сдѣлалось оно извѣстнымъ въ юж-
ныхъ обласяхъ Франціи. Генрихъ IV за-
велъ шелковичныя мануфактуры, но съ
великимъ трудомъ; попому что Министръ
Сюлли вовсе неодобрялъ сего заведенія. Въ
1286 году въ первой разъ увидѣли въ Ан-
глійи шелковыя плашья; но приготоулять
шелкъ научились тамъ не прежде 1620 го-
да. Въ 1719 изобрѣтена славная Комбова
машина для сученія шелку. Она состоить
изъ 26,586 колесъ, движимыхъ посред-
ствомъ одного колеса, которое приводится
въ движеніе водою.“

„Такимъ образомъ шелкъ сдѣлался из-
вѣстенъ въ Европѣ; но по рѣдкости его и
по дороговизнѣ немногіе могли употреблять
его на плашья. Генрихъ II, Король Фран-
цузскій, первый изъ Европейскихъ Госуда-
рей носилъ чулки шелковыя. При Генрихѣ
VIII въ Англійи такихъ чулковъ совсѣмъ

еще не знали. Сирь Томасъ Грасгамъ подарилъ Едуарду VI пару чулковъ шелковыхъ, о кошорыхъ въ цбломъ Королевствѣ говорили какъ о чрезвычайной рѣдкости.“

Вышеписанныя спрочки взяшы изъ шрепей книжки *Исторической антологіи* (*), копорую издаесть г. Коцебу. Здѣсь нужно сдѣлать дополненіе и нѣкошорыя поправки. Древніе испочишали шелку произведеніемъ царства прозябаемыхъ; но думали, что есть родъ паука, кошорой вышягиваетъ изъ себя шелкъ и обмашиваетъ имъ шонкїя вѣтви дерева. Сїе насѣкомое извѣстно было имъ подъ именемъ *сера*, ошѣ названїя Скиескаго народа *Сересовъ*, у кошорыхъ первоначально было оно найдено. По сей-то причийѣ шелкъ на Латинскомъ языкѣ называется *sericum*. Но сїе насѣкомое непоходитъ на червя шелковичнаго. Оно живеть пять лѣтъ, а червь умираеть ежегодно. Искусство выдѣлывать шелкъ возимѣло начало свое на ошровѣ Косѣ: изобрѣшательница онаго была дѣвушка по имени Памфилїя, а опецъ ея назывался Плапусомъ. Въ Лїонѣ надлежало бы вѣчесшь ихъ по крайней мѣрѣ воздвигнушь жершвенники. Въ Римѣ долго продавали шелкъ по вѣсу золота. Историкъ Вопискъ повѣшуваетъ,

(*) Clio's Blumenkörbchen.

что Императоръ Авреліанъ супругъ своей отказалъ въ просьбѣ сдѣлать для нее шелковое платье, потому что оно было слишкомъ дорого. Мастера, которыхъ Король Рожеръ послалъ въ Сицилію и Калабрію, были не вызваны ими добровольно, но сославляя часть добычи, захваченной ими въ Афинахъ, Коринѣхъ и другихъ городахъ, во время похода на Гробу Господню: Іаковъ I, Король Англійскаго, съ великимъ усиліемъ старался развести у себя червей шелковичныхъ и не одинъ разъ совѣщивалъ подданнымъ своимъ садить шуповыя деревья; однакожъ старанія его были тщетны. Франціи очень рано употребили шелковыя платья, какъ явствуетъ изъ жизни ов. Елигія. Въ Германіи при Императорахъ изъ Саксонскаго Дома уже занимались шваницемъ шелковыхъ маперій; и работа сія исключительно принадлежала женскому полу; потому что Императоръ Оттонъ II называющъ оную *женскимъ руководствомъ* (*artificium femineum*), какъ видно изъ одной старинной рукописи. Въ Ліонѣ, гдѣ есть очень много фабрикъ, шелку разводится малое количество, большею же частью употребляется привозной.

Турецкой шелкъ наиболѣе получается изъ Алеппо, Триполя, съ острововъ Кандіи, Кипра и проч.; Персидскій привозится

изъ Смирны; куда доставляеши онъ караванами. Одинъ Голландскій писатель уверяетъ, что три шолько города Персидскіе, при Каспійскомъ морѣ находящіеся, ежегодно опускающъ 30,000 кипъ шелку. Тщешно Русскіе покушались нѣсколько разъ опяять у Смирны сію важную часть торговли и дать ей направленіе по Волгѣ и Двинѣ къ городу Архангельску. Одинъ Генуезецъ соотворилъ сдѣлать ешо Царю Василю. Французъ въ 1626 году имѣли подобное намѣреніе; и Герцогъ Голешинскій точно для той же причины въ 1633 году отправлялъ посольство въ Персію. Царь Алексій Михайловичъ въ 1668 также хотѣлъ произвести въ дѣйство оное предположеніе; но мятежъ козаковъ и покореніе ими Астрахани остановили предпріятіе Государя. Землеприсеніе, почти въ то же время разорившее Смирну, причинило величайшій вредъ торговымъ дѣламъ сего города, и онъ навсегда потерялъ бы прибыточной торговъ шелкомъ, еслибъ Турки всѣми силами не старались возстановить его и привести въ порядокъ. Китай производилъ шелку также множестве, что одна область Тшекюнгъ могла бы снабдить имъ всю Имперію и даже немалую часть Европы. Шелкъ составляетъ главнѣйшую отрасль промышленности Китайцевъ и для

множества людей служивъ у нихъ средствомъ къ пропитанію.

Можно бы и изъ Японіи получать много шелку, еслибъ только Японцы дозволили намъ вѣзжать въ ихъ Государство. Мы называемъ ихъ варварами за излишнюю осторожность; однакожъ я думаю, что они хорошо поступаютъ. Примѣры всѣхъ частей свѣта доказываютъ, что Европейцы, поселившись гдѣ бы то ни было, обыкновенно спараются съ властью шамъ господами. — Городъ Каземъ-Базаръ, находящійся почти въ средопочіи прежнихъ владѣній Великаго Могола, можетъ ежегодно выпускить, какъ сказываютъ, 22,000 кипъ шелку, считая каждую кипу во 100 фунтовъ.

И въ сѣверной Европѣ, именно же въ области Брандебургской, передъ симъ лѣтъ за пятьдесятъ, начали разводить черной шелковичныхъ; въ 1774 году отъ нихъ получено шамъ было около 7000 пудовъ шелку. Но онъ доброшою ниже привозимаго изъ странъ южныхъ. Въ 1709 году Президентъ Бонъ въ Монпелье вздумалъ дѣлать шелкъ изъ паушины, которою пауки обвертываютъ свои яйца. Ему удалось выработать изъ нее нѣкоторое количество сѣраго шелку, которой былъ удо-

бенъ для пряденія и давалъ нишки тонѣе и крѣпче нежели обыкновенный. Утверждали, что отъ пауковъ можно болѣе получать шелку нежели отъ червей, потому что они плодовище; ибо одинъ паукъ кладетъ яицъ отъ 5 до 6 сотъ, напротивъ того шелковичная бабочка едва одну сотню. Изъ 7 или 8 сотъ пауковъ умираетъ ежегодно одинъ; но изъ спа шелковичныхъ червячковъ, при всей осторожности хозяина, едва остается сорокъ такихъ, которые въ состояннн дѣлаютъ для себя оболочки. Маленькіе пауки выходятъ изъ яицъ сами собою, безъ всякаго призора и пособія со стороны хозяина. Машина умираетъ; но дѣши остаются въ куколкахъ (мѣшечкахъ) десять или одиннадцать мѣсяцовъ безо всякой пищи. Когда они выйдутъ, то надобно посадить ихъ въ бумажную трубку, или въ горшокъ накрытый бумагою, которая должна быть исколота чулочною иглою. Пауковъ кормятъ мухами. Пауковыя куклы, или мѣшечки; даютъ шелку болѣе, по мѣрѣ легкости своей, нежели куклы червей; ибо отъ 13 унцій получается 4 унціи шелку, а изъ 3 унцій можно сдѣлать пару большихъ чулковъ, на которые обыкновеннаго шелку пребудетъ 7 и даже 9 унцій.

Президентъ Бонъ представилъ Монпельерскому обществу наукъ пару чулковъ,
 No 6.

сдѣланныхъ изъ паупины, вѣсомъ въ $2\frac{1}{4}$ унціи, и пару же перчатокъ, вѣсомъ въ $\frac{3}{4}$ унціи. Они были крѣпки и красивы какъ обыкновенные, только цвѣтъ имѣли сѣрой. Бенъ прислалъ такой же подарокъ и Парижской Академіи наукъ, которая поручила славному Реомюру рассмотреть сіе новое изобрѣшеніе.

По изслѣдованіи оказалось, что цѣлая Франція неможеетъ доставить такого количества мухъ, какое нужно для прокормленія пауковъ, сколько требовалось бы ихъ, чтобы снабдить мануфактуры шелкомъ. Сверхъ того есть ли возможность наловить мухъ такого множества? Правда что пауки ѣдятъ гусеницъ, бабочекъ, мокрицъ и проч.; но гдѣ взять и сихъ насекомыхъ? Реомюръ попалъ на мысль рѣзать дождевыхъ червей на части; пауки бли охотно сію пищу, и доставать ее не очень трудно; въ ночную пору ходя по полю съ фонаремъ, можно червей сихъ набрать великое множество. Замѣчено, что пауки жадно ѣдятъ мягкія части перьевъ, вырванныхъ изъ молодой пшцы. Сихъ перьевъ можно бы находить много у содѣржателей праншировъ и гошинницъ; можно бы такъ же вырывать оныя изъ живыхъ пшцы безвредно. Слѣдственно есть удобнѣйшее средство кормить пауковъ дождевыми червями и перьями, нежели шел-

ковичныхъ червей шуповымъ деревомъ, которое легко повреждается отъ спужи. Но опять съ другой стороны предстоитъ важное затрудненіе: гдѣ и какъ помѣститъ пауковъ такое множество? Будучи заперты въ одномъ чуланѣ, они сперва живутъ мирно, работають на одной паутинѣ и питаются отъ одного пера: но очень скоро начинаютъ они ссориться; большіе пауки пожирають малыхъ, и отъ сотни остаются на конецъ одинъ побѣдитель. Помѣститъ каждого въ особомъ жилищѣ? Но сколько потребно времени, чтобы всѣхъ пауковъ накормить порознь! При томъ же не всякой родъ пауковъ даетъ прочную паутину. Бонъ утверждалъ, что коротконогіе даютъ хорошій шелкъ; напротивъ того Реомюръ доказываетъ, что многіе изъ нихъ совсѣмъ недѣлають паутины, а другіе производятъ весьма некрѣпкую.

Вразсужденіи цвѣта пауковой шелкъ имѣетъ преимущество: отъ червей получается шелкъ только желтой и бѣлой; напротивъ того отъ пауковъ желтой, бѣлой, сѣрой, голубой и темно-кофейной. Нитка простой паутины держитъ 2 грана въсу; взятая изъ куклы держитъ 36 гранъ и не рвется; напротивъ того шелковинка вчетверо крѣпче, будучи во столько же разъ и толще. И такъ ежели изъ четырехъ или

пяти паушинокъ сдѣлать одну нитку, то она будетъ равна шелковинкѣ толщиною и крѣпостию.

Двѣнадцать пауковъ даютъ шелку не болѣе какъ одинъ червь; для большей же вѣрности надобно полагать двадцать пауковъ, ибо многіе самцы вовсе недѣлаютъ куколъ: слѣдовательно для произведенія одного фунта шелку потребно 55,296 пауковъ и припомъ самыхъ большихъ и толстыхъ; а обыкновенной породы пауки дадутъ одинъ фунтъ шелку не иначе какъ совокупными силами 663,552 работниковъ. Ихъ надобно кормить особо и содержать такъ, чтобы каждой могъ отдѣльно выпягивать свою паутину. Такимъ образомъ паутинной шелкъ обойдется гораздо дороже обыкновеннаго, а особливо если вздумаемъ еще выписывать изъ Америки пауковъ большихъ и толстыхъ, которые вѣроятно привыкли бы въ Европейскому климату, какъ и шелковичные черви.

По изслѣдованіи, которое сдѣлано Реомюромъ, пауки проиграли искъ свой противъ червей шелковичныхъ, и теперь объ нихъ уже нитю не думаютъ. Надѣюсь, что барыни и барышни простятъ мнѣ намбрѣнїе занявъ ихъ такимъ описанїемъ, которое должно быть для нихъ занимательно;

ибо извѣстно, что шелкъ наиболѣе служилъ къ ихъ украшенію, хотя въ прочемъ я и могъ бы доказать, что имъ гораздо болѣе приспало тонкое бѣлое платье, и что *шелковыя кудри* ихъ лучше всякаго шелковаго убора.

(Съ Нѣмец.)

III. КРИТИКА.

Прибавленіе къ Разговорамъ о словесности (*).

Писавши замѣчанія на *Разговоры о словесности* (**), я могъ предвидѣшь, что нѣкопорыя мнѣнія мои небудущь одобрены господиномъ Сочинителемъ оныхъ; но я совсѣмъ не предполагалъ, что навлеку на себя негодованіе неизвѣстнаго мнѣ г-на Сочинителя *Прибавленія къ Разговорамъ о сло-*

(*) Или Возраженія прошивъ возраженій, сдѣланныхъ на сію книгу. Въ С. Петербургѣ въ Тип. Ив. Глазунова 1812.

(**) См. Вѣспн. Евр. 1811 N 12 стр. 285 и N 13 стр. 34.

весности, которой, какъ справедливо замѣчено въ первой книжкѣ С. Пейпербургскаго Вѣспника, часно несогласенъ и со мнѣніемъ того, кого защищаешь.

Г. Сочинитель Прибавленія объявляетъ (стр. 2), что онъ для пользы словесности намѣренъ разсмотрѣть, подлинно ли замѣчанія мои такъ основательны и справедливы, какъ того пребудетъ *благоразумный и безпристрастный* судъ. Испуганъ будучи шагомъ началомъ, для пользы словесности и для своей собственной я непрерывливо хотѣлъ узнать, въ чемъ именно просупился я противу строгихъ правилъ *благоразумія и безпристрастія*, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ исправиться и впредь писать замѣчанія на книги съ большею осмолришельностью. Чпожъ я увидѣлъ съ самаго начала? Сочинитель Прибавленія нехочетъ признахся, что господинъ Сочинитель Разговоровъ нехсташа упохребилъ слово *правила* тамъ, гдѣ надлежало похпавить слово *примѣры*, и очевидно возстаеъ противъ логической точности. Будучи твердо увѣренъ, что разныя понятія должны бытъ выражаемы разными словами, а особливо въ книгахъ, гдѣ разсуждается о наукахъ, и что ненаблюденіе сего правила подаеъ поводъ къ ложнымъ заключеніямъ, я вижу ясно, что ни

благоразуміе, ни *безпристрастіе* нескорблены моимъ замѣчаніемъ.

Мнѣніе мое о несходствѣ правописанія въ церковныхъ книгахъ Г. Сочинитель Прибавленія опровергаетъ тѣмъ, что „правописаніе значить нѣчто болѣе, чѣмъ прописныя или спрочныя буквы въ именахъ собщвенныхъ и *тому подобное*.“ Еслибъ я утверждалъ прошивное, тогда можно бы со стороны мнѣ напомнить о правилѣ *благоразумія*; но и въ семъ случаѣ священныи законъ *безпристрастія* не былъ бы нарушенъ.

Я сказалъ сущую правду, замѣтивши, что не *нынѣ* (какъ написалъ господинъ Сочинитель Разговоровъ) опсшущать начинаютъ, но *очень давно опслулалъ* начали стѣ употребительнаго въ церковныхъ книгахъ правописанія. Чтобы показать мое *неблагоразуміе*, надлежало бы упомянуть, въ чемъ именно я ошибся, или лучше, въ чемъ упорсшвую, сдѣлавъ ошибку. Защищникъ, вопреки господину Сочинителю, нехочетъ даже признавать сего опсшущленія *опслулленіемъ*, и говоритъ, что оно есть справедливое очищеніе отъ чужезычія. Пускай ешо и шакъ будетъ; но желательнo знать, ошибся ли я, замѣтивши, что не *нынѣ*, а *очень давно опсшущать* начали отъ употребительнаго въ

дерновныхъ книгахъ правописанія, и под-
вергаюсь ли я за то укоризнамъ въ ол-
слупленіи отъ благоразумія и безпри-
страстія?

„Слѣдовала прилѣжному чтенію ста-
ринныхъ книгъ, ближайшихъ къ корню
языка“ — и епо г. Социнидель Приба-
вленія оправдываетъ (спр. 5)! и пишу за
мое замѣчаніе о неправильности оныхъ вы-
раженій поукимъ образомъ даещъ разумьшь,
что знаніе языка выше грамматики!
„Вольнеръ (пишетъ онъ) въ подобномъ
случаѣ сказалъ въкоторому Аббату: вы
очень хорошо знаете грамматику, но я
лучше васъ знаю языкъ.“ Доказательство
очень сильное; однакожъ я поудержусь еще
признаваться въ вольномъ своемъ или не-
вольномъ нарушеніи правилъ *благоразумія*
и безпристрастія. Касательно *последо-*
ванія прилѣжному чтенію подрѣпляетъ
меня сдѣланное въ С. Пешербургскомъ Вѣ-
стникѣ (№ 1 сп. 62) замѣчаніе; а враз-
сужденіи *книгъ ближайшихъ къ корню*
языка могу представить свое собственное
оправданіе. Что есть языкъ? Собраніе мно-
жества словъ, служащихъ для выраженія по-
нятій и мыслей. Коренными называются
первообразныя слова, отъ которыхъ про-
исходятъ, или изъ которыхъ составлены
другія; слова сіи въ совокупности могутъ

быть названы метафорически *корнемъ* языка. Теперь спрашивается, что значитъ *книга* (наполненная словами первообразными и производными, простыми и сложными) *ближайшая* къ корню языка? Можно ли говорить, что книга (т. е. написанное въ книгѣ) *близка къ корню языка* (т. е. къ тому, что въ ней же написано)?

Сочинитель Прибавленія думаетъ (спр. 9), будто бы я выписывая и сокращая слова господина Сочинителя Разговоровъ, умышленно старался представить ихъ въ худомъ видѣ. Еслибъ онъ въ состоянїи былъ доказать это, то я подлежалъ бы тогда справедливымъ укоризнамъ не только въ *неблагоразумїи* и *пристрастїи*, но даже въ непростибельной дерзости. Правда, что Г. Возражатель нѣкошорымъ образомъ щадитъ меня, объявляя, что я поступилъ съ г-мъ Сочинителемъ довольно милостиво, и не такъ какъ другіе. Благоснисхожденіе, для меня сколько же излишнее, сколько несправедлива оскорбительная мысль неизвѣстнаго г-на Защитника Разговоровъ. Я сокращалъ, для того чтобъ неговорить излишняго. Мнѣ надобно было замѣнить, показавшееся для меня страннымъ мнѣніе господина Сочинителя Разговоровъ, которой написалъ, будто *недолжно отдѣлять Славенскаго Языка отъ Русскаго*, будто

Русской языкъ несуществуетъ, потому что слогъ или нарѣчїе не есть языкъ, и будто хорошіе писатели не отдѣляли Славенскаго языка отъ Русскаго. „Танковья, говорю я, и подобныя симъ нелѣпости не приходили имъ (писателямъ) ни, когда въ голову“ (Разг. о слов. спр. 6). Пропивъ перваго возразилъ я тѣмъ, что оставшійся въ книгахъ духовныхъ Славенскій языкъ отдѣленъ отъ нынѣшняго Русскаго несходствомъ нѣкоторыхъ словъ и разносцію въ спряженіяхъ и даже въ правилахъ синтаксиса. Впоруе также казалось мнѣ пропивнымъ испинѣ: языкъ на копоромъ мы говоримъ и на копоромъ издаются у насъ законы и пишущя книги, точно существуетъ, равно какъ языки Польскій и Богемскій, ибо и сіи оба состоятъ изъ словъ Славенскихъ; но всѣ они отличны одинъ отъ другаго; каждой имѣетъ свое особливое названіе, свои правила, свойства, измѣненія. Для опроверженія прещяго мнѣнія надлежало бы мнѣ сослаться на Ломоносова, копорой въ *Предисловіи* о пользѣ книгъ церковныхъ очевидно полагаетъ раздѣленіе между обоими языками, упоминая особо о нынѣшнемъ Россійскомъ и о древнемъ Славенскомъ.

Прибавленіе къ Разговорамъ о словесности напечатано на 71 страницѣ въ 8 ю

долю листа довольно мѣлыми буквами, чтобы нераспространилъ сей криптической сшашьи на 500 страницъ, я долженъ сократить замѣчанія мои и предложить только самыя нужнѣйшія.

На страницѣ 18 Прибавленія г. Сочинишель пишетъ: „И такъ весьма несправедливо въ такомъ человѣкѣ, каковъ Ломоносовъ, полагать намѣреніе (выключить букву Щ изъ азбуки), во первыхъ доказательно безразсудное, во вторыхъ двѣспвѣями его опровергаемое. Ломоносовъ не могъ почищать букву Щ не болѣе нужно, какъ *кси* и *пси*; ибо такое предположеніе не сходно съ умомъ и свѣдѣніями сего великаго знающаго въ языкѣ.“ Великій Ломоносовъ! вступи за меня и оборони отъ нападеній господина неизвѣстнаго Сочинишеля Прибавленія! Не ты ли самъ въ Грамматикѣ своей подъ § 21 выключилъ Щ изъ таблицы раздѣленія буквъ по органамъ? не ты ли умолчалъ о ней, показывая согласныя буквы въ § 23? не ты ли совсѣмъ не упомянулъ о ней въ таблицѣ раздѣленія согласныхъ буквъ на твердыя и мягкія подъ § 24? не самъ ли ты въ § 37 написалъ о соединеніи ШЧ въ одной буквѣ Щ? не ты ли въ § 84 въ Россійской азбукѣ полагаешь только тридцать буквъ, называя каждую поименно А, азъ, Б, буки,

и шаръ далѣе, и между ими Щ не ставишь? не ты ли въ § 85 говоришь, что буква Щ въ азбуку принята и на ряду числишься не должна? не своя ли рука въ томъ же § написала: Щ составлена изъ Ш и Ч, не больше права имѣеть быть въ азбукѣ, какъ ѣ и ѡ?

Вопреки господину Сочинителю Разговоровъ, который неодобряетъ опущенія отъ правописанія, наблюдаемаго въ книгахъ церковныхъ, г. Сочинитель Прибавленія говоритъ (стр. 25), что книга (житій Святыхъ, то есть Четьи Минеи, ибо я на нихъ ссылался, а не на книгу Житія блаженнаго Петра Царевича, мнѣ вовсе неизвѣстную), напечатанная въ 1805 году, не можетъ служить доказательствомъ правильности слова *Русской* (вмѣсто *Руской*), равно какъ и слово *Персской*, находящееся въ книгѣ Ездры. Какихъ же доказательствъ пребудетъ г. Сочинитель Прибавленія къ Разговорамъ? На моей сторонѣ правило словопроизводства, по которому собственные существительныя имена перемѣняясь въ прилагательныя, принимаютъ окончаніе *скій*: *Голскій*, *Шведскій*, *Московскій*, *Индійскій*, *Русскій*, *Персскій*; на моей же сторонѣ и примѣры книгъ церковныхъ, печатаемыхъ, какъ извѣстно, съ наблюденіемъ правописанія въ точности

сходно съ прежними изданіями. И шавъ , чего хочешъ отъ меня г. Сочинитель Прибавленія? Онъ хочешъ, чтобы напередъ доказалъ я, что прежде всегда писалось *Руссь* а не *Русь*, а потомъ онъ общается мнѣ повѣришь. Но развѣ етого недовольно, когда я представляю примѣры, что прибавляемый слогъ *скій* не вытѣсняетъ ни одной буквы изъ имени, и что онъ самъ переноситъ букву *С* только при перемѣнѣ имени, кончащихся на *Ц* и *К*, на пр. Нѣмецъ Нѣмецкій, Турокъ Турецкій, Соловки Соловецкій?

Г. Сочинителю Прибавленія даже и то показалось недѣльнымъ, что я назвалъ глаголъ *рыгаль*, *отрыгаль*, по видимому заключающимъ въ себѣ противную идею на Россійскомъ языкѣ. „Да гдѣжъ епо *видимое* (спрашиваетъ онъ на стр. 32), котораго *не видно?*“ и продолжаетъ: „противную или непроотивную идею сообщаешь слову дѣйствіе имѣ изображаемое, а не звукъ сего слова.“ И я разумѣю точно дѣйствіе *рыганія*, а опнюдь не звукъ, о которомъ говоришь и на мысль мнѣ неприходило. Г. Сочинитель признается въ своемъ невѣдѣніи, какая бы то была риторика, въ которой запрещаются низкія метафоры. Я говорю служись ему своимъ совѣтомъ: пусть доспанешь себѣ Риторикѣ Лемона-

сова, и прищепъ въ ней § 183, гдѣ сказано, что „въ вещамъ высокимъ и важнымъ непристойно переносить реченій оныхъ вещей низкихъ и подлыхъ, на примѣръ *небо плюетъ* непристойно сказать, *вместо дождь и дель*.“ Самъ Ломоносовъ нисколько не нарушилъ сего правила, говоря о пущечной пальбѣ:

Горпани мѣдныя *рыгають* жаръ свирѣпый
и въ другомъ мѣстѣ:

За холмы, гдѣ паляща хлябь,

Дымъ, пепель, пламень, смерть *рыгаетъ*.

И у Гомера берега *воліють* и *рыгають* изъ себя море (Ил. г. 265). Иное дѣло говорить о пущахъ и берегахъ рыгающихъ, а иное объ *устахъ отрываются* премудрость, или о *сердцѣ отрываетъ* благое слово. Опять повторяю, что Еврейскіе писатели употребляли сію метафору, вѣроятно потому что глаголъ *рыгати* не заключалъ въ себѣ той противной идеи, накую онъ у насъ представляетъ. Я упомянулъ въ примѣчаніи, что Луперъ въ переводѣ своемъ Библии выражалъ ту же самую мысль другими словами. Я невинилъ Еврейскихъ писателей, да и винилъ ихъ не за что; ибо по различнымъ свойствамъ языковъ что на одномъ бываетъ хорошо, то на другомъ можетъ быть дурно. Г. Сочинитель, рассуждая о семъ иначе (по нынѣшнему достохвальному обычаю въ спорахъ о правилахъ

словесности или объ исторіи искусно уа-
зывать на мнимое вольнодумство своего про-
шивника, чіобы тѣмъ удобнѣе сдѣлать не-
зависимымъ его мнѣніе предъ глазами право-
славныхъ), набожно признается въ сво-
емъ невѣжествѣ, и проситъ Бога, чітобъ
Онъ помиловалъ его отъ той риторики,
въ которой сіи прекрасныя и превосходныя
мѣста (п. е. гдѣ упоминается глаголъ *ол-
рыгнуль*) называющіеся низкими метафора-
ми. Совѣшую г-ну Сочинителю Прибавленія
особенно молишься объ избавленіи его отъ
*Гейнекціевыхъ основаній хорошаго сло-
ва, изданныхъ съ Геснеровыми примѣча-
ніями и съ Никласовыми прибавлені-
ями*. Закопѣвшіе въ беззаконіяхъ лишне-
рашуры выхваляющіе находящея въ сей
книгѣ мѣсто объ употребленіи глагола
рыгаль (*).

Мнѣ нужно было мнѣніе свое о разли-
чій свойствъ въ языкахъ подкрѣпить при-
мѣрами. Я вспомнилъ на шу пору, что

(*) I. S. Heinecii Fundamenta stili cultioris. Lips.
1776. pag. 153. Nec ferenda illa: cacatae char-
tae, verba vomere, ructare verba. De verbo ta-
nem ructare, замѣчаемъ Геснеръ, notandum
est, non ita turpe fuisse veteribus Ebraeis in
primis et Graecis, ubi nihil solemnus, quam
eructat os meum sapientiam. . . Sed nos, при-
бавляемъ Никласъ, merito concedimus genio
saeculi nostri circa verborum usum delicacioris
verecundiorisque.

Французы почивали слово *ваше корова* неприличнымъ для употребленія въ стихотворствѣ; я вспомнилъ также, что Французы *раждать дѣтей* на своемъ языкѣ въ разговорахъ и на письмѣ выражающъ словами *faire des enfans*. Я написалъ сїи слова для людей достапочно разумѣющихъ и Французской и Русской языки, — для людей, которые ненайдущъ въ сихъ словахъ ничего неблагоприспойнаго, видя что я употребилъ ихъ не въ повѣсти и не въ пѣснѣ, и что слѣдовательно я не имѣлъ намбренія представлять, воображенію соблазнительной и къ развращу служащей идеи. Г. Сочинитель Прибавленія, незнаю почему, вмѣняещъ въ соблазнъ слова, приведенныя мною для примѣра. „Пусть сами Французы скажутъ, пишутъ ли и говорятъ, ли они ещо въ *порядочныхъ книгахъ* и *передъ порядочными женщинами*. Мнѣ яжеица, здѣсь неблагоприспойнымъ образомъ говорится о благоприспойности.“ Какая скромность! Очень къстати сей часъ раскрылось мнѣ находящееся въ одной книгѣ *изображеніе* таинственнаго человека, которой (на вопросъ, все ли вы въ добромъ здоровьи?) отвѣчалъ: *слава Богу; только ложайтесь никому объ этомъ не проговорилесь!* Что шумъ неблагоприспойнаго, что Французы немогли перпѣть въ стихахъ слова *ваше*, почивая оное низ-

кимъ, и что первый, какъ сказываютъ, Делиль разрубилъ сей Гордіевъ узелъ, употребивши *vasche* въ переводъ своемъ *Виргиліевыхъ Георгинъ*? И не уже ли зазорно читаешь въ лексиконъ (*): „*La nature fait quelquefois des monstres*, природа производитъ иногда чудовища. *Une femme qui fait de beaux enfans*, женщина которая рождаетъ прекрасныхъ дѣтей“? Нужно ли спрашивать Французовъ, когда мы и безъ нихъ знаемъ, что въ *Мольеровой Комедіи Школа женъ*, посвященной сочинителемъ Королевской Принцессѣ, Арнольдъ говоритъ о своей воспитанницѣ:

Elle étoit fort en peine, et me vint demander,
Avec une innocence à nulle autre pareille,
Si les enfans qu'on fait и проч. (**)

Если Мольерову Комедію, которую и теперь еще предсказываютъ на театрахъ при мушкетерахъ и при женщинахъ, мы поупрямимся включить въ число книгъ *порядочныхъ*, то надобно же по крайней мѣрѣ согласиться, что Французская Королевская Принцесса была *порядочная* женщина.

При началѣ книжки своей г. Сочинитель Прибавленія общался замѣчанія мой

(*) Полной Французско-Россійской Лексиконъ Тапищева. Изд. 2е. С. Петербургъ 1798, стр. 670.

(**) *L'école des femmes*. Act. I. sc. I.
NO 6. И

на Разговоры словесности повѣряшь только съ правилами *благоразумія и безпристрастія*; но судьбѣ угодно было нечаянно испытать еще уваженіе мое и къ *благоприслойности*.

(*Окончаніе въ слѣд. нум.*)

IV. С М Ъ С Ъ.

Отрывокъ изъ Гога ().*

Не помишся ли человекъ здѣсь на земли? Не ведешь ли жизнь, подобно наемнику?

Онъ невольникъ, неперпѣливо желающій укрыться подъ тѣнь; онъ наемникъ, ожидающій платы за дневные труды свои.

И я получалъ въ удѣлъ мѣсяцы, исполненные мученій! и я осужденъ имѣть ночи, оправляемые печалію!

(*) Глава VII. Я переводилъ съ подлинника, позволяя себѣ нѣкоторую вольность для соблюденія ясности и чистоты въ слогѣ; но старался сохранить въ точности смыслъ автора. Б.

Ложась, говорю я: *когда встану?*
Ночь длился, и я помлюсь въ ужасныхъ
безпокойствахъ до самаго упра!

Гнойными ранами и спрупомъ покры-
то шло мое; кожа моя исцѣляется и вновь
покрывается язвами.

Счастливые дни мои пролетѣли бы-
спрѣе ухака, — исчезли безъ всякой на-
дежды.

Вспомяни, о Боже! что жизнь моя
есть едино дуновеніе; что глазъ мой, —
закрывшись, — не увидишь уже болѣе зем-
наго счаспія.

Око, видящее меня шеперь, не увидишь
меня болѣе; ты проспрешь взоръ свой ко
мнѣ и не найдешь меня!

Какъ облако разсѣвается и исчезаетъ;
шакъ и человекъ, преселившись въ подзем-
ный мѣръ, никогда не появляется на земли!

Онъ не возвращается въ жилище свое
и мѣсто его пребыванія не видишь его болѣе.

Но я не жочу заграждать уша свои;
шпану прямо говорись въ бѣдствіи моемъ,
жаловаться въ люшой горести.

Не уже ли я море или чудовище мор-
ское, что ты спавишь вокругъ меня спражу?

Я думаю: *постель моя услокоить*
меня; ложе мое облегчить страданія
мою.

Но ты спрашишь меня ужасными ме-
чпаніями, мучишь ночными сновидѣніями!

Душа моя избираетъ насильственную смерть ; — смерть предположительнѣе лютой , мучительной жизни.

Но нѣтъ ! я не вѣчно буду жить. — Пощади меня , о Боже ! жизнь моя есть едино дуновеніе.

Что *значить* человекъ , что Ты спасишь его такъ великимъ и обращаешь на него такое вниманіе ?

Каждое утро взираешь на него и испытываешь его каждую минуту ?

Доколь неоправишь Ты взоровъ отъ меня и не дашь мнѣ покоя ни на одно мгновеніе ?

Если я согрѣшилъ , что сдѣлалъ я Тебѣ , о Ты ! взирающій такъ строго на человека ?

Почто спасишь меня предметомъ гнѣва своего и дѣлаешь несноснымъ бытіе мое ?

Почто не забываешь пресупленія моего и не простишь моего беззаконія ?

Скоро лягу я во прахъ ; Ты сплещешь искрашь — и не найдешь меня !

Съ Еврейскаго А. Влдревъ.

Е л е г і я.

На смерть храброго и великодушнаго
друга.

Какъ завидна участь гробовыхъ обитателей! — между ними Саидъ живешь.

Ахъ! враги мои безчисленны, а я лишёнъ его! Кого призову на помощь равнаго ему?

Теперь подобенъ я человеку, у копорого исторгнувшъ мечъ изъ рукъ и копорого кровожаждущій мспитель разишъ копьемъ своимъ (а).

Мы пришли посѣтить спраждающаго, Ахъ! онъ предложилъ намъ обильную прелезу скорби, люпой, убійственной горести (b).

Съ сѣменемъ жестокой печали возвратились мы назадъ. Оно возрасло въ груди нашей, орощаемое обильными слезами (с).

(а) Умершій былъ храброю защитою друзьямъ своимъ; лишившись его, они спали, какъ сказать, обезоружены и преданы на жертву кровожаждущему неприятелю. Б.

(b) Подобіе взято отъ гостепріимства. — Посѣщая его прежде, всякой находилъ удовольствіе и радости; теперь люпая горестъ была пищею гостей. Б.

(с) Метифора не правильная, но смѣлая и приятная для воображенія по своей новостіи. Б.

Когдажъ собрались мы дѣлать наслѣдство, то нашли сокровища — щедрые дары и похвальные подвиги (d).

Въ безмолвной тишинѣ слышимъ мы гласъ его. Какой нѣмой, краснорѣчивый орапоръ (e)!

Съ Арабскаго А. Блдревъ.

Московскія записки.

Ученое Общество. — Въ засѣданіе Общества Исторіи и древностей Россійскихъ, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, 1 го Марта Члены слушали Попечительскія отношенія къ Предсѣдателю и разсуждали о разныхъ дѣлахъ на основаніи Устава. Между прочимъ разсмотрѣны поданныя отъ Членовъ задачи, изъ коихъ одна большинствомъ голосовъ утверждена и предназначена быть объявленою въ торжественномъ собраніи текущаго мѣсяца.

Избранная задача болѣе относится къ древней Географіи Россійской, нежели собственно

(d) Оставленное имъ сокровище состояло не въ золотѣ, но въ славѣ о его гостепріимствѣ и храбрости. Б.

(e) Примѣромъ своимъ говоритъ онъ къ намъ и по смерти, и поощряетъ насъ слѣдовать его добродѣтелямъ. Примѣръ такого чловѣка убѣждаетъ насъ сильнѣе самаго краснорѣчиваго слова. Б.

къ Исторіи; но что была бы Исторія безъ помощи Географіи и Хронологіи, и что пользы знашь происшествія, не вѣдая *гдѣ и когда* оныя случились? До сихъ поръ еще намъ неизвѣстны многіе города, упоминаемые въ лѣтописяхъ. Тапищевъ сдѣлалъ хорошее начало прилѣжными своими изслѣдованіями; другіе достойные уваженія любители и знапоки большею часпію только по случаю и мимоходомъ упоминали о городахъ Русскихъ; но историческая достовѣрность пребудеть изысканій обширнѣйшихъ и подробнѣйшихъ. При нѣкоторыхъ лѣтописяхъ приложены особыя о городахъ показанія; таковъ на примѣръ Географическій опривокъ, напечатанный А. Шлецеромъ при его Несторѣ (*). Онъ выписавъ имъ изъ одной лѣтописи, такъ называемой Полѣттикинскои, по имени прежняго ея хозяина. Шлецеръ не ручается за исправность своего опривка, потому что въ 1762 году, когда переписывалъ его, онъ недовольно еще привыкъ обходиться съ рукописями на Славянскомъ языкѣ, а къ помужь и почеркъ письма въ семъ лѣтописцѣ весьма нечиспой. Но въ етомъ не можеть быть великой затруднительности; надобно только опривокъ сличить съ другими лѣтописями. И такъ Общество предлагаеть извѣснить: 1е, Гдѣ именно нахождется или находился каждой изъ городовъ, наименованныхъ въ семъ и въ другихъ подобныхъ ему древнихъ Географическихъ показаніяхъ; 2е, когда построенъ, или по крайней мѣрѣ когда становится извѣстнымъ

(*) См. *Несторъ Russische Annalen. III Theil* s. 354, 355 и 356.

„въ Исторіи; з е, по какимъ происшествіямъ
 „или древнимъ памятникамъ достоинъ примѣ-
 „чанія.“ Ксшати упомянуть здѣсь можемъ, что
Тмутороканъ (можетъ быть не тотъ о ко-
 торомъ сдѣлано уже изслѣдованіе) поставленъ
 въ числѣ городовъ *Кіевскихъ* и именно близ-
 кихъ къ Кіеву. О наградѣ, назначенной за сію
 задачу, равно и о другой задачѣ *о Славянскомъ*
языкѣ, предложенной отъ Члена Общества,
 Его Превосходительства Бориса Ивановича Ба-
 рона фонъ Фишингофа, въ свое время объявле-
 но будетъ чрезъ публичныя Вѣдомости.

Передъ закрытіемъ засѣданія розданы Чле-
 намъ по при листа Рускихъ *достопамят-*
ностей. Подъ симъ названіемъ печатаются со
 всевозможною критическою точностію изда-
 ваемыя отъ Общества, подъ смотрѣніемъ Чле-
 на К. Ѡ. Калайдовича, разныя сочиненія и от-
 рывки, до Россійской Исторіи касающіяся,
 драгоцѣнные памятники древняго законода-
 тельства и словесности. До сихъ поръ напе-
 чатано уже шесть листовъ *Перваго Отдѣ-*
ленія. Для удовольствія публики сообщаемъ
 объ нихъ краткое извѣстіе.

Первое мѣсто занимаетъ *Поученіе Архі-*
епископа Луки къ братіи, съ предисловіемъ
 къ нему и съ примѣчаніями, весьма любопыт-
 ными, Члена Р. Ѡ. Тимковскаго. Оно напеча-
 тано съ рукописной Лѣтописи принадлежа-
 щей П. П. Бекешову, а варіанты или разно-
 сти въ словахъ и буквахъ означены съ лѣто-
 писи, подаренной Обществу В. М. Котельниц-
 кимъ. Обѣ сіи рукописи Г. Тимковскій упо-
 требляетъ при изданіи *Несторовой лѣтопи-*
си по списку Мниха Лаврентія. Упомяну-

ное Поученіе опіносится къ *одинадцатому* вѣку, и шворцемъ его быть долженъ по всей вѣроятности *Лука Жидята* (*), извѣстный Епископъ Новгородскій, скончавшійся въ тобо году на пуши изъ Кіева въ Новгородѣ.

Потомъ слѣдуетъ *Правда Русская*, съ предувѣдомленіемъ г-на Калайдовича. Хотя сей драгоценный памятникъ древнихъ законовъ нѣсколько разъ былъ уже изданъ; однакожь и сей списокъ достоинъ примѣчанія какъ по древности своей, такъ и по нѣкоторымъ несходствамъ противъ другихъ списковъ. Книга, въ которой онъ содержится, есть *Кормчая* (Номоканонъ), заключающая въ себѣ правила вселенскихъ и помѣстныхъ Соборовъ съ разными духовными наставленіями и уставами церковными и гражданскими. Она написана, въ Новгородѣ въ *тринадцатомъ* вѣкѣ, на пергаментѣ въ листъ весьма хорошимъ уставомъ, и принадлежитъ Синодальной Библіотекѣ.

Далѣ помѣщено *Посланіе Митрополита Никифора къ Владимиру Мономаху*, писанное въ началѣ *дванадцатаго* столѣтія. Оно достопамятно по расположенію своему, по слогу чистому и приятному, а болѣе по описанію душевныхъ качествъ кропкаго Владимира. Митрополитъ передъ праздникомъ Пасхи, по приличію времени, разсуждаетъ о важности поста и преподаетъ Государю полезныя наставленія.

(*) Или, какъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, *Жирята*.

Грамата, данная въ началѣ *двѣнадцатиго* вѣка Новгородской церкви Іоанна Предпечи отъ Князя Всеволода Мстиславича, взята изъ книги, хранящейся въ библіотекѣ Троицкой Лаврской семинаріи. Ею предоставляются великія выгоды церковникамъ, въ дѣла которыхъ запретилъ Князь Посаднику Мирославу вмѣшиваться, и которымъ велѣлъ управляться собиравшимися спаросами. Церковь Рождества Іоанна Предпечи, построенная упомянутымъ Княземъ въ 1130 году, и теперь существуетъ.

Уставъ Новгородскаго Князя Святослава, данный Софійскому собору въ 1127 году. Онъ взятъ изъ упомянутой выше, принадлежащей Синодальной библіотекѣ, *Кормчей*, и заслуживаетъ вниманіе историка показаніемъ тогдашняго пространства Новгородскаго княженія.

Наконецъ въ шестомъ листѣ начато *Посланіе* Митрополита Іоанна къ черноризцу Іакову, служащее отвѣтомъ на вопросы о церковныхъ правилахъ и содержащее въ себѣ нѣкоторыя извѣстія касательно нравовъ и обыкновеній старинныхъ. Оно взято изъ той же рукописи, изъ которой и Русская Правда. Трудно опредѣлить, какой именно Іоаннъ, изъ четырехъ Киевскихъ Митрополитовъ, былъ творцемъ сего посланія; по крайней мѣрѣ достоверно то, что оно написано въ *одинадцатомъ* или въ *двѣнадцатомъ* вѣкѣ.

По сему краткому показанію любителей опечесщенныхъ древностей судить могутъ,

что издаваемые отъ Общества *Достопамят-ности* справедливо достойны такого названія.

Доставляющій изъ С. Петербурга въ Рижскіе листки (Zeit. für Liter. und Kunst) извѣстія свои и замѣчанія касательно Русской словесности, объявляетъ всѣмъ, кому о помѣ надлежитъ вѣдать: 1е, во 2 книжкѣ Вѣстника Европы (на сей годъ) нѣтъ ничего *достопамятнаго*; 2е, кажется ему, что Издатель съ нѣкотораго времени не совсѣмъ соп amore прудится; 3е, число хорошихъ *оригиналь-ныхъ* сочиненій ежемѣсячно уменьшается. — На первое доносимъ ему, что въ обвиняемой второй книжкѣ Вѣстника Европы ничего достопамятнаго не содержится по той причинѣ, что Издатель на ту пору ненашелъ ничего достопамятнаго въ получаемыхъ имъ иностранныхъ журналахъ, изъ которыхъ, по предположенному плану, наиболѣе составляется Вѣстникъ Европы, и которые, какъ всякому читающему ихъ извѣстно, по особливымъ причинамъ въ нынѣшнее время наполняются весьма неважными достопамятностями; на второе отвѣчаемъ увѣреніями, что Издатель, занятый впрочемъ должностію по службѣ и нѣкоторыми прикосновенными къ ней упражненіями посторонними, прудится со всевозможною ревностію, и судя по числу субскрибентовъ, при благосклонномъ пособіи нашихъ господъ Ученыхъ и Императоровъ, украшающихъ Журналъ его своими произведеніями, не находитъ для себя ни шягоспнымъ труда сего, ни скучнымъ; вразсужденіи претьяго просимъ замѣтить, что самое названіе Вѣстника Европы даетъ право читателямъ искать въ немъ болѣе переводимыхъ

съ иностранныхъ языковъ нежели Русскихъ сочиненій.

Съ *Русскимъ Вѣстникомъ* г. неизвѣстный Сочинитель замѣчаній поступилъ слишкомъ уже немилосердно. Предоставляется самому г-ну Издашелю Р. В. опразить нападенія своего сопрошивника, которой въ 6 номерѣ упомянутыхъ Нѣмецкихъ листковъ . . . но мы не хотимъ выписывать того, что сказано тамъ о Р. В-ѣ, и поспѣшаемъ извѣстить читателемъ нашихъ объ опривкѣ изъ письма о Русской Литтературѣ, напечатанномъ въ 8 номерѣ. Въ немъ предложены мнѣнія довольно странныя, на примѣръ: Ломоносовъ неумѣлъ писать слогомъ приличнымъ для разговоровъ и писемъ; — наставшіе послѣ него сочинители употребляли языкъ полурусской и полуславянской безъ разбора; — зло сіе наиболѣе примѣтно было въ романахъ и драматическихъ сочиненіяхъ; герои и женщины говорили въ нихъ какъ попы и монахи; Фонъ-Визинъ въ комедіяхъ своихъ прекрасно изображалъ низкую нашуру, но слогъ его вовсе не можешь быть образцемъ хорошей прозы; — въ 1791 году сдѣлана эпоха; съ того только времени начали появляться письма, повѣсти, историческія сочиненія, переводы Французскихъ, Англійскихъ и Нѣмецкихъ прозаистовъ, и Русскіе въ *первой разѣ* услышали языкъ прекрасной, чистой, благородной, непринужденной, и однакожъ гдѣ нужно великолѣпной и сильной въ извѣщеніи спраспи, но уже безъ примѣси старинныхъ библейскихъ словъ и оборотовъ; — возникли двѣ партіи: *Славянская* или *Петербургская* и *Русская* или *Московская* (!!); каждая почитаетъ себя не

погрѣшительною и предаешь осужденію другую, и проч. — Г. Сочинитель Опрывка можетъ быть также почитаетъ и себя не погрѣшительнымъ; однакожъ онъ во многомъ ошибается, и спашья его не даетъ надлежащаго свѣдѣнія о нашей лингвистурѣ. Онъ говоритъ въ ней то, что затвердила у насъ молодые люди, мало упражняющіеся въ здоровой словесности, слегка чипающіе книги полько по своему вкусу и немолчко исповѣдующіе удивленіе свое къ тому, что имъ кажется единственнымъ. Г. Сочинитель Опрывка говоря о разговорномъ слогѣ въ Комедіяхъ Фонъ-Визина не обратилъ вниманія на Спародума и Правдина; онъ не упоминаетъ о письмахъ Фонъ-Визина, копорыхъ можетъ быть совсѣмъ не знаетъ; онъ не посовѣспился даже утверждать, будто у Ломоносова болѣе Французскихъ и Нѣмецкихъ словъ, галлицизмовъ и германизмовъ, нежели въ нѣкоторыхъ новыхъ сочиненіяхъ, копорыя онъ выхваляетъ *на свой страхъ*; ибо сочиненія сія, сколько намъ извѣстно, ни къмъ еще не были рассмотрѣны и *степень достоинства* ихъ еще неопредѣлена здоровою, безпристрастною и спрогою крипикою. Чпожъ касается до ребяческихъ восклицаній нѣкоторыхъ нашихъ стихотворцовъ, до гиперболическихъ похвалъ ихъ и странныхъ уподобленій, то учпиво-сти сія должны быть болѣе оскорбительны нежели приятны для чловѣка неослѣпленнаго самолюбіемъ. Похвалы сего рода нравятся богатымъ и полспымъ откупщикамъ; напротивъ того всякимъ благомыслящимъ писателемъ почитаются онъ за дерзкую насмѣшку и наказываются презрѣніемъ.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Гершель чиналъ въ Королевскомъ Лондонскомъ обществѣ разсужденіе свое о послѣдней кометѣ. Наблюдая такъ называемое ядро кометы, онъ замѣтилъ что одна часть его была свѣшлѣе прочихъ, что свѣшлая почка сія находилась довольно далеко отъ средоточія и что яркость сіянія часто измѣнялась. Посредствомъ большаго своего телескопа Гершель удостовѣрился, что швердое ядро есть дѣйствительно планетное тѣло, и что оно окружено только кометною атмосферою. Октября 28 (нов. ст.), когда комета находилась въ разстояніи на 114 милліоновъ миль отъ земли, Гершель измѣрялъ ее и нашелъ, что поперечникъ ея имѣетъ въ себѣ 428 миль Англійскихъ.

✽

Пишутъ изъ Рима, что по всѣмъ частямъ города сего огромные памятники древняго зодчества опрышты и очищены. Монастырь и дома на *Площади Народной* (Piazza del Popolo) сломаны, и теперь тамъ сдѣлано открытое мѣсто для гулянья, которое называется *садомъ великаго Цезаря*. Римская площадь (Forum Romanum) впредь называться будетъ *Садомъ Капитолія*. Храмъ Богини согласія, остатки храма Юпитера громовержца, храмы Антонина и Фавстины, мира, форсуны мужеспвенной, ромонда Весты, враща Янусовы, Колизей озарились новымъ блескомъ. Монастыри и дома, которые закрывали сполнъ Трояновъ и водометъ Тревійскій также срышты.

✽

Въ Парижѣ въ Императорской библиотекѣ найдена Пшоломеева Оптика, на Латинскомъ языкѣ, копорую до сихъ поръ почитали ушраченною; она переведена съ Арабскаго какимъ-то Аммиратомъ Евгениемъ Сицилійскимъ. Г. Делабрѣ представилъ Институту извлечение изъ оной. Въ книгѣ сей содержишься много невразумительной метафизики, нѣкоторыя до физики касающіяся извясненія также темныя, неправильная система о зрѣніи, подробно извясненная у Евклида и Клеомеда, и нѣсколько справедливыхъ теоремъ съ доказательствами слишкомъ пространными и упомительными. Напротивъ того достойно примѣчанія слѣдующее: 1е, что Пшоломей имѣлъ уже вѣрное и полное свѣдѣніе о дѣйствіяхъ астрономическаго преломленія, и зналъ о немъ гораздо болѣе, нежели Тихо-Браге, Кеплеръ, Гевелій и прочіе астрономы, предшественники Кассиня; 2е, что онъ зналъ, какъ хорошо какъ мы теперь о преломленіи лучей свѣта, переходящихъ изъ воздуха въ стекло или въ воду. Онъ предлагаетъ таблицы объ углахъ преломленія, раздѣляя счетъ на десятки градусовъ, и показываетъ способъ составлять подобныя таблицы при самомъ наблюденіи опыта. Таблицы Пшоломеевы почти сходны съ Невтоновыми; разница въ томъ только, что Невтонъ употреблялъ при опытѣ воду дождевую, а Пшоломей обыкновенную, и что у Англійскаго астронома стекло было не такъ плотное, какое имѣли древніе.

*

Изъ Даніи пишушь, что тамъ издана въ свѣтъ Грамматика Исландскаго языка, копорой былъ вообще употреблемъ въ Скандинавіи въ девятомъ вѣкѣ. Сочинитель оной

г. Раскѣ доказываетъ, вопреки Аделунгу, что языкъ Исландскій происходитъ не отъ Саксонскаго, но что онъ есть особая опрасль фамилии языковъ Готскаго и Тевтоническаго.

✱

Вотъ польза отъ чтенія глупыхъ романовъ, въ которыхъ описываются разбойническія похождения: въ Бернѣ малолѣтніе ученики шкoлы составили между собою тайное общество кражи. Читавши прилѣжно разбойническіе романы, они разгорячили свое воображеніе, воспламенялись духомъ постыднаго героизма, и вознамѣрились идти по слѣдамъ удалцовъ, коихъ подвиги казались имъ знаменитыми. Въ обществѣ учрежденъ былъ порядокъ, какой описывается въ походахъ разбойниковъ; назначено было мѣсто для храненія добычи, для свиданій, для забавъ и пирушекъ. Упражненія сихъ шалуновъ успѣшно продолжались нѣсколько мѣсяцовъ; на послѣдокъ одинъ изъ нихъ пойманъ въ воровствѣ и во всемъ признался.

✱

Не задолго передъ симъ въ Лондонѣ вышло въ свѣтъ второе изданіе Разсужденія о сумасшествіи (Dissertation on insanity), сочиненное Докторомъ Блакомъ. Авторъ полагаетъ, что въ Англіи сумасшедшихъ болѣе нежели въ какомъ-либо другомъ Государствѣ. Особливо же примѣры наследственнаго сумасшествія столь часты, что Докторъ Блакъ почитаетъ нужнымъ законное запрещеніе вступать въ бракъ людямъ обою пола, одержимымъ сею душевною болѣзнію. Онъ предлагаетъ опечивъ въ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ Бедламѣ. Число сумасшедшихъ въ Лондонѣ и въ предмѣстіяхъ города сего пре-

стирается до 1000. Въ одномъ Бедламѣ почти никогда не бываетъ менѣе 250, въ числѣ которыхъ обыкновенно находится 100 неизлѣчимыхъ.

Нѣкто извѣявляетъ въ Берлинскихъ Вѣдомостяхъ чувствительнѣйшую благодарность свою незнакомому вору, которой могши отнять у него полной кошелекъ, взявъ только одинъ луидоръ и при шалера, а прочее отдалъ обратно.

Г-жа Бланшаръ недавно предпринимала въ Римѣ воздушное путешествіе. По благополучномъ возвращеніи своемъ она принята была въ городѣ съ чрезвычайнымъ воспоргомъ. Одинъ знатной жипель поднесъ ей въ подарокъ драгоценный тюльпанъ, украшенный алмазами и жемчугомъ, съ находящимися внутри часами, которые выходятъ наружу по дѣйствию пружины. Въ городкѣ Попишелло, гдѣ г-жа Бланшаръ опустилась на землю, встрѣтили ее торжественною процессіею; въ церкви пѣли благодарственный молебенъ; молодая дѣвушка составила хоръ и плясали вокругъ путешественницы; въ честь ея учреждено вечернее пиршество, и въ знакъ особеннаго уваженія предоставлена ей была постель новобрачныхъ въ томъ домѣ, гдѣ она провела ночь за благо разсудила.

Въ одной Болонской хроникѣ упоминается объ нѣкоемъ отцѣ Бонапартѣ, жившемъ въ принадлежномъ столѣтніи, умершемъ 1293 года и погребенномъ въ церкви Св. Маріи. На гробницѣ его находится слѣдующая надпись:

Archa Buonoparti
Corpus tenet ista beati;
Multis sanavit
Et sanctos esse probavit.

(п. е. Въ семь гробѣ покоишься шѣло блаженнаго Бонапарша; онѣ многихъ исцѣлилѣ, и доказалѣ, что есть свяшые.)

У. ПОЛИТИКА.

Объ истинной и справедливой политикѣ.

Что есть истинная политика? Она есть наука мудрости государственной, которая уважаетъ челоѳчество и охраняетъ священныя права его. Государства предѣ очами ея суть лица, коихъ права ненарушимы. Она не располагаетъ дѣйсѳвій своихъ для предосудительнаго угожденія, и не ползаетъ передъ могуществомъ; она не знаетъ ни лукавства, ни шѣхъ способѣ, копорые осѳщаются единственно успѣхами въ намѣренія; она поступаетъ открыто и свободно, прозорливостъ и силу свою направляя къ великой цѣли соединенія Государствъ и несогласія между народами

превращаетъ не мечемъ но разумомъ. Когда единство распоргнуто между народами, она всячески осперегаается опъ покуменій на поступки насильственные; ибо насильственные поступки подаютъ поводъ къ безпокойствамъ; а ежели одинъ разъ нарушена увѣренность въ ненарушимости права, тогда опверзены врага всякой несправедливости, всѣмъ жестокостямъ. Именно потому наше время споль обильно ужасными происшествіями и политическими перемѣнами, что ненарушимость и свяпость правъ поколебались на своемъ основаніи. Давность не охраняетъ уже собственности, и право личной безопасности нарушено; все сдѣлалось невѣрнымъ и сомнительнымъ, опъ того что свяпость собственности попра на ногахъ. Истинная и справедливая полиция никогда неопибается, уважая свяпю безопасность государствъ и ненарушимость оныхъ; она дѣлаетъ перемѣны, но не иначе какъ по согласію обиженныхъ, которыхъ права почитаетъ неприкосновенными; она неупомимо поправляетъ и безпрестанно заботится о новыхъ предпріятіяхъ; ибо разумомъ и опытами доказано, что прочнымъ быть можетъ только мудрое и справедливое учрежденіе. Поэтому-то всегда спарается она установить строгую судъ истинны и утвердить въ людяхъ понятіе о ной справедливости, безъ коной

рой Государства скоро перяютъ бытіе свое и спокойство не можеть быть прочнымъ.

Истинная политика благоразумно слѣдуетъ законамъ справедливости; система ея утверждена на свободѣ Государствъ и независимости; она непокаряется ни сущнымъ приличностямъ, ни своекорыстію; единственное побужденіе, которымъ одушевляется она, есть благо всего міра; то есть уваженіе къ справедливости и заботливость о счастіи всѣхъ народовъ.

Сія политика имѣла не многихъ почитателей. Не многіе Государи и Министры слѣдовали правиламъ ея при сношеніяхъ своихъ съ державами; таковы были Генрихъ IV, Сюлли, Тампель и нѣкоторые другіе. Еслижъ строгія правила ея и не во всемъ были исполняемы; то по крайней мѣрѣ основаніемъ взаимныхъ отношеній служили порода, право владѣнія, древность. Тогда имѣли уваженіе къ тому, что уважено самымъ временемъ; опасались дѣлать насильственные перемѣны и благоговѣли передъ древностью. Тогда политика старалась не разрушать но охранять цѣлостіи Государствъ, и стремилась къ системѣ, которая замѣняла собою соединеніе всѣхъ народовъ (*).

(*) Здѣсь разумѣется система равновѣсія.

усиживались, но не доводили и до слабости, ибо то и другое нарушило бы сію спасительную систему. Тогда боялись могущества, которое было бы спрашнымъ для ея безопасности. Родственные союзы между Государями были уважаемы, и сіе уваженіе нѣкопорымъ образомъ служило замѣною права. Тогда Европа была безопасною отъ насильственныхъ переменъ, отъ ужасныхъ потрясеній, и отъ всегдашняго страха, причиняемаго опасеніемъ нападковъ или уничтоженія. Увѣренность въ безопасномъ состояніи есть великое благо для народовъ; ибо часто одинъ страхъ опасности бываетъ причиною кровопролитій. При всеобщей безопасности, при взаимной довѣренности пищина очень рѣдко нарушается.

Важныя событія нашего времени произвели инныя понятія, инныя намѣренія въ политикѣ, и содѣлали господствующею со-всѣмъ иную политическую систему. Старая вырвана съ корнемъ; на мѣстѣ ея возникла система *средоточнаго распространенія*. Каждое Государство старается по возможности расширяться и увеличиться чрезъ посредство союзныхъ областей. Сильнѣйшее Государство занимаетъ въ системѣ сей среднюю точку, отъ которой происходитъ движеніе на всѣ страны окружныя, и около которой всѣ союзныя об-

ласпи вращаются. Въ системѣ сей господствуетъ сила тяготѣнія, которая обнаруживается припривлеченіемъ и отпалкиваніемъ, равно какъ въ солнечной системѣ. Жизнь, мысли, намбренія и распоряженія происекаютъ изъ средоточія, а отъ слабѣйшихъ областей пребуется върности, послушанія и преданности.

Для произведенія въ дѣйствіе системы сей употребляющъ всякое средство, какое только почитается удобнымъ къ достиженію цѣли. Тутъ неприемлется въ уваженіе ни порода, ни древность; способы избираются только выгодные и освящающія успѣхомъ. Сія система простираетъ шагъ далеко свои предѣлы, куда только можетъ достигнуть сила ея дѣйствія; но увидѣвши опасность, сближаетъ часъ свои къ средоточію. Сила опредѣляетъ судьбу народовъ и соединяетъ страня вещи, которыя прежде никогда вмѣстѣ не бывали. Системѣ сей давали разныя названія; но кажется, всего приличнѣе назвать ее системою *средоточнаго распространенія*.

Законы, по которымъ она дѣйствуетъ, находясь въ ней самой, и составлены болѣе изъ физическихъ силъ ея нежели изъ нравственныхъ. Она все привлекаетъ къ себѣ, а въ чемъ находитъ сопротивленіе, то ея отпалкивается и уничтожается.

Сія система для поддержанія себя и распроспраненія имѣетъ нужду въ великихъ способахъ и насильственныхъ распоряженіяхъ. Что ею сдѣлано, что сдѣлано съ напряженіемъ. Половинныя средства были бы для нее пагубны, а робкіе поступки вредны. Бодро и смѣло спремилась она къ цѣли, которая огромностию своею изумляетъ вселенную. *Быть* или *небыть* — вопиющія приговоры. Сія система пребудетъ духа смѣлаго, дѣятельнаго, на все готоваго; все, что ни является въ ней, носитъ на себѣ знаменіе великости. Она возбуждаетъ въ сердцахъ не любовь, но страхъ и ужасъ, подобно всему насильственному, имѣющему вліяніе на благо и бѣдствіе человеческого рода. Только сильныя умы могутъ вступать въ борьбу съ нею, все же малое и слабое немедленно ею подавляется. Она управляетъ необъятными силами, и никто не можетъ предназначить предѣловъ ея спремленію. Быстра будучи какъ молнія и ужасна какъ громъ, она внезапно покрываетъ народы, едва дышущіе отъ изумленія. Отъ такой системы нечего и ожидать другаго, какъ только велиаго и даже необъятнаго; и хотя бы ея замыслы казались несообразными силамъ человеческимъ, однакожь никто не долженъ утверждать, что они не удобоисполняемы; ибо могуществу, имѣющему всѣ способы въ

своихъ распоряженіяхъ, все естъ возможно, дажъ и по что по обыкновенному ходу дѣлъ кажесть намъ невѣроятнымъ и несбыточнымъ. Неизмѣримость и безпредѣльность сущь главныя отличительныя черты сей системы. Она играетъ исполинскими препяшствами, а малыя топчетъ ногами. Никакое запруднительное сомнѣніе, никакая опасность неостанавливаетъ ее, когда она усматриваетъ что нибудь полезное для цѣли *средоточнаго распространенія*. Новое и старое сливаетъ она въ одну форму и даетъ веществу образъ, какой хочетъ.

О сей системѣ не можно и недолжно судить по обыкновеннымъ о вещахъ понятіямъ; говоря о ней, нельзя ссылаться на прошедшее, которое не можетъ быть примѣромъ для будущаго; путь прошедшимъ будущее не объясняется. Она скрытна и непроницаема какъ вѣчность и насильственна какъ время. Въ другихъ системахъ политическихъ можно угадывать, что впредь случится, основываясь на правилахъ обыкновенной опытности; здѣсь же напрошивъ того все необычайно, здѣсь всѣ опыты древніе и новые ни къ чему не служатъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и ея управляетъ мудрое Провидѣніе, Коего судьбы неисповѣдимы, и Коего опредѣленіямъ подлежатъ всѣ смертныя, всѣ чада праха; но мѣра, употребля-

емая нами для измѣренія всѣхъ обыкновенныхъ случаевъ и дѣяній недовѣческихъ здѣсь совершенно бесполезна; она не можетъ быть годною въ такой системѣ, которая любитъ однѣ только чрезвычайности. Можетъ быть по сей - то именно причинѣ никогда еще не сдѣлано въ политикѣ столько ложныхъ заключеній, какъ въ наше время. Каждой разъ ошибались при исчисленіи и опредѣленіи будущихъ случайностей, и ошибки сіи должны продолжаться до тѣхъ поръ пока разсуждающіе не примутъ себѣ за основаніе идей вмѣстѣ математическихъ и нравственныхъ. Сіи только идеи могутъ объяснить будущія происшествія, имѣющія связь съ настоящими.

Въ сей системѣ война и миръ зависятъ отъ понятія о владычествѣ, смотря по тому чѣмъ удобнѣе распростиранить его можно, войною или миромъ. Какъ бы что ни было, но впрочемъ за неоспоримую истину признавать должно, что прежнія обыкновенія, законы справедливости и свободы въ ней были бы совсѣмъ бесполезны, что о новой системѣ ненадобно судить какъ о старой, и что старую починающуюся важными такія вещи, которыя ни во что сдѣлаются новою.

(Изъ *Minerva*. в. II.)

*Отрывокъ изъ Политическаго ка-
пихизиса Англичанъ (*) .*

Вопросъ. Что называется у насъ по-
липиною? *Отвѣтъ.* Пракпическая наука
о всемъ несправедливомъ.

В. Имѣемъ ли мы расположеніе къ сей
наукѣ? *О.* Насъ почитающъ къ ней весь-
мъ способными.

В. Въ чемъ особенно состоитъ она по
нашему мнѣнію? *О.* Въ злоупотребленіи
мира и войны.

В. Что есть миръ? *О.* Миръ есть то,
что заставляешъ насъ желать войны.

В. Что есть война? *О.* Война есть то,
что заставляешъ насъ желать мира.

В. О чемъ мы спараемся въ мирное
время? *О.* Обманывашъ сосѣдей.

В. А во время войны? *О.* Обманывашъ
самихъ себя.

В. Въ какомъ случаѣ война для насъ
полезна? *О.* Въ такомъ, когда мы распро-
ряжаемъ шорговлею всѣхъ народовъ.

В. Что такое право натуры? *О.* Ста-
ринной кодексъ человѣческаго сердца, спра-
вденный нами по спискамъ, находящимся
только въ обласяхъ Варварійскихъ.

(*) Сей капихизисъ напечатанъ былъ въ 1756
году; нынѣ же писнуто второе онаго из-
даніе — во Французскихъ вѣдомостяхъ. К.

В. Что есть договоръ? *О.* Единственное дѣло въ свѣтѣ, о которомъ менѣе всего мы думаемъ.

В. Что называется границами? *О.* То, чего мы знать не желаемъ.

В. Что суть друзья? *О.* То, чего мы никогда имѣть не будемъ.

В. Почему? *О.* Потому что мы ихъ никогда неимѣли.

В. Для чего имѣемъ мы союзниковъ? *О.* Дабы показать, что мы богаты.

В. Гдѣ Французовъ оскорбляемъ мы безъ всякаго опасенія? *О.* Въ театрахъ нашихъ.

В. Какія добычи наши драгоценнѣе? *О.* Тѣ; которыя получаемъ въ мирное время.

В. Чѣмъ удовлетворяемъ мы кораблю неутралъному, напавши на него безъ причины? *О.* Зыскиваемъ съ него, за порохъ испраченный нами на пушечные выстрѣлы. *И проч.*

(Изъ Journ. de l'Empire.)

Обозрѣнiе заграничныхъ происшествiй.

Изъ Парижа, отъ 10 Февраля, н. ст.
Сего мѣсяца 6 числа былъ въ Тюльерійскомъ Дворцѣ великолѣпный праздникъ. Прекрасная зала, назначенная для театральныя представленiя, устроена была сей разъ точно такъ,

какъ въ день бракосочетанія Ихъ Величествъ. Ложи наполнены были жителями города Парижа, приглашенными къ сему празднеству, а по обѣимъ сторонамъ залы сидѣли особы, имѣющія приѣздъ ко Двору. Императоръ и Императрица прибыли туда въ 11 часовъ, и Ея Величество изволила опкрышь балъ съ Княземъ Нефшательскимъ.

На Провинцію *Валенцію*, покоренную нашими войсками, наложено двѣсти милліоновъ реаловъ контрибуціи, и сверхъ того съ города *Валенціи* взято 400 муловъ со всѣмъ приборомъ подъ артиллерію.

По донесеніямъ изъ арміи нашей въ Португаліи, Англичане взяли 19 числа минувшаго мѣсяца приступомъ крѣпость *Циудадъ-Родриго*, и вывезя артиллерію, вывели и войска свои отсюда. (Съв. П.)

Архіепископъ Валенцкій, также знатное дворянство и гражданскіе чиновники, долгое время страдавшіе подъ игомъ жестокаго правленія Юншы, всѣ ратились въ городъ, и живутъ теперь спокойно. 1500 Монаховъ, наиболѣе участвовавшихъ въ возмущеніи народа, взяты подъ стражу и оправданы во Францію. Начальники инсurreкціи, жившіе въ домѣ Англійскаго Консула, также и самыя ревностныя его приверженцы, преданы смертной казни на общенародной площади, къ величайшему удовольствію всѣхъ благомыслящихъ жителей, не имѣвшихъ никакого участія въ убійствѣ Французовъ. (С. П. В.)

Изъ Милана, отъ 3 Января, н. ст.
Минувшаго мѣсяца 17 числа Императоръ пожаловалъ Графами Италіянскаго Королевства: Папріарха Венеціянскаго, Епископовъ Три-

денітскаго, Бергамскаго, и другихъ. Многіе же Епископы возведены въ достоинство Бароновъ. (Съв. П.)

Изъ Италіи, отъ 1го Февраля, н. ст. Венеціанскому Патріарху и шести Италіянскимъ Епископамъ пожалованъ Орденъ Желѣзной Короны. Равнымъ образомъ находящіеся въ Иллирійскихъ провинціяхъ Греческій Епископъ *Міорковичъ* и Архимандритъ *Будиссалевицъ* пожалованы Кавалерами Почетнаго легіона. (С. П. В.)

Отъ 2 Февраля, н. ст. Со введеніемъ въ здѣшнемъ Королевствѣ законовъ Французской Имперіи уничтожился существовавшій здѣсь обычай, по коему главнѣйшая часть имущества по смерти родителей опредѣлялась старшему сыну. Нынѣ всѣ дѣти отца, послѣ коего оспалось какое либо наслѣдство, имѣютъ равное право на оное.

Отъ 10 Февраля, н. ст. По распоряженіямъ здѣшняго Правительсва, въ каждомъ уѣздѣ Королевства Италіянскаго будущъ найдутся по крайней мѣрѣ по одному дому для приема оставленныхъ безъ всякаго призора дѣшей. Мальчики, пробывъ до 6 года возраста въ сихъ домахъ, онгдаваемы будущъ пошомъ ремесленникамъ и крестьянамъ, и достигнувъ одиннадцати лѣтъ, поступятъ въ вѣденіе Военнаго Министра; дѣвушки же сего возраста будущъ рассылаемы по городамъ, въ коихъ находятся фабрики. Для содержанія дѣшей сихъ опредѣлено ежегодно по 600,000 ливровъ. (Съв. П.)

Съ береговъ рѣки Майна, отъ 3 Февраля, н. ст. 25го Числа Января пробхали многі повозки съ деньгами чрезъ Франкфуртъ въ Магдебургъ; а 28го числа прибылъ шуда изъ Мюнца обозъ съ порохомъ, который на другой день также отправился въ Магдебургъ.

Изъ Саксоніи, отъ 10 Февраля, н. ст. Вновь наложеная 20го числа Января на 1812 годъ временная подать простирается до одного милліона талеровъ, и должна бытъ внесена къ половинѣ сего года непременно и вся сполна. Подать сія временною называется пошому что она существованъ должна токмо до того времени, пока учрежденная Е. В. Королемъ особая Коммиссія, подъ управленіемъ Министра Ноглицъ-Генкендорфа, не сдѣлаешъ новаго о податяхъ постановленія.

Вѣча, отъ 3 Февраля, н. ст. Дороговизна во всемъ достигла здѣсь до высочайшей степени: однакожъ ни одинъ карнавалъ въ семъ городѣ не былъ столь блистателенъ какъ нынѣшній. У насъ теперь болѣе двухъ тысячъ иностранцевъ; театры и редуны наши бывають всегда наполнены людьми. Катанья въ саняхъ продолжаютъ непрестанно. Никшо не запомнишь; чтобы здѣсь было когда либо столь много снѣгу какъ нынѣ.

Отъ 2 Февраля, н. ст. Увѣряють, что Венгерскіе чины согласились: 1) Внести въ Императорскую казну въ два года 24 милліона гульденовъ банковыми ассигнаціями; 2) въ продолженіи сего времени поставитъ четыре милліона мѣръ хлѣба, и 3) въ теченіи двухъ

лѣшѣ плашить пошлину по два гульдена съ
каждаго центнера соли.

✱

Офенъ, отъ 28 Января, н. ст. Изъ но-
вѣйшихъ извѣстій, полученныхъ здѣсь изъ
Турціи, явствуетъ, что всѣ распространен-
ныя слухи, будто бы неприятельскія дѣй-
ствія опять начались и будто бы уже бы-
ло сраженіе у Руцукъ, надлежитъ относить
къ выдумкамъ шибъ разчетистыхъ людей,
которые для частныхъ своихъ выгодъ распу-
скаютъ ложныя извѣстія. Великій Визирь на-
ходится въ Руцукѣ, и перемиріе еще про-
должается.

✱

Лондонъ, отъ 27го Января, н. ст. На
сихъ дняхъ пришелъ въ Ливерпуль изъ Нова-
го Йорка корабль *Лидія* съ важными извѣ-
стіями, которыя заставляютъ думать, что
военныя дѣйствія между Англіею и Сѣверны-
ми Американскими Областями уже начались.
Конгрессъ большинствомъ голосовъ одобрилъ и
принялъ всѣ предложенія своего Комитета,
касающіяся до объявленія войны. Граждане во-
оружаютъ свои суда, и каждый купеческій
корабль, имѣющій отъ Англійскаго прави-
тельства позволеніе на провозъ товаровъ,
подверженъ будетъ спрожайшему осмотру.
Парламентъ депутатовъ обвиняетъ наше пра-
вительство, будто бы оно побудило Индій-
цевъ къ войнѣ съ Соединенными Областями.
Г. Рандольфъ, самый краснорѣчивый и рев-
ностный защитникъ торговыхъ выгодъ и ком-
мерціи Соединенныхъ Областей съ Англіею,
объявилъ, что ежели сіе взводимое на Англію
обвиненіе подтверждено будетъ ясными дока-

Затѣльствами, что онъ первый голцовъ принялъ начальство надъ войскомъ и тотчасъ поидеть въ Канаду.

Отъ 28 Января, н. ст. Въ Гамбургскихъ Вѣдомостяхъ все еще жалуются на Англійское правительство, что оно съ несчастными иностранцами, которые, какъ говорятъ обвинители, уже побѣдѣли въ Великобританской службѣ, поступило весьма жестоко, высадивъ ихъ на Германскіе и Голландскіе берега почти обнаженными и безъ денегъ. Въ сихъ обвиненіяхъ справедливо только то, что Англійское правительство приказало нѣкоторыхъ иностранцевъ посадить на берега твердой земли, доставивъ имъ, можетъ быть, не весьма достаточныя средства къ ихъ содержанию; однакожъ иностранцы сіи изгнаны изъ Англии, не по тому что они состарѣлись въ нашей службѣ и уже сдѣлались неподобными къ продолженію оной, но единственно по подозрѣнію, къ которому они сами подали поводъ, что усердствуя пользѣ нашего неприятеля и благопріятствуя его замысламъ, могли бы они, оставаясь въ Англии, нанести оной величайшій вредъ. (С. П. В.)

Природы дочь, Зима, отъ взоровъ сокры-
ваетъ

Богаства дивныя и лѣта и весны ;
Но дней Твоихъ зима въ величествѣ являетъ,
Сквозь завѣсъ скромности, Твои цвѣтущи дни.
Россію славящій, любви небесной Геній,
Другъ правдѣдовъ Твоихъ и другъ благотвореній
Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ бесѣдовалъ съ Тобой,
Чтобъ оживить въ Тебѣ и духъ и образъ свой ;
Общественно добро Твоимъ блаженствомъ спало!
Въ душѣ Твоей, какъ Богъ, Опечество сіяло ;
Служа себѣ, ему усердно Ты служилъ,
И богатя себя, его Ты богачилъ.

Тогда уже объ насъ Ты пламененъ раченъ
Горѣлъ, какъ другъ, отецъ, когда Ты собиралъ
Природы и искусствъ чудесныя творенъ !
Мое имѣнье, жизнь, Ты самъ себѣ вѣщалъ,
Все есть Опечества ко мнѣ благодѣянье ! —
Я долженъ возрастишь, и возврастишь даянье!
Ни роскошь, ни щета желѣзною рукой
Не должны раздѣлять Опечества со мной !
Блескъ золоту даетъ его употребленье ! —
Пусть дни мои текутъ во шмѣ, уединенъ ;
Невидны для людей ! — ихъ видѣшь будешь Богъ !

Такъ мыслилъ Ты всегда, и міру далъ
урокъ,

Что сердце доброе само себѣ отплада ;
Что славы истинной не лъзя намъ скоро жданъ ;
Терпѣнье ей отецъ, а Добродѣшель — мать ;
Чѣмъ далѣе отъ насъ, шѣмъ радостнѣй награда !
Трусливый честолоубъ съ младенческой душой
Въ ближайшемъ призракъ обрѣсть ее желаетъ ;
Плыветъ за ней слѣпецъ подъ бурю страстей ;
Оставилъ берега : волнъ жертва погибаетъ ;
Мудрецъ провидитъ вдаль ; идетъ своей стезей,
Свободный въ плѣнъ золъ, богатый самъ собой,

Спокою твердою небрежно попираешь
И перны и цвѣты, что случай разсыпаетъ.
Онъ любилъ многій трудъ, полезнымъ бышь
любя,

Онъ въ мракѣ гробовомъ зрѣлъ солнце для себя!
Демидовъ! — дивно ли для насъ твое терпѣнье?
Предметъ свой для тебя, и честь, и наслажденье
Опечесво и Богъ! что можетъ больше льститься?
Возможно ли еще иное что любилъ? —

Почувствуй только ихъ: — и въ чувствахъ
сихъ небесныхъ
Исчезнетъ вся боязнь прѣяшнейшей неизбѣж-
ныхъ.

И горестъ сладостью, и щастіе мечтой,
И гибель самая безсмертіемъ явился —
И смертный полу-богъ, — и міръ ему ди-
вился! —

Онъ шествуетъ своей особенной стезей. —
Не зиждетъ пирамидъ огромныхъ въ удивленье,
Чтобы гордишься въ нихъ предъ людношью въ-
ковъ;

Не блещетъ пышностью, безумцовъ въ ослабл-
енье;

Нѣтъ нужды для него въ сіяніи чиновъ;
Нѣтъ нужды для него въ громадахъ мавзолеевъ,
Что нехотя гласяшь, сколь ихъ строилъ
маль! . . .

Обычай иногда гробницу и злодѣевъ
Великимъ именемъ святыни украшалъ,
Чтобъ память бѣдную возвысилъ олшарями:
Но Вышній славился лишь добрыми дѣлами!
И храмъ воздвигнутый, не славы для вѣнца,
Не для храненія однихъ пишуловъ пышныхъ,
Но въ пользу общесства, но въ пользу нашихъ
ближнихъ,

Есть, можетъ бышь, одинъ достойный храмъ
Творца!

Великъ, кто показалъ прямую добродѣтель;
Но больше, кто возжегъ любовь чистѣйшу къ
ней;

Великъ единого семейства благодѣтель,
Но больше, кто умѣлъ, для счастья людей,
Свой вѣкъ переживать, и муру лишь безцѣнно
Всегда на самое потомство отдаленно!

Демидовъ! Ты умѣлъ сей подвигъ совершить!
Превыше всѣхъ добро — науки расширить!
Щедраша, правой судъ, къ несчастнымъ со-
спраданье

Есть застарѣлыхъ золъ и бѣдствій врачеванье:
Намѣренье наукъ есть — зло предупреждать;
Въ семъ очарованномъ жилищѣ заблужденій
Онѣ ведутъ меня, когда и другъ и братъ
Оспавятъ бѣднаго на жершву злочлюченій!
Благшворитель намъ на раны льетъ елей;
Благшворителя рождаетъ просвѣщенье;
Одинъ лишь мидуетъ; — сіе шворитъ людей;
Кругъ дѣйствій одного имѣетъ огражденье,
Науки дѣйствіе, какъ сей чудесный свѣтъ,
Какъ вѣчность цѣлая, предѣловъ не имѣетъ:
Съ вѣками лучъ ея распшетъ и пламенѣтъ,
Пока обниметъ все, и въ Богъ процвѣшетъ! ...
Великій человекъ! — я въ радости перьяюсь,
Когда простру свой взоръ къ грядущимъ вре-
менамъ!

Напрасно исчислять всѣ пользы покушаюсь,
Которыя текутъ во слѣдъ Твоимъ прудамъ!
Одѣяна вокругъ небесными лучами
Средь изобилія, въ глубокой тишинѣ,
Какъ вѣкій дивный храмъ, Россія зрится мнѣ,
Въ которомъ предѣ осмью для Феба олшарями,
Курилецъ, и Вошакъ, Черкесы и Сармашъ,
Спавъ братья и друзья наукою свяшью,
Возряшъ на образъ Твой съ сердечною слезою,
И имя славное Твое благословяшъ! —

Опечесство мое! позволь къ себѣ склониться!
 Демидова хвала естъ лучъ хвалы пвоей!
 Кто не прославился побой, не возгордится? —
 Какихъ имѣло пы, имѣешь днесъ дѣшей! —
 Одни прошли весѣ мѣрѣ съ побѣдой и громами;
 Другіе мирными прославились дѣлами;
 Тамъ Мининъ честь пвою изъ плѣна искупилъ;
 Пожарской далъ Царя, и бунты усмирилъ; —
 Тамъ спраждешь Филаретъ, и въ сонмищѣ ко-
 варныхъ,
 Въ темницѣ, въ смершной часѣ, среди мечей,
 огней,
 Онъ проповѣдуетъ о славѣ лишь пвоей! —
 Духъ сильный доблесшей, духъ кропкій, луче-
 зарный,
 Любви небесной духъ, чрезъ десять ужъ вѣковъ,
 Наслѣдство общее для всѣхъ пвоихъ сыновъ!
 Онъ съ нашей славою мужалъ и укрѣплялся;
 Какъ фениксъ въ пепелъ, онъ въ бѣдспвахъ
 возраждался!
 Благословеніе навѣкъ пвоимъ Царямъ! —
 Доброша и любовь — плоды свяпыхъ законовъ!
 Благопворительность опъ свѣпныхъ Царскихъ
 троновъ
 Идетъ, — и все себѣ преобращаетъ въ храмъ.
 Царь добрый добрыхъ слугъ повсюду обрѣтаетъ,
 Какъ живопворное свѣпило въ небесахъ,
 Возшедъ, на всей себя природѣ изражаетъ:
 Такъ Онъ все движешъ вкругъ, и свѣпится въ
 сердцахъ!
 Его примѣръ — законъ, на дскѣ неизложенный,
 Который не гремишъ, и пѣмъ сильнѣй гро-
 мовъ;
 Его глаголъ — органъ Всевышняго священный,
 Которымъ зиждется гармонія мировъ! —
 МОНАРХЪ! — безсмертнаго Царя изображенъе!
 Тебѣ приносимъ мы, Тебѣ благодаренъе

За благодѣтелей, защитниковъ своихъ!
Въ Тебѣ сіяетъ Богъ, а Ты сіяешь въ нихъ!
И гдѣ, и въ чемъ для насъ обрящущся препоны?
Вѣщай, — и новые Говарды, Вашингтоны, —
Еще Демидовы прославятъ Россійскій край,
И міръ преобразятъ въ блаженный, горній рай!

А Ты, явившій намъ Россіянъ древнихъ
нравы,
Споспѣшникъ Царскаго желанья, веселись!
Полѣвка дней Твоихъ — россадникъ вѣчной
славы!
Стань въ западѣ своемъ, и духомъ обратишь
На поприще Твое! — Кому подумать можно,
Чтобъ счастіюлюбивъ жилъ счастливѣе Тебя?
Клю радости свои, свое безсмертье ложно,
Вмѣстилъ въ холодну спѣсь, — дышалъ ли для
себя? —
Великость Твоего безсмертнаго предмета,
Уничтожила всѣ величья пышны свѣта!
Ты человѣчество, душою обнималъ,
Любовію къ нему блаженствовалъ, пылалъ! —
Роскошество утѣхъ, для сердца умерщвленье;
Въ раздѣлѣ нашихъ благъ прямое наслажденье!
Для добродѣтели всѣ почести людей,
Одежда брэнная, котору премѣняешь
Обычай и случай по рѣзвости своей!
Пускай вселенная Твой подвигъ прославляетъ,
Пусть памятникъ Тебѣ Россія сотворитъ,
Пусть Музы соплещутъ Тебѣ хвалы неслѣбны!
Что сдѣлаешь онъ? — исполнитъ долгъ свя-
щенный;
Но могутъ ли Тебѣ сіянья приложитъ?
Мы ищемъ, мы хотимъ съ ничтожной по-
хвалою,
Не украшать Тебя, украситься Тобою!

Но Ты не пребуешь опъ міра ничего:
Твой даръ унизилабъ наградою его!
Жизнь наша мрачная, пернистая дорога;
Не забъеь конецъ ея, но предъ престоломъ Бога!
Я слышу голосъ Твой: — когда сіи цвѣтны,
Политые моею усердною рукою,
Достойны принесуть и зрѣлые плоды:
Тогда, тогда себи усердно успокою!
Тогда мой духъ, носясь среди моихъ дѣшей,
Почувствуешь, что *жилъ* онъ въ скорбной
жизни сей!

Надѣйся, торжествуй душа благолюбива!
Ты сбѣшь не на тернѣ, но въ нѣжныя сердца!
Богашу жатву дастъ Твоя богаша нива.
Ты, вмѣсто пышнаго *гражданскаго вѣнца* (*),
Примешь матерей, опцовъ благословенья!
Ты, вмѣсто слабаго отъ чадъ благодаренья,
Услышишь сладкій гласъ Отчества къ себѣ:
Онъ полезны маѣ, Твоихъ щедротъ достойны;
Заслуги ихъ, труды — хвала и честь тебѣ! —
Тогда при звукѣ лиръ, гораздо болѣ строй-
ныхъ,
Шумъ славы Твоея, пройдя временъ округъ,
Сольется вѣчности въ долинахъ расширенныхъ
Со славою Царя, со славою дней блаженныхъ,
Россіи съ торжествомъ, съ безсмертіемъ наукъ!

Мрзливъ.

(*) Какіе давали обыкновенно въ древности за мирныя добродѣтели.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА , НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

*Отрывокъ о пользѣ и удовольствіи,
изящными художествами доста-
вляемыхъ душѣ посредствомъ чув-
ства зрѣнія.*

Чувства наши, равно какъ и душевныя способности, имѣющія нужду въ обученіи, безъ котораго тщетны были бы для нихъ благіе дары щедрой Природы. Музыка мало прогаешъ людей, коихъ ухо непривыкло различать звуковъ гармоніи. Яства лакомыя и опборнѣйшія почти совсѣмъ неприятны для человека, приобыкшаго насыщаться грубою пищею. Истинную цѣну дорогихъ ароматовъ знаешъ только тотъ, кто напередъ приучилъ къ нимъ свое обоняніе. Руки спяжеюю работою изможденныя и мозолистою кожею покрытыя нечувствуютъ нѣжной мягкости бархата. Нельзя ли по той же самой причинѣ сказать, что у людей незнакомыхъ съ рисовальнымъ искусствомъ глаза покрыты какъ бы завѣсою ?

Чувство зрѣнія имѣетъ великія преимуществва передъ другими: доставляемые имъ наслажденія не вредятъ здоровью; онѣ неподвержены вліянію возраста, недуговъ и даже переменамъ форшуны. Для него спрaшны только слѣпоша и шемничное заключеніе.

Рисованье въ отношеніи ко зрѣнію есть то же, что математика къ способности мыслишь: какъ сія приводитъ въ порядокъ идеи, такъ рисованье служитъ надежнымъ руководителемъ взору. Оно учитъ вдругъ узнавать распояніе, и помогаетъ напечатлѣваться въ памяти нашей шѣмъ предметамъ, на которыхъ мы смопрѣли со вниманіемъ. Его названье можно Логикою глаза. Кто зрѣнія своего не усовершенствовалъ наукою рисованья, тотъ нѣкоторымъ образомъ походитъ на младенца, которой думаетъ, что всякую видимую имъ вещь можно достать руками. Упражненіе въ семъ искусствѣ не только приятно для людей всякаго званія, но даже почти необходимо. Гражданскій начальникъ бываетъ въ сосноянніи судить справедливо и основательно о положеніи мѣста, и видитъ такія обстоятельствова, которыхъ другой не примѣчаетъ. Военной чиновникъ не можетъ обойтись безъ рисованья: иногда успѣхъ сраженія, а часпо и самая жизнь, зависятъ

отъ правильности глазомбра. Сельскому домоводцу рисованье полезно при измбреніи полей, при расположеніи садовъ, при начертаніи плановъ. Пущешественникъ съ помощію сего искусства снимаетъ разные виды и предметы, и скучное время иногда сокращаетъ приятнымъ упражненіемъ. Наконецъ необходимо нужно рисованье прекрасному полу сколько для украшенія прудовъ своихъ, столько же и для невинной забавы.

Натура являеяся украшенною и, пакъ сказать, въ увеличенномъ видѣ шому, кто посвятилъ себя упражненіямъ въ изящныхъ художествахъ. Приятность пишины, ужасы непогоды, зеленѣющій лугъ, пестрый цвѣтникъ, дикая дубрава, грозные утесы, великолѣпное зданіе, печальныя развалины, самыя даже приборы сельской жижины — все имѣетъ одинакія права на его удивленіе. Никакая завѣса не скрываетъ отъ взоровъ его красотъ природы; онъ все постигаетъ, угадываетъ, обвемлетъ своимъ воображеніемъ; всѣ видимыя формы печатлѣются въ памяти его неизгладимыми чертами. Напротивъ того человекъ, незнакомый съ изящными художествами, идетъ мимо прекраснѣйшихъ, единственныхъ произведеній, не видя ихъ; онъ неимѣетъ понятія о наслажденіи, ими доставляемомъ.

Но сколь сладостное удовольствіе вкушаетъ человѣкъ, любящій изящныя художества и упражняющійся въ нихъ, сколь сладостное удовольствіе вкушаетъ онъ при созерцаніи художественныхъ произведеній! Посредствомъ ихъ чувствительная душа, какъ сказать, соединяется съ великими мужами, изображенными рѣзцемъ или кистію. Посредствомъ ихъ человѣкъ становится современникомъ древнихъ; а память, сохраняя впечатлѣнія, бережетъ для него удовольствія и на будущее время. Начертанный образъ опсуществующаго или умершаго друга уменьшаетъ печаль нашу, и мы посредствомъ живописи у самаго времени исторгаемъ его добычу.

Языкъ изящныхъ художествъ вразумителенъ всѣмъ народамъ. Безсмертныя шпигренія знаменитѣйшихъ писателей понятны не для всѣхъ жителей земнаго шара; напрошивъ того произведенія Рафаела, Микель-Аджела, Палладія всѣми народами чувствуются и даже оцѣняются по достоинству.

(Изъ *Esprit des Journ.*)

III. К Р И Т И К А.

Разборъ Оды: Богъ ,

Г-на Державина.

Лирическая Поезія есть *"излініе* *воспорженнаго сердца* (*). Сильное чувствіе раждаетъ и возвышаетъ ее. Человѣкъ, Природа, Вселенная, Богъ суть предметы высокой Оды. Сердце человѣческое сотворено чувствовать и восхищаться. Необозримое пространство небесъ , усѣянное безчисленными звѣздами, шумящія грозныя волны океана, быспрошекущія рѣки, дремлющія пустыни, покрытыя злыми класами нивы — словомъ Природа въ красотѣ и ужасахъ чью душу не наполнишь возвышенными чувствіями? Но если взоръ нашъ отъ красотъ творенія вознесется къ славу Зиждителя; если дѣйствія благопворной Природы откроютъ предъ очами нашими вѣчную благость Творческой премудрости: то чье сердце не воспламенится духомъ божественнаго испуленія? кто

(*) См. Разсужденіе о Лирической Поезіи Г. Р. Державина. — Б.

въ благоговѣнїи непреклоннѣ колѣна предѣ
Несозданнымъ? ипо въ излїянїи души сво-
ей не воскликнешѣ: *Велїй еси Гослоди!*
и чудна дѣла Твоя!

Сїи шворенїя, описывающїя высокїе и
освященные общимъ благоговѣнїемъ предме-
шы, болѣе прочихъ были всегда достпойны
славы и всеобщаго вниманїя въковъ и наро-
довъ. Греки толпились на площадяхъ и
циркахъ при пѣнїи безсмертныхъ рапсодїй
Омира, съ сердечнымъ чувствомъ внимали
схолїамъ пламеннаго Пиндара, и восхища-
лись высокостїю мыслей, оплїчавшихъ без-
смертннй Гимнъ славнаго Клеанѣа. Рим-
ляне благоговѣли передѣ виргилїями, Ови-
дїями и Горацїями. Самая Хриспїанская
вѣра, учредивъ въ публичныхъ богослуженї-
яхъ чшенїе шворенїй древнихъ Еврейскихъ
пѣснопѣвцевъ, что иное имѣла въ виду,
какъ не уваженїе народное къ симъ священ-
нымъ пѣснямъ, служащимъ опголоскомъ
сердечныхъ чувствїй каждаго, и обильнымъ
излїянїемъ сердца пламенѣющаго любовїю
къ Творцу - Благодѣтелю?

Новое Россїйское спїхошворство, воз-
никнувъ въ началѣ XVIII столѣтїя, по-
казало нѣкошорые неподражаемые образцы
въ родѣ высокой Лирической Поезїи. Не-
оспоримо, что Русскїе еще въ XII вѣвѣ имѣ-

ли образцовыя сочиненія, и наслаждались самою изящною поезію въ прекрасномъ переводѣ на Славянской языкѣ Священнаго писанія, какъ неподражаемаго образца высокаго стихотворства; — и времена Владиміра и Ярослава суть — благословенный разсвѣтъ Славянской словесности: но грозныя тучи помрачили небосклонъ Отечества нашего, и скрыли восхожденіе златозарнаго солнца. — Съ испребленіемъ чистаго Славянскаго нарѣчія испребился и чистый вкусъ къ изящнымъ твореніямъ. До начала XVIII столѣтія Русскіе приняли иноземное спосложеніе, совершенно несвойственное поезіи языка отечественнаго, унижали Славянской языкѣ неискуснымъ соединеніемъ его съ языкомъ Русскимъ, — и одни только уродливыя сочиненія (*) служили едва мерцавшею зарею возрожденія нашей словесности. — Но Ломоносовъ, — сей въ сѣверныхъ туманахъ возникшій Геній, который могли бы гордиться цвѣшущія долины благословенной Греціи — испребленіемъ

(*) Такова Комедія Навуходносоръ, написанная при Алексіѣ Михайловичѣ. См. Древнюю Вивлюфику, Часть 8. стр. 187 — 328, и нѣкоторыя другія сочиненія. — Само собою разумѣется, что творенія Полошскаго, Теофана и Канпемира изъ сего исключаются: ибо истинный даръ замѣняетъ вкусъ и чистоту языка. — Б.

въ Россіи должнаго вкуса, и искуснымъ соединеніемъ Славянскаго языка съ Русскимъ, открылъ богатый источникъ истинныхъ красотъ поэзіи, и бессмертными своими твореніями доказалъ силу и превосходство Лирическаго стихотворства. — Оды его: *Къ Тову, Вечернее и Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ, и переводъ нѣкоторыхъ псалмовъ* сіе доказываютъ. Послѣ Ломоносова многіе писали въ семъ родѣ: но всѣ сочиненія оплечаются какою-то неплодностію истиннаго дарованія, и скудностію *высокаго*, свойственнаго гимнамъ, прославляющимъ Божество.

Наконецъ явился Державинъ, и смѣлый умъ его, водимый небеснымъ вдохновеніемъ, начерталъ бессмертную хвалу непоспижимой славы Создателя. Вся пѣснь его ознаменована просвѣщеннымъ духомъ истинной философіи, силою мыслей, рѣдкимъ расположеніемъ частей, искусными паденіями, духомъ благоговѣнія, и наконецъ неподражаемымъ искусствомъ великаго Стихотворца. Разсматривая красоты бессмертнаго творенія усладительно для каждаго сердца. Ода *Богъ* занимаетъ умъ, плѣняетъ воображеніе, служитъ образцомъ высокаго стихотворства, и изображаетъ во всемъ возможномъ величїи Существо непоспижимое. Приступимъ къ самому началу.

Спихошворецъ прямо обращается къ Богу; душа его исполнена священнымъ благоговѣнїемъ; сердце пламенѣетъ любовію; духъ возносится къ престолу Безсмертнаго, — и лира его гремитъ :

О Ты пространствомъ безконечный,
Живый въ движеніи вещества,
Теченьемъ времени предвѣчный,
Безъ лицъ въ прехъ лицахъ Божества,
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ : Богъ !

Какая философїя ! какое истинное описаніе Божества ! Каждой стихъ въ сей строфѣ содержитъ въ себѣ столько избытка и богатства, что можетъ служить содержаніемъ для цѣлыхъ сочиненій.

... пространствомъ безконечный,
Живый въ движеніи вещества.

Всѣ извѣстныя системы древности были согласны съ сею истинною. Богъ, училъ Пифагоръ, *есть тонкая матерія, эфиръ, числѣннѣйшій огонь всюду разлитый и все приводящій въ движеніе ; следовательно душа вселенной.* Самая Христіанская вѣра являетъ духъ Божій наполняющимъ собою необозримое пространство все-

ленной. Повесть Бога можетъ быть имѣть здѣсь въ виду сіе мѣсто вѣщаннаго Пророка, живо описавшаго безсмертное свойство Вездѣсущаго: „Камо пойду опъ духа Твоего и опъ лица Твоего камо бѣжу? Аще възду на небо, тамо еси; аще возьму криль мой рано, и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо руна Твоя накажетъ мя, и удержитъ десница Твоя. Богъ нашъ на небеси и на земли (*).“

Теченьемъ времени предвѣчный.

Здѣсь Поешь переноситъ время за предѣлы мірозданія. Онъ хочетъ, чшобы оно не исчезло, но всегда бы осшалось присутственнымъ вѣчной славы Зиждителя.

Безъ лицъ въ прехъ лицахъ божества,
Духъ всюду сущій и единый и пр.

Такъ! одинъ Богъ можетъ имѣть шъ свойства, съ какими олицетворила его неподражаемая кисть безсмертнаго Стихотворца. Посмотримъ далѣе, какимъ образомъ Поешь начинаетъ бесѣду свою съ Невидимымъ:

Измѣритъ океанъ глубокий,
Сочесъ пески, лучи планетъ,
Хотя и мигъ бы умъ высокій,
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ.

Все то, что человѣческія знанія и мудрость ни содержатъ въ себѣ удивитель-

(*) Псалом. 138, ст. 7—10.

наго, есть ничто въ сравненіи со славою
 Сиждипеля. Подобно Икару, дерзнувшему
 спремиться къ солнцу, мысли человѣче-
 скія спремятся къ созерцанію славы Твор-
 ческой, и теряются въ неизмѣримости
 безчисленныхъ совершенствъ и непоспи-
 жимыхъ свойствъ Его. Юнгъ сказалъ: *Ес-
 либъ мы были способны постигнуть
 Бога: то Богъ не былъ бы Богомъ, или
 бы мы небыли человѣки.*

Не могутъ души просвѣщенны
 Отъ свѣта Твоего рожденны
 Исслѣдовашь судьбы Твоихъ.
 Лишь мысль къ Тебѣ взнесшись дерзаетъ,
 Въ Твоемъ величьи исчезаетъ
 Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

- Какое разительное уподобленіе! подоб-
 но мигу, исчезнувшему въ Океанъ вѣчности,
 мысль человѣческая, дерзнувшая спремить-
 ся къ Божеству, исчезаетъ въ Его вели-
 чіи. Спихопрорецъ имѣлъ сильную причи-
 ну сзавать сіе. Лѣпописи мѣробышія пред-
 ставляли ему сію истину. Умъ человѣче-
 скій безсиленъ, даже ничтоженъ въ срав-
 неніи съ Богомъ. Свѣтъ видѣлъ губельныя
 слѣдствія пѣхъ поннихъ умозрѣній, ка-
 кими блистали дарованія нѣкопрыхъ фи-
 лософовъ іѵ сполнпнѣ, спремившихся по-
 дорвать все священное, и на развалинахъ
 вѣры соорудить храмы буйству и нечестію.

Съ печеніемъ времени системы сіи разрушились, умозрѣнія исчезли; но въра въ Звидишеля всегда будетъ сіянь подобно благопворному свѣпильнику въ мракъ сей бренной жизни, всегда будетъ утѣшать людей, — и шворишь ихъ счастливыми.

Хаоса бытность довременну
Изъ безднѣ ны вѣчности воззвалъ,
А вѣчность прежде вѣкъ рожденну
Въ себѣ самомъ Ты основалъ.

Какая поезія! Духъ бытія на крылахъ своихъ вылеташь изъ безднѣ вѣчности. Но Богъ есть творецъ, а не художникъ. Твореніе Его Ему собсвенно принадлеишь. Не было сущности, не было рѣзца, который бы способнивалъ изваяшь Ему во всемъ великолѣпнѣи величешвенный храмъ природы. Онъ воззвалъ изъ вѣчности довременную бытность хаоса; но и самая вѣчность основана въ Немъ самомъ.

Себя собою соспавляя,
Собою изъ себя сіяя,
Ты свѣпль, откуда свѣпль истекъ
Создавый все единымъ словомъ,
Въ швореннѣ проспираясь новымъ,
Ты ешь, Ты былъ, Ты будешь въ вѣкъ.

Пѣснопѣвецъ ничѣмъ неограничиваетъ всемогущаго Творческаго промысла. Ни мнрїнды вѣковъ, ни безпредѣльными пространства швореннѣи не опредѣляютъ Его вели-

чїя. Можетъ бытъ шмы солнцевъ освѣща-
ли миллионы атмосферъ ; можетъ бытъ по-
добные мїры нацпились надъ главами ис-
чезнувшихъ поколѣній и временъ скрыв-
шихся въ бездну вѣчности ; можетъ
бытъ Творческая десница, разрушивъ огром-
ное зданіе сего мїра, въ будущемъ изве-
детъ многія вселенныя, возжетъ новыя
солнца, произведетъ безчисленныя шва-
ри, — и снова мрачныя бездны хаоса пре-
мѣнятся въ великолѣпное швореніе Боже-
ской премудрости, и снова раздадутся со-
гласные гимны, повѣдающіе славу Великаго.

Ты цѣль существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь,
Конецъ съ началомъ сопрягаешь,
И смертію животъ даришь.

Вся природа представляетъ намъ сію
истину, что все смертію спремится къ
жизни. Въ царствѣ творенія все дѣй-
ствуетъ — бездѣйствіемъ, оживляется —
сномъ, украшается — безобразіемъ, жи-
ветъ — смертію. Настоящія дѣйствїя
естественнаго мїра суть картина будуща-
го состоянія нравственнаго. — *Смерть и
гробъ, говоритъ Юнгъ, есть толь мра-
чный переходъ, сладкій сонъ, который
возсталяя утомленныя силы наши
пробудитъ насъ для новой бессмерт-
ной жизни.* Сїя философія присудна всѣмъ

вѣкамъ. Апостолъ Павелъ такъ говоритъ о безсмертіи: „Но речешъ кто, како возстанушъ мертвіи, коимъ же шлому придушъ? безумне! ты еже свещи не оживешъ, аще неумрешъ. Такожде и воскресеніе мертвыхъ. Свещися въ шлвнїи, восплаешъ въ нешлвнїи; свещися не въ чешь, восплаешъ въ славу; свещися шло душевное, восплаешъ шло духовное (*).“ Клеанѳъ, сей только прославленный въ древности умъ, пошъ самое разумешъ, сказавъ: *Тобою смѣшеніе образуеть порядокъ; Тобою стихїи сражаясь, соединяются.* Юнгъ, Аддисонъ, Клопшторъ и Гердеръ, словомъ, всѣ извѣстные въ обласняхъ высокой поэзіи и краснорѣчїя мужи, заимспировали мысль сію, и украсили ее всѣми цвѣтами, приличными роду ихъ сочиненїй, собственному духу и философїи каждаго. —

Возвратимся къ златой арфѣ нашего Поета:

Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ тебя родятся.

Какъ въ ясной день когда зимой

„ Пылилки инея сверкають,

Врачяются, зыблются, сіяють:

Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

Восточныя сравненїя! Представите себѣ милліоны искръ, сыплющихся изъ жерла и

(*) 1. Посланіе къ Коринѳянамъ. Гл. 15. ст.

блистающихъ среди мрачной ночи: еше солнца, разсыпанныя рукою великаго Самодержца природы! Вообразите себѣ въ мразной день зимы, когда вождь свѣтилъ небесныхъ блистательнымъ лучемъ своимъ рассыпаетъ мирїады брилліаншовъ по равнинамъ, блсю одеждою снѣговъ покровеннымъ: еше звѣзды въ тысячу разъ величиною своею превосходящїя обитаемую нами землю и блистающїя въ безднахъ подъ шрономъ Великаго! — Какая картина!

Свѣтилъ возженныхъ миллионы
 Въ неизмѣримости пекушъ,
 Твои они шворяшъ законы,
 Лучи животворящи льющъ;
 Но огненны сїи лампы,
 Иль рдяныхъ кристалей громады,
 Иль волнъ злыхъ кипящїй сонмъ,
 Или горящїе эфиры,
 Иль вкупѣ всѣ свѣтлаци мїры
 Передъ Тобой, какъ ночь предъ джемъ.

Безсмертныя выраженїя! Спихотворецъ въ духѣ истиннаго величїя своего искуссва изображаетъ величїе Бога. Постепенное усиленїе важности предметовъ превышаетъ наше понятїе и придаетъ величайшую силу сему мѣсту. — Вообразимъ необъятную неизмѣримость вселенныя, и шмы свѣтлацихъ шблв, плавающихъ въ обширномъ океанѣ шворенїя. Мысль высокая! Но духъ Поеши ея не довольствуется; онъ предста-

влетѣтъ горящія въ ночномъ мракѣ свѣтло-
зарныя лампы, воображаетъ безпредѣль-
ное пространство, злыми волнами кипя-
щее, изображаетъ вѣчнымъ огнемъ пылаю-
щія эфиры, выводитъ миріады тысячъ бли-
стающихъ въ кругъ вселенныя, и нако-
нецъ обращаясь къ Звѣздичеселю говоритъ,
что все сіе передъ Нимъ, *какъ ночь предъ
днемъ*. — Мы въ испущеніи; духъ нашъ
пылаетъ благоговѣніемъ ко славъ Создате-
ля; мы проливаемъ радостныя слезы: и
дира Поэта благословенна!

Какъ капля въ море опущенна
Вся шверда передъ Тобой сія!

Спиховорець продолжаетъ сравненіе.

Вся шверда сія, все пространство, заклю-
чающее въ себѣ тысячъ міровъ, освѣщаемыхъ
милліонами солнцевъ, есть *капля опу-
щенная въ море*. — Здѣсь непримѣнно
вспомнишь о высокомъ выраженіи вѣщано-
снаго Пророка: „Яко тысяща лѣтъ предъ
очима твоима, Господи, яко день вчерашній,
иже мимо иде (*).“ Ломоносовъ подобно сему
представляетъ *горящій вѣчно Океанъ*, и
говоритъ:

Тамъ огненны валы стремятся,
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны кружатся,
Борющись множествомъ вѣковъ,

(*) Цсал. 89. ст. 5.

Тамъ камни какъ вода кипятъ ,
 Горячи намъ дожди шумящъ —
 Ся ужасная громада ,
 Какъ искра предъ Тобой одна.

Слава Россійскому Пиндару! — Но скажемъ, что сіе мѣсто нашего Пѣвца пѣмъ возвышеннѣе, чѣмъ слѣдствіе изъ онаго выведенное паразитическѣе. Изображая величїе Безсмертнаго, онъ истощилъ уже всѣ краски неподражаемой своей кисти, представилъ Бога во всемъ величїи, въ какомъ только человѣкъ можетъ Его представить. Какое же слѣдствіе? Онъ ужасается самъ вѣчной Его силы и величїя. Если солнцы подобїе искръ сыплются отъ пламеннаго Его престола; если огромныя небесныя шѣла, подобно инею крутящемуся надъ снѣгами, вращаясь, зыблются и блистаютъ въ безднахъ подъ прономъ Звѣздичели; если всѣ безчисленныя сферы, содержащія въ кругахъ своихъ тмы темъ вселенныхъ, подобныхъ нашей — естъ предъ Нимъ, какъ *ночь предъ днемъ*, естъ *малая капля олушечная въ море*: то послѣ сего Стихотворецъ спрашиваетъ:

Но что мной зрямая вселенна,
 И что передъ Тобою я?

Здѣсь надобно замѣтить искусный переходъ отъ воспѣваемаго предмета къ себѣ самому, отъ безпредѣльнаго величїя къ послѣдней малости, отъ безсмертной силы

и крѣпости къ крайней слабости и нищету, отъ лучезарнаго свѣта къ темному мраку, словомъ отъ Творца къ пвари. Какимъ же образомъ Поешь начинаешь сравненіе?

Въ воздушномъ Океанѣ ономъ
 Міры умножа милліономъ
 Стократъ другихъ міровъ, и то,
 Какъ ежели сравнишь съ Тобою,
 Лишь будетъ почкою одною,
 А я передъ Тобой — ничто. —

Спихопворецъ, желая сильнѣе изобразить величіе Бога, дѣлается Евклидомъ. Онъ множитъ неисчетное множество міровъ новыми милліонами, и все шмочисленное произведеніе сихъ въ небесномъ пространствѣ главающихъ громадъ называетъ одною почкою предъ взоромъ Зиждителя. Чпожь будетъ человекъ? Малѣйшая пылинка, послѣдняя почка въ кругѣ безчисленныхъ тѣлъ, движущихся около солнца. . .

Нашъ російской Есхиль подобно сему изображаетъ величіе вселенной, — и отъ него переходитъ къ величію Бога:

Я свѣтъ на всѣтъ постановляю,
 И милліоны предъвляю
 Ихъ смутной мысли я своей:
 Толякожь ихъ взношу надъ оный,
 И паки, паки милліоны:
 Пещинка то вселенной всей. —
 Твоя премудрость совершенна, и пр.

Очень видно чрезмѣрное различіе кисти прекраснаго Трагика, рожденнаго для ужасовъ кошмара, оиъ кисти безсмертнаго Лирика, коего удѣлъ есть представлять все великое, спраспное, пламенное, — и Державинъ, изобразивъ Бога, достоинъ лавровъ Калліопы столько же, сколько Сумароковъ, выведши на шеатръ Синава и Семиру, достоинъ вѣнца Мельпомены.

Мы видѣли, до какой степени Пѣснопѣвецъ унизилъ челоука въ сравненіи его съ величіемъ безпредѣльнаго пространства вселенной. Посмотримъ, какимъ образомъ искусство его возвысилъ челоука до имени первѣйшаго на земли творенія — до образа Божества. Стихотворецъ, кажешся, сомнѣваешся, сказавъ: *ничто*, Пойдемъ за нимъ далѣе:

Ничто! — Но Ты во мнѣ оіаещь
Величествомъ своихъ добротъ,
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.

Замѣшимъ здѣсь искуснѣйшій переходъ къ противоположному, составляющей полную противоположность въ твореніяхъ Лирическихъ. Унизилъ вещь до невѣроятности, и возвысилъ ее до неимоуверной степени величія, произвела въ умахъ столько удивительную черембу, увлечъ за собою сердца всѣхъ,

заставитъ вѣришь обоимъ прошивностямъ —
есть шоржество безсмертнаго Лирика.

Какимъ же образомъ волшебное перо
Поэта производитъ столь удивительную
перемену? —

Во первыхъ, онъ представляетъ свойства
Творческiя сiяющими въ образѣ человека
наподобiе солнечныхъ лучей, отражающихся
въ водной каплѣ. — Прекрасное сравненiе!
Всѣ школы древности, начиная отъ Моисея,
Аристотеля, Платона, Пифагора и Платона,
до Златоуста, Босхюста, Боннеста,
Локка и Невтона согласны съ сею исти-
ною; ибо превосходство и величiе человека
очевидно и самому непросвѣщенному уму;
но разсмотрѣвъ его способности окомъ
просвѣщеннымъ и наблюдательнымъ, не лзя
не признаться, что духъ Божiй наподобiе
солнца, отражающагося въ малой каплѣ
водѣ, видѣнъ въ свойствахъ первѣйшаго на
земли творенiя, которое исчезая въ прахъ,
паритъ умомъ своимъ за отдаленныя сфе-
ры, открываетъ непроницаемую завѣсу
природы, и въ тайнахъ творенiя чинитъ
всемогущество и премудрость Еговы.

Далѣе Стихотворецъ съ нѣкоторымъ
изумленiемъ повторяетъ опять: *ничто!*
и говоритъ:

... Но жизнь я ощущаю,
 Несытымъ нѣкакимъ лешаю
 Всегда пареньемъ въ высоты,
 Тебя душа моя быть чаесть,
 Вникаесть, мыслишь, разсуждаесть:
 Я есмь! — конечно есь и Ты. —

Вообразимъ себѣ всѣ роды земныхъ
 шварей. Всѣ ихъ предпріянія и надежды
 ограничиваются настоящею жизнiю. —
 Врожденное побужденiе управляетъ ихъ
 спезями; одна грубая чувствительность ихъ
 занимаетъ. Но человекъ, вопреки Декартамъ,
 Гельвеціямъ, Ламбертамъ и Кондорседамъ,
 совершенно забывшимъ о бессмертныхъ его
 свойствахъ, есть существо возносящееся
 выше сферы, его заключающей. Онъ не есть
 житель сей мрачной долины, опредѣляемой
 съ одной стороны небытiемъ, а съ другой
 смертiю. Духъ его паритъ горь; всѣ блага
 жизни недовольны остановишь сего паренiя;
 у вратъ храма вѣчности, въ странѣ
 бессмертiя прекращается пламенное
 стремленiе человека. Такъ! повторимъ съ
 Пешомъ: бытiе и превосходство человека
 очевидно доказываютъ бытiе и совершенство
 Бога.

Стихотворецъ далѣе обращается къ
 воспѣваемому Предмету:

Ты есь, природы чинъ вѣщаетъ,
 Гласишь мое мнѣ сердце то,

Меня мой разумъ увбряетъ,
Ты есь, — и я ужь не ничто. —

Поетъ достигъ своей цбля; онъ хотблъ бытїемъ Бога доказатьъ величїе и превосходство челоука. И подлинно, какой безумецъ осмблится пропивоуричь сей очевиднбйшей, величайшей и священнбйшей истинб, сб коуорю соединенб счастье всего челоучества, безъ коуорей нбтъ добродбтели, нбтъ общества, нбтъ челоука. Моженъ быть существующб нбкопоруе изверги, коуорыхъ языкъ а не сердце опвергаетъ сїю истину. Нбтъ! я не вбрю симъ безумцамъ! Можно ли, взирая на цвбтущую природу, на дбятельныя силы творенїя, на знаки вбчной премудрости, опвергать руу движущую бытїемъ шварей? Атеисты мудрствуютъ всегда сб закрытыми глазами; ибо не лзя быть атеистомъ, взирая на природу. Шатобрианъ говоритъ: „Мнб часто удавалось слышать споры ученыхъ о Существо вбрномъ, и я не понималъ ихъ. . . Но каждой разъ могъ замбшить, что сїе Существо непоспимое очевидно опкрываетъ себя челоуческому сердцу вб великихъ явленїяхъ природы. — Творецъ! — на водахъ морскихъ безднб и на высотб небесъ напечатлбны знаки Твоего всемоущества!“

Ивнецъ Бога такимъ образомъ Творческимъ бытiемъ доказавъ бытiе человека, начинаетъ описывать себя самого:

Частица цѣлой я вселенной,
 Поспавленъ, мнился мнѣ, въ почтенной
 Срединѣ естества я той,
 Гдѣ кончалъ шварей Ты шблесныхъ,
 Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ,
 И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.

Здѣсь Писнопвецъ цѣлитъ на известное опредѣленiе человека философами среднихъ вѣковъ: *nexus utriusque mundi*. Аддисонъ въ своемъ Зрителѣ подтверждаетъ по жб самое: „Человекъ, говоритъ онъ, занимаетъ среднее мѣсто между естествою и духовною природою, между видимымъ и невидимымъ мiромъ, и соснавляетъ по звѣно въ цѣпи существъ, которое въ нѣкоптомъ смыслѣ подобно числѣншмъ духамъ, славящимъ Безплошнаго, которое дерзаетъ называться безконечное Существо опцемъ; въ другомъ смыслѣ человекъ можетъ сназаться сѣ Ювомъ плѣнiю: *Ты мой отецъ!* и червю: *Ты моя мать* (*). Нашъ Спихотворецъ сiе самое ужасное различiе выразилъ далѣе въ семъ описанiи разительными красками презiи. Онъ продолжаетъ:

(*) Ювѣ Гл. 7. ст. 14. Смерть назвахъ отца моего быши; — матерь же и сестру ми гной.

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
 Я крайня степень вещества,
 Я средопочіе живущихъ.
 Черта начальна Божества,
 Я тѣломъ въ прахъ исплѣваю,
 Умомъ громамъ повелѣваю,
 Я Царь — я рабъ — я червь, я Богъ.

Чья лира умѣла играть споль смѣло
 высочайшими понятіями? чья арфа со-
 вмѣстила въ звукахъ своихъ и прелестнѣй-
 шіе цвѣты поэзіи и всю важность истин-
 ной философіи? — Какая ужасная проти-
 воположность! какое искусство въ изобра-
 женіи! — Справедливо говорятъ, что сіе
 описаніе нашимъ Пѣснопѣвцемъ почерпнуто
 изъ описанія пѣвца Британіи въ мракѣ
 ноци, при священномъ безмолвіи природы
 бесѣдовавшаго съ Богомъ, вѣчностію и без-
 смертіемъ. Но Россійская Муза превзошла
 Британскую пою удивительною красо-
 стію, смѣлою разительностію, неподра-
 жаемою гармонією и избраннымъ прево-
 сходствомъ выраженій, какимъ мы спра-
 ведливо удивляемся. — Сіе мѣсто сполько
 всѣмъ извѣстно, что говорить о немъ бо-
 лѣе не нужно.

Поетъ далѣе удивляется самому себѣ:

Но будучи я споль чудесенъ
 Откуда произошелъ — безвѣстенъ,
 А самъ собой я бышь не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
 Твоей премудрости я пварь,
 Источникъ жизни, благъ Податель!
 Душа души моей и Царь!
 Твоей-то правдѣ нужно было,
 Чпобѣ смертну бездну преходило
 Мое безсмертно бытіе,
 Чпобѣ духъ мой въ плѣнность облачился,
 И чпобѣ чрезъ смерть я возвратился,
 Опецъ! въ безсмертіе Твое.

Утѣшительная истина! Пусть пла-
 менникомъ невбрія пушеводимый ропщеть
 на минувныя бѣдствія и дерзаетъ пори-
 цать бранными успами вѣчныя совѣщя не-
 бесной премудрости; но духъ руководимый
 свѣтомъ вѣры при лучезарномъ ея сіяніи
 видитъ въ семъ мрачномъ переходѣ отъ
 небытія ко гробу одну скоропреходящую
 тѣнь трудностей, твердо увѣренъ, что
 гробъ, столь ужасный для сердца дышущаго
 разврапомъ, для него будетъ пріятною
 гостинницею успокоенія, что мракъ моги-
 лы скоро разсѣется тихимъ разсвѣтомъ
 благословенной зари, предвозвѣщающей луче-
 зарное солнце вѣчнаго дня.

Наконецъ Поешь заключаетъ свое пѣ-
 снопѣніе оборопомъ, достойнымъ истиннаго
 любимца Калліопы и воскресителя Лири-
 ческой Поезїи:

Неизвясимый, непоспижный!
 Я знаю, что души моей

Воображенія безсильны
 И шѣни начерпашь Твоей;
 Но если славословишь должно,
 То слабымъ смертнымъ невозможно
 Тебя ничѣмъ инымъ почтешь,
 Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаешься,
 Въ безмѣрной разности теряешься,
 И благодарны слезы лишь.

Спихотворецъ кладешь кисель свою.
 Мы въ изсупленіи; — слезы льюпся изъ
 глазъ нашихъ, — и безсмертное искусство
 Поеша торжествуютъ.

Такъ! признаемся, что геній Державина единственъ, неподражаемъ, безсмертенъ. Если духъ его не всегда можетъ выдерживать паренія, какимъ мы удивляемся въ Пиндаръ и Ломоносовъ; по онъ вознаградилъ сѣ едва ли не большею выгодною. Намъ мало занимающъ баснословныя происшествія Грековъ, славныя Олимпійскія игры, быспропекущія Елидскія колесницы, хвала героевъ многими тысящелѣтіями отъ насъ отдѣленныхъ, словомъ предметы мало дѣйствующіе на наше сердце, на которые Греческой Пѣснопѣвецъ набросалъ шолоко дышущихъ ароматами цвѣтовъ. Намъ мало прогающъ высокія и можетъ быть слишкомъ украшенныя деспію похвалы Повелительницъ милліоновъ, которая конечно навсегда пребудетъ въ памяти сыновъ Опечесыва; но похвалы сїи не всѣ достойны вы-

сокой лиры Поэта, — и представляють одну только спорону несравненнаго искусства, которымъ Ломоносовъ умѣлъ столько блеснуть, — и блескъ лучей своихъ продлилъ до опдаленнаго потомства. Пѣвецъ Елисаветы великъ, безсмертенъ; но лира его, посвященная единственно хвалѣ и славѣ одного человека, менѣе прогаешь насъ, нежели изображеніе пѣхъ предметовъ, кои имѣють на насъ дѣйствіе, и можетъ быть будущъ имѣть вліяніе столько же важное и на потомковъ нашихъ. Сіи предметы одни достойны неподражаемаго рѣзца бесмертнаго искусства; и они-то подъ кистію Генія блистають въ вѣкахъ и прогають собою чувствительность и добродѣтель. — Всѣ почти шворенія Державина носятъ на себѣ сей отпечатокъ. — Оды его: *къ Богу, къ Фелицѣ, на Коварство, на Вельможу, на Побѣды Россійскаго Аннибала, на Безсмертіе, на Водоладь, къ Ангелоподобной Плѣнницѣ*, доколѣ искусства будущъ находятъ обитель въ обширномъ зданіи міра, доколѣ добродѣтель не истребится на земномъ шарѣ, доколѣ пламенникъ злобной Тизифоны не превратитъ въ пепелъ всѣхъ памятникъ челоѣческой мудрости — доколѣ будущъ блистать и прогать собою души чувствительныя, доколѣ будущъ незабвенны и въ храмѣ Отечества и въ кущѣ родимой. —

Кто духъ Горация съ Пиндаромъ сѣди-
нилъ,
Къ Лирическимъ красамъ пушь новый намъ от-
крылъ,
Кто подвиги гремѣлъ безсмертныя Фелицы,
Кто гласомъ Аонидъ Героевъ Росскихъ пѣлъ:
Тотъ соорудилъ себѣ вѣчный памятникъ.
Яковъ Беретниковъ.

С. Петербургъ.

Прибавленіе къ Разговорамъ о словесности.

(О к о н ч а н і е .)

Съ 34 й страницы Прибавленія къ Разговорамъ до 50 й рѣчь идетъ объ *извѣстїи*, которое, по мнѣнію господина Сочинителя, должно быть употребляемо въ Русскомъ языкѣ вмѣсто слова *фигура*. Въ замѣчаніяхъ моихъ на Разговоры о словесности сказано (*), что въ Библии подъ словомъ *извѣстїе* (*εροφη*) разумѣтся *смысль сокровенный* (въ притчахъ), но что Латинское слово *фигура* есть точный переводъ съ Греческаго *σχημα* и значить *видъ, образъ*. Всякой легко усмотрѣть можетъ, что понятїе, въ первомъ словѣ заключающееся, есть совершенно отличное отъ по-

(*) Вѣстн. Евр. 1811, No 13 стр. 44, 45.

няпїя другаго слова. Для чего же должны мы опвергнушь послѣднее и приняшь первое? Для того, по мнѣнію господина Сочинителя, что и *фигура* есть шакже „нѣкошорое опѣ прямаго смысла уклоненїе, нѣкошорая въ словахъ хитросць, кудрявосць, украшенїе.“ Опредѣля значенїе сихъ словъ, должно смотрѣть болѣе на разносць ихъ нежели на сходство. Положимъ, что какъ *извитїе* (сокровенный смыслъ) шакъ и *фигура* суть украшенїе; но всякая ли *фигура* есть *уклоненїе отъ прямаго смысла*? Принадлежатъ ли сюда *волрошенїе, восклицанїе, восхожденїе, обращенїе*? Правилами логики пребуется, чшобы въ опредѣленїи рода (*genus*) заключались опличительныя качества *всѣхъ* видовъ (*species*). Вотъ первое неудобство, запрещающее намъ употреблять вмѣсто *фигуры* слово *извитїе*, хотя бы мы и рѣшились приняшь шо опредѣленїе, которое дано ему господиномъ Сочинителемъ. Посмотримъ на другїя доказательства.

„И какой же другой въ припчяхъ сокровенной смыслъ бышь можешъ, какъ не шотъ, которой мы называемъ *аллегорическимъ, фигуральнымъ*?“ Въ припчяхъ называется *аллегорическимъ* не смыслъ, въ нихъ сокрывающїйся, но самая рѣчь или выраженїя, подъ которыми под-

линый смыслъ шайся ; сверхъ того не всякая фигура есть аллегорія (положимъ на часъ, будто аллегорія не *троль*, а фигура), и опъ вида къ роду заключеніе не слѣдуетъ.

„Латинское слово *figura* (какъ и многія другія) не одно исключительное понятіе изъясляетъ, но многія жопя и смежныя между собою, однакожъ разныя.“ Такъ ; но слово *извиліе*, употребленное Славенскими переводчиками Библии въ мешафорическомъ значеніи, и въ шакомъ же смыслѣ употребляемое господиномъ Сочинителемъ Разговоровъ, никакъ не подходитъ къ фигурѣ, шо есть *образу, виду*, и нигдѣ вмѣсто оной не поставлено. Одна мешафора другою необъясняется.

„*Figura* въ реторическомъ смыслѣ, говоритъ Квинтиліанъ, есть *искусство* по правиламъ краснорѣчія вещь иначе нежели престою и обыкновенною рѣчью изображать.“ Такъ опредѣляетъ фигуру не самъ Квинтиліанъ, но Нѣмецкій его переводчикъ, на котораго ссылается господинъ Сочинитель Прибавленія, за исключеніемъ только того, что въ Прибавленіи Нѣмецкое слово *die Art* принято за похожее на него Французское *l' Art*, и что по причинѣ сего маловажнаго недоразумѣнія

способъ превращенъ въ искусство. Квинтиллианъ опредѣляетъ фигуру такимъ образомъ: *Figura (sicut nomine ipso patet) est conformatio quaedam orationis remota a communi et primum se offerente ratione*, т. е. фигура, какъ и самое имя показываемъ, есть составленіе (внѣшнее образованіе) рѣчи, отличное отъ обыкновеннаго и потчасъ предъставляющагося способа изъясняться. Квинтиллианъ полкуетъ, по какой причинѣ сей *отличный составъ рѣчи* называется *фигурою* (т. е. видомъ, образомъ). Во первыхъ, какъ всѣ тѣла въ природѣ имѣютъ свой внѣшній видъ, которымъ отличается одно отъ другаго, такъ и всякая мысль словами выраженная имѣетъ потъ или другой видъ, ту или другую внѣшнюю форму; во вторыхъ, собственно *фигурою* (*schema*) называется въ смыслѣ или въ рѣчи нѣкопорая отмѣна отъ обыкновеннаго простаго выраженія. Мы сидимъ, лежимъ, оглядываемся, и тѣло наше перемѣняетъ свое положеніе, принимаетъ другой *видъ, образъ*; такъ и слова въ рѣчи. Цицеронъ иногда называетъ фигуру (*) *forma, conformatio* (т. е. внѣшній видъ, составъ), а иногда для выраженія сего понятія употребляетъ безъ перевода Греческое *σχημα* (**). Не смотря на все сіе

(*) Orator. II. 39.

(**) Brut. 17 et 37.

господину Сочинителю Прибавленія кажется полезнымъ, чтобы вмѣсто *фигуры*, заключающей въ себѣ понятіе *образа, вида*, принято было въ риторикѣ *извѣстіе*, которое совсѣмъ неозначаетъ ни вида, ни образа, которое употреблено въ Библии совершенно въ другомъ смыслѣ, и которое никогда и ни кѣмъ небыло включено въ реестръ словъ техническихъ.

„По сему слова Давыдовы: *посылай источники въ дебряхъ* (вмѣсто простой *рѣчи: томъ, которой свѣлалъ, что вода течеть по землѣ*), или слова Ломоносова: *берега Невы руками плещуть* (вмѣсто *всѣ въ Петербургѣ радуются*) сказаны по правиламъ краснорѣчія иначе, нежели какъ въ обыкновенныхъ разговорахъ говоришся. Дѣло идешь о фигурахъ; а господинъ Сочинитель приводитъ мнѣ въ примѣръ *тропы*, которые въ переводѣ двухъ спашей изъ Лагарпа, если не ошибаюсь, однажды навсегда уже названы *словоизвѣстіями*, для опмѣны отъ *извѣстій*. Никогда не должно смѣшивать понятій, и принимать одной вещи за другую.

Предложимъ другія доказательства господина Сочинителя. „Въ Трехъязычномъ словарѣ: *извѣстіе*, ἐξελυμος (*), evolutio.

(*) Можетъ быть ἐξελυμος; но это по видимому типографическая ошибка.

Извитіе словесъ айурма, ритма (*), *деума*, „*enigma, facundia, eloquentia*. Въ Академическомъ словарѣ: *извитіе словесъ*, вишійство, краснорѣчіе. Въ старинномъ Кушенинскомъ словарѣ: *извитіе*, хитрость; „*извитіе словесъ*, хитрость въ мовѣ.“ Примѣръ изъ Трехъязычнаго словаря ничего неговоритъ въ пользу *извитія*, какъ современнаго смысла; ибо *evolutio* и стоящее подлѣ него Греческое слово значитъ *развитіе, распространение*. Далѣе полкуются два соспавленные вмѣстѣ понятія, а не одно *извитіе*; припомъ же въ *вилійствѣ* и *краснорѣчїи* заключается смыслъ весьма обширный, вмѣщающій въ себѣ всѣ части риторики. Надлежало говорить о фигурѣ, а не вообще о краснорѣчїи.

„Но одинъ ли Сочинитель Разговоровъ говоритъ о вредѣ, наносимомъ языку принытїемъ въ него многихъ чужихъ словъ? „Многіе изъ нашихъ и чужестранныхъ

(*) Опять ошибки. Я не стану поправлять ихъ, а только приведу слова господина Сочинителя, которой въ Прибавленіи къ Разговорамъ на стран. 29 преподаетъ мнѣ слѣдующій урокъ: „безъ сомнѣнія это опечатка, недосмотрѣнная г. Издашелемъ; однакожь гдѣ выставляются слова другаго для оговариванія оныхъ, тамъ надобно смотрѣть прилѣжно, чтобъ небыло такихъ опечатокъ, которыя зачѣмъвають смыслъ.“

„весьма ученых мужей давно о томъ пи-
 „сали.“ Чужеспранныя слова, упопреляе-
 мыя безъ всякой надобности и единственно
 по незнаю своего собственнаго языка, ко-
 нечно весьма вредны. Ешо меня *фрало-
 вало*; я никогда не *манкирую* въ своемъ
 словъ: пакія и подобныя имъ выраженія
 безобразны языкъ и поршны; но къ числу
 ихъ совсѣмъ не принадлежатъ слова, приня-
 тыя нами вмѣстѣ съ науками и искус-
 ствами; сюда не принадлежатъ слова упо-
 преляемые нами единственно по необхо-
 димости, каковы на примѣрѣ: *слухъ*,
періодъ, *трагедія*, *индиктъ*, *елисколь*,
планета, *комета*; перевести сіи слова
 гораздо легче, нежели выдумать свое для
 выраженія на нашемъ языкѣ *фигуры*. Мо-
 жно бы вмѣсто ихъ упопрелять: *слуха*,
окруженіе, *козлиная лѣсъ*, *указаніе*,
надзиратель, *блуждающая* (звѣзда), *во-
 лосатая*. Но что прибыли въ сихъ пере-
 мѣнахъ? Припомъ же если всмопримся мы
 даже въ самыя коренныя слова свои, то во
 многихъ увидимъ ближайшее сродство съ
 чужеспранными: *ѣдимъ*, *ѣдите*, *ѣдятъ*,
editus, *editis*, *edunt*; *даю* *do*; *лѣю*, *лѣю*,
 или еще ближе къ древнѣйшему *лѣю*; *столь*,
stuhl; *ремень*, *riemen* и п. д. Нѣкопорыя
 чужія слова нажупся намъ дикими потому
 только что мы знаемъ ихъ происхожденіе;
 но есть весьма много пакихъ, которыя мы

почищаемъ своими собственными, единственно по тому что намъ неизвестно, когда получили они право гражданства въ нашемъ языкѣ. Господинъ Сочинитель очень справедливо замѣчаетъ, что прежде писали *аддиція, субстракція, мултипликація, дивизія*, а нынѣ пишутъ *сложение, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе*. Я согласенъ, что въ этомъ случаѣ сдѣлана перемѣна для языка весьма полезная; но замѣтивъ должно, что упомянутыя Русскія выраженія непрудно было ввести въ учебныя книги, ибо оныя во всякомъ случаѣ соответствующи Латинскимъ; а иначе надлежало бы или удерживать слова иностранныя, или же перемѣнить всю систему термины. Возьмемъ въ примѣръ слово *интересъ*, употребляемое въ теоріи драматическаго стихотворства: чѣмъ замѣнимъ его въ Русской піишкѣ? *корыстію*? но *корысль* въ семъ случаѣ ни малѣйшаго отношенія неиметъ къ интересу; *участіемъ*? но сіе слово не во всемъ пространствѣ соответствующе первому: участіе можетъ быть приписываемо только зрителю, и нельзя говорить, что драматическое участіе. Чѣмъ дѣлать? Употреблять въ нужномъ случаѣ слово *интересъ*, въ ожиданіи пока родится новый Аристотель, который всю теорію драматическаго стихотворства предложитъ въ новой сис-

темъ, сообразной съ чистопою и коренными свойствами Русскаго языка. Возьмемъ другой примѣръ. Въ обыкновенномъ разговорѣ мы употребляемъ слово *понятіе* вмѣсто *идеи*, которая на Греческомъ языкѣ значить *видъ, образъ*; напрошивъ того въ Логикѣ между однимъ словомъ и другимъ есть великая разность: *понятіемъ* называется способность разума понимать, а *идею* самой образъ вещи, въ душѣ нашей посредствомъ чувствъ представляющейся. По симъ причинамъ казалось мнѣ излишнимъ написать слѣдующее: „Но фигура слово не Русское! Что нужды? Не мы первые дѣлали наблюденія надъ языкомъ „человѣческимъ.“ Сіи слова, сверхъ моего чаянія, дали поводъ Господину Сочинителю оповѣчать на нихъ самымъ спраннымъ образомъ: „Такое возраженіе противъ всего на свѣшъ сдѣлать не трудно. Когда „проповѣдникъ станешь намъ исчислять „и описывать вредныя слѣдствія какова-„нибудь порока, мудрено ли оповѣчать ему: „что нужды, не мы первые и проч.“ Отъ фигуры до вредныхъ слѣдствій порока!!

На слова мои: „Всѣ народы блуждали бы „до нынѣ во мракѣ невѣжества, еслибъ не „сохранились открытія и изобрѣшенія древнихъ“ г. Сочинитель пишетъ: „миѣ на-

„жешся, г. Издашель хотѣлъ сказать здѣсь
„что нибудь другое; ибо никакимъ образомъ
„неможно утверждать, что все народы
„безъ сохраненія изобрѣтенія и откры-
„тія древнихъ блуждали бы и по нынѣ
„во мракѣ невѣжества.“ Напрошивъ; я
сказалъ точно то, что хотѣлъ сказать,
и что снова теперь утверждаю. Многія
науки и художества новѣйшимъ народамъ
доставились по наслѣдству отъ древнихъ;
Самоѣды, Камчадалы и прочіе народы гру-
бые и безграмотные оспораются донынѣ въ
невѣжествѣ, потому что имъ неизвѣстны
ны изобрѣтенныя древними науки и худо-
жества. „Одинъ Невтонъ и Эйлеръ тому
„воспрекословятъ.“ Не можетъ спастись!
Невтонъ невыдумалъ астрономіи; онъ даже
не открылъ бы законовъ тяготѣнія, еслибы
не имѣлъ предшественниками своими Копер-
ника и Кеплера; онъ пошелъ съ той по-
тки, на которой Кеплеръ основался; умо-
зрительныя открытія Коперниковы и Ке-
плеровы служатъ основаніемъ Невтоновой
системѣ всеобщаго тяготѣнія. Эйлеръ
также нашелъ Математику совсѣмъ уже
готовую. „Сверхъ сего такое предполо-
„женіе противно здравому разуму.“ Тако-
вое предположеніе нимало непротивно здра-
вому разуму; потому что оно подтверж-
дается очевидными примѣрами и свидѣтель-
ствомъ исторіи. „Ибо мы видимъ, что обѣ

„человѣческой умъ спарѣлся и вѣщалъ.“
 Опять не по; мы почто видимъ, что чело-
 вѣческой умъ давно уже соспарѣлся въ Ин-
 діи, Ассиріи и въ Египтѣ, ибо Пифагоры
 наши не ѣздящъ туда искашь просвѣщенія;
 мы видимъ, что умъ челоѣческой обвѣш-
 шалъ было въ средніе вѣки въ Европѣ и
 попомъ опять обновился; мы видимъ, что
 умъ челоѣческой, гнѣшомый пропивными
 обстоятельствами, долго младенчествовалъ
 въ Россіи, и что нынѣ въ полномъ цвѣтѣ
 здравія и крѣпости печать онъ на попри-
 щѣ своихъ подвиговъ. „Слѣдовательно еже-
 „ли древніе могли изобрѣсти и откры-
 „вать, такъ и мы по же дѣлать можемъ.“
 Безъ всякаго сомнѣнія, хотя впрочемъ изъ
 вышесказаннаго и не слѣдуетъ, будто мы
 должны безъ нужды переиначивать изобре-
 шенія древнихъ и разрушать нѣкоторыя
 части въ ихъ системахъ, не заботясь, бу-
 дущъ ли приспособки наши соотвѣтство-
 вать цѣлому зданію, ими сооруженному.

Еще просимъ перпѣнія у благосклон-
 ныхъ читателей. Въ замѣчаніяхъ на Раз-
 говоры о словесности написано слѣдующее:
 „Мы должны краснѣясь, что поль-
 „зуемся благодѣяніями ученой древности
 „не своимъ стараніемъ, но чрезъ посред-
 „ство иностранцевъ, которые будущъ
 „умничать дошолъ, пока мы не перестан-

„немѣ нуждаешься въ нихъ безъ малѣйшей
 „надобности, и пока не принудимъ себя
 „черпашь свѣдѣнія изъ самыхъ испочни-
 „новъ.“ Г. Сочинитель Прибавленія гово-
 ритъ на сѣе такимъ образомъ: „Здѣсь го-
 „сподинъ Издашель Вѣстника, возражая
 „противъ Сочинителя Разговоровъ, неумы-
 „шленно защищаетъ его мнѣніе и обви-
 „няетъ себя; ибо запрещаетъ своимъ язы-
 „комъ объяснять понятія и не смѣетъ ва-
 „саться словъ, выдуманыхъ иностранцами,
 „есть самое то, что *нуждаться въ нихъ*
 „*безъ малѣйшей въ томъ надобности.*“

Мнѣ очень жаль, что я по необходимости
 долженъ во всемъ прошивурѣчить господину
 Сочинителю Прибавленія. Я шутъ и не-
 думалъ возражать ему, а просто предло-
 жилъ замѣчаніе свое, приличное шепереш-
 нимъ нашимъ обстоятельствомъ. Я незнаю,
 для чего г. Сочинитель упустилъ изъ ви-
 ду то, что я говорю въ томъ же мѣстѣ (*)
 о надобности учиться древнимъ языкамъ.
 Сколько выгодно для чести нашей и славы
 обращаться съ такими иностранцами, ка-
 новы на примѣрѣ Аристошель, Цицеронъ,
 Горацій; сколько унижительно для писа-
 теля искашь въ нынѣшнихъ чужестран-
 ныхъ книгахъ свѣдѣній о древней словесно-
 сти, и быть въ произвольной зависимости

(*) Вѣстн. Евр. 1811, No 13. стр. 45.

опѣ людей, которые завидуютъ силѣ, сла-
вѣ и благоденствію нашего Отечества, и
которые желаютъ, чтобы мы всегда были
ихъ учениками. Еще повторяю, что я
цѣлилъ не на древнихъ *чужестранцовъ*,
у которыхъ опнюдь не спыдно учиться,
но на вредное воспитаніе, удаляющее опѣ
истиннаго просвѣщенія; ибо я все думаю,
что иноспранная премудрость посред-
ствомъ чужаго языка и вмѣсилъ съ чужими
обычаями вперемая въ голову юнаго Рос-
сїянина необходимо превращается въ невѣ-
жесиво, вреднѣйшее по блестящей своей
наружности. Вотъ что я думалъ, говоря,
что надобно *черпать свѣдѣнія изъ са-
мыхъ источниковъ*. Не могу при семъ
случаѣ опказать себѣ въ удовольствіи, не-
могу не выписать одного приличнаго мѣста
изъ Разсужденія о Россійской словесности
г-на Мерзлякова (*):

„Въ разсужденіи образцовъ, надобно
„признаться, что мы не тамъ ихъ ищемъ,
„гдѣ должно. Французская Литература безъ
„сомнѣнія возвышена до возможной степени
„совершенства: но Французы сами подра-
„жали; припомъ въ подражаніи своемъ при-

(*) Смопри *Труды Общества Любителей
Россійской Словесности* Ч. I стр. 105, 107.
Книга сія продается въ Коншорѣ Унивѣр-
ситетской Типографіи.

„норазвивались къ своему времени, но вку-
 „су споль непостоянному, къ обстоятель-
 „ствамъ споль многоразличнымъ! По чему
 „намъ, для сохраненія собственнаго своего
 „характера и своей чести, не почерпашъ
 „сокровищъ чистыхъ, неизмѣненныхъ, изъ
 „той же первой сокровищницы, изъ копо-
 „рой они почерпали? по чему намъ также
 „безпосредственно не пользовашъ наспа-
 „вленіями ихъ учителей, Грековъ и Рим-
 „лянъ? По чему гордимся бытъ подража-
 „телями часто слабыхъ подражателей,
 „имѣя способности и силы снимать съ са-
 „мыхъ подлинниковъ! Я уже не говорю о
 „томъ, что всего хуже, о томъ, что по-
 „дражая швореніямъ живаго народа, имѣю-
 „щаго съ нами сношенія, подражаемъ не-
 „чувствительно его нравамъ и обычаямъ,
 „и пераемъ свой характеръ и свою націо-
 „нальную гордость, которую можно на-
 „звать основаніемъ и опорю народной сла-
 „вы, — короче: сами шворимъ себѣ ум-
 „ственное рабство!!! Пагубное предразсу-
 „жденіе! или паче, вреднѣе, влекущее
 „за собою несчастныя слѣдствія! Подра-
 „жайте Французамъ въ трудахъ, въ изы-
 „сканіяхъ, въ неутомимости; занимай-
 „тесь изученіемъ древнихъ Писателей,
 „также, какъ они, — и вы достигнете
 „желаемой цѣли.“

„Какъ? (вопрошаетъ господинъ Сочинитель Прибавленія) отъ того что въ Русскомъ языкѣ подъ словомъ *извиліе* разумѣтся будетъ тожъ самое, что въ Латинскомъ разумѣтся подъ словомъ *figura*, разрушился сооруженная Аристотелями, Цицеронами, Квинтилианами система Рипорики?“ Разрушился, ежели мы спанемъ безъ надобности переименовывать ее въ частяхъ, забываясь объ ответственности оныхъ между собою. „Какъ? (продолжаетъ господинъ Сочинитель) отъ того что я Латинской *экиноксу* назову равнодействіемъ, разрушился Птоломеева и Коперникова системы, зашмился луна, погаснетъ солнце, и звѣзды упадутъ на землю?“ Совсѣмъ нѣтъ; а только ученые люди удивились бы неслыханному въ Латинскомъ языкѣ *экиноксу*, и тогда же догадались бы, что господинъ Сочинитель погрѣшилъ, написавши *экиноксу* вмѣсто *экиноктиумъ*; системы Птоломеева и Коперникова также неспрадали бы отъ сей маловажной ошибки. „Ежели слово *извиліе* угрожаетъ такими бѣдами, то Сочинитель Разговоровъ долженъ непременно, но отъ онаго отрещися.“ *Извиліе* къ паденію звѣздъ на землю и къ прочимъ бѣдамъ имѣетъ такое же отношеніе, какое *фигура* къ вреднымъ слѣдствіямъ порока.

Вопреки господину Сочинителю Разговоровъ я утверждаю, что въ стихѣ „*отъ*“, „*запрещенія твоего любвгнуть*“, „*отъ*“, „*гласа грома твоего убоялся*“ смѣлаго иносказанія совсѣмъ непримѣнно. Обучавшіеся словесности по употребительнымъ у насъ книгамъ вообще разумють подъ иносказаніемъ не иное что какъ аллегорію. Ее нѣтъ ни въ семъ стихѣ, ни въ другомъ; приведенномъ мною для примѣра: *хвалите его во гласъ трубнѣмъ*; ибо здѣсь и тамъ всѣ слова употреблены не въ переносномъ, но въ собственномъ своемъ знаменованіи. *Гласъ* незначитъ здѣсь голоса человѣческаго, изъ горшани выходящаго, но просто звукъ. Я привелъ и Греческія слова изъ Библии именно для того, чтобы знающему удобнѣе можно было въ томъ удостовериться. Господинъ Сочинитель Прибавленія пишетъ, что приведенныя мною Греческія слова къ дѣлу ни мало нейдуть; и на другой же страницѣ высказываетъ самъ Греческое *Φωνη* (надобно бы *Φωνή*) и Латинское *sonus*, и самъ же утверждаетъ, что на Славенскомъ языкѣ точно значатъ они звукъ, т. е. гласъ, звукъ.“

Но положимъ на часъ, будто громъ представляется въ видѣ лица, издающаго изъ горшани гласъ, какъ желаетъ господинъ Сочинитель; положимъ, будто надоб-

но разумѣшь, что *воды отъ голоса (vox)* а не отъ звука (*scilus*) грома убоица : спрашивается, какаа была бы ешо 'фигура? Всякой видитъ конечно, что здѣсь бездушная вещь предспавляюща одушевленной, и что слѣдспвенно . упопрѣбленная здѣсь форма или образъ рѣчи есть *прозополея*, однакожъ не *заимословіе*, какъ назвалъ оную Ломоносовъ, соединивши ее и *гермосі-пацио* въ одномъ опредѣленіи. Теперь послушаемъ господина Сочинителя Прибавленія : „Г. Издапель говоритъ : *въ такомъ слу- чаѣ надлежало бы назвать это фигу- рою , только не заимословіемъ*. Кто , читая сіе не подумаетъ , что Сочини- тель Разговоровъ назвалъ сіе заимосло- віемъ? Ничего небывало ! опнюдь не на- зывалъ ! не хорошо возражать недѣльно и несправедливо, но еще хуже оговаривать книгу и взводить на нее то , чего тамъ совсѣмъ нѣтъ.“ Я безмолвспвую.

Неизвѣстный мнѣ господинъ Сочини- тель Прибавленія , пользуясь благоприят- нымъ случаемъ неизвѣстности, иногда позволяетъ себѣ горячиться : то совѣ- щуетъ онъ мнѣ *прочитать и вырази- тель хорошенько* Переводъ двухъ ста- тей изъ Лагарпа, удосповѣряя, что я сдѣ- лался бы тогда *слособнѣе утверждать или возражать съ основательностію ;*

по даетъ разумѣшь, будто я нехочу разсуждать, и нелюблю тѣхъ, которые разсуждаютъ; по взводитъ на меня паки вины, въ которыхъ право спыдно и оправдываешь. Но я оставляю поспоронее, и буду говорить только о словесности. Я увѣренъ, что безпристрастнымъ людямъ нужнѣе знать мнѣнія и доводы различно мыслящихъ писателей, нежели — кто изъ нихъ опынѣе въ искусствѣ досаждать своему сопрошивнику. Охотно опказываюсь ошѣ сего преимущества.

Послушаемъ еще господина Сочинителя Прибавленія: „Сколько бы смѣшно было „извипіе сіе (гласъ грома) назвашь за „инословіемъ, сполько же спранно оприцашь, что оно не есть *иносказаніе*.“ Нимало не спранно; аллегорія (ибо аллегорія и иносказаніе по шочному смыслу Греческаго слова одно и то же) соспоитъ въ цѣломъ предложеніи, а не въ одномъ словѣ; она есть собраніе двухъ, шрехъ или многихъ метафоръ, а метафора есть шропъ, въ которомъ значеніе одного слова принимаешь за другое *по причинѣ подобія*. Представленіе бездушной вещи одушевленной споль же не прилично называешь *иносказаніемъ*, какъ и *волрошеніемъ*, хрпя господинъ Сочинитель и говоритъ, будцо „иносказаніе означаешь у насъ и алле-

горю и метафору и пропъ и фигуру.“ За
нужное почишаю прибавишь, что госпо-
динъ Сочинишель аллегорію переводишь
инословіемъ, а метафору, которая соб-
ственно значишь переносъ, *иносказаніемъ*,
и въ доказательство что такъ называешь
должно упомянутыя Греческіе пропы, ссы-
лаешся на *Переводъ двухъ статей изъ*
Лагарла, извѣвая свое неудовольствіе,
что я не съ надлежащимъ вниманіемъ чи-
талъ оную книгу.

„Мы пропускаемъ здѣсь (пишетъ г.
„Сочинишель) *особыя* мнѣнія господина
„Издашеля о непросвѣщеніи Сѣвера, о не-
„исправности нашихъ лѣтописей и проч.“
Издашель очень жалѣетъ, что можетъ быть
по одному только неблаговоленію господи-
на Сочинишеля онъ долженъ оспаиваться
по прежнему во мракѣ невѣдѣнія касатель-
но просвѣщенія Сѣвера до десятаго вѣка;
жалѣетъ также, что неупомянуто въ При-
бавленіи, гдѣ можно найши исправныя лѣ-
тописи. Издашелю очень бы пригодилося
еще при нынѣшнихъ его упражненіяхъ.

„Да кто исправитъ и очистишь Не-
„сторову, Никонову лѣтописи, Рускую
„правду, Владимірову духовную, Слово о пол-
„ку Игоревомъ и проч.“ Тотъ, кто умѣ-
ючи примется за сіе дѣло. „Ихъ и очи-
„щашъ ненадобно.“ А какъ же мы узнаемъ

можемъ, что въ нихъ содержишься? Въ одномъ списокѣ Нестора поставлено: *идоша за море къ Варягомъ къ Руси*; въ другомъ: *послаша къ Варягомъ изъ Руси за море*; мѣсто сѣе одно изъ важнѣйшихъ въ Россійской исторіи; какъ же узнать подлинный смыслъ лѣтописца, покуда онъ не очищенъ припискою? а такихъ мѣстъ и разнословій превеликое множество не только въ историческихъ но и въ другихъ старинныхъ рукописяхъ. „Епо было бы ихъ испорчить.“ Церковныя книги нимало неиспорчены тѣмъ, что въ нихъ поправлены ошибки писцовъ и переводчиковъ; мы неимѣли бы теперь исправныхъ классиковъ, еслибъ ученые люди не постарались очистить шекспиръ, испорченный писцами. „Они священны своею древностію языка и слога.“ Искусные люди, очищая текстъ въ древней рукописи, умѣютъ сберечь не только языкъ и слогъ, но даже всѣ древнія слова, — всѣ до послѣдняго. Увидѣвши хорошія изданія классическихъ писателей, щощасъ можно въ томъ совершенно удостовѣриться. „Даже и письмо и начертаніе буквъ того времени належадо бы въ нихъ сохранити.“ Въ средніе вѣки, до изобрѣшенія искусства дѣлать бумагу, за недостаткомъ въ пергаментъ, въкопчорые невѣжды иногда спирали съ листовъ пворенія Типа-Ливія и Тацита и записывали на нихъ монастырскія проис-

шесствія; нынѣ и въ голову никому неприходило соскабливать письмо въ древнихъ рукописяхъ; охотники до спарины щипательно берегутъ все, что только ни оспалось отъ оной.

Оспановимся на минушу надъ *просьланіемъ чрева*, и попомъ опкланяемся господину Сочинишелю Прибавленію. *Просьлать чрева*, по его мнѣнію, сказано въ Никоновской лѣтописи вмѣсто *ислоргать чрева*, и ешо по его же мнѣнію въ наукѣ краснорѣчія называется *иноименіемъ*, по еспѣ (прошу замѣшивъ) *улоупребленіемъ одного имени вмѣсто другаго*. Иноименіемъ у господина Сочинишеля переводится Греческая *метонимія*, и опредѣленіе онаго чипашели шеперь видѣли. Оно прилично пропу, вообще какъ роду; но каждой пропѣ въ особенноти имѣетъ еще и свое другое опредѣленіе; ибо метафора еспѣ пропѣ, метонимія пропѣ, синекдоха пропѣ же; однакожъ метафора не еспѣ синекдоха, и синекдоха не еспѣ метонимія. Въ Рипорижахъ помѣщены опредѣленія наждаго пропа въ особенноти, и я выписываю ихъ уже болѣе ненамѣренъ. Признаюсь, что мнѣ показалось мнѣніе о *просьланіи чрева* чрезвычайно спраннымъ; я конечно неспосигъ всей важности онаго и можетъ бытъ заслужилъ, чипобы господинъ Сочинишель При-

бавленія, призвавъ на помощь Метаспазія, удивленіе мое назвалъ дочерью невѣдѣнія. „*Просылаюлся чрева! и это иноименіе!*“ „Да, иноименіе (говоритъ г. Сочинитель). „Оно такъ названо, и сказана причина по чему названо; чему же шутъ дивишься?“ Я дивлюсь только тому, что *иноименіе*, дочь пропа и сестра метафоры и синекдохи, имѣетъ со всею своею роднею одно опредѣленіе.

Господинъ Сочинитель не вездѣ поступаетъ со мною строго въ своемъ Прибавленіи къ Разговорамъ. Въ началѣ и при концѣ книжки онъ удостоиваетъ меня нѣкошпорыми учшивыми и для самолюбія моего очень лестными опшывами; не смотря на то я по вышеписаннымъ причинамъ не могу оказатъ ему равной услуги. Чшожъ касается до самаго господина Сочинителя Разговоровъ о словесности, то я въ особливую честь вмѣняю себѣ повпорить при семъ извѣвленіе нелицемѣрнаго своего уваженія къ прудамъ его. Писавши замѣчанія на книгу сего почтеннаго Мужа, я имѣлъ въ виду прочія сочиненія его, доставившія великую пользу опечесшвенной Словесности. Онъ предостерегъ многихъ молодыхъ людей отъ вредныхъ заблужденій; онъ заставилъ многихъ спыдаться пагубной галломаніи; онъ показалъ ничпожесшво блестящихъ мблочей,

и многихъ обратилъ къ полезнѣйшимъ упражненіямъ. К.

IV. С М Ъ С Ъ.

О мальчикѣ, одаренномъ необыкновенною способностію считать.

Зерагъ Колбурнъ родился Апрѣля 1804 года въ Соединенныхъ обласпяхъ, въ Каледонскомъ Графствѣ; ему было только семь лѣтъ, когда видѣлъ его г. Макъ-Невенъ, напечатавшій объ немъ извѣстіе въ Медицинскомъ Журналѣ (Medical and philosophical Journal and Review), которой издается въ Новомъ Йоркѣ. Зерагъ походилъ на другихъ дѣтей какъ рѣзвостію своею, такъ и вообще ребяческими забавами; но какъ скоро онъ успрямляетъ на какой либо предметъ все свое вниманіе, тогда замѣчающся въ немъ необыкновенныя по его возрасту способности, особливо же касательно счисленія талантъ его превосходитъ всякое вѣроятіе. Въ Августѣ 1810 года отецъ его услышалъ въ первой разъ, что онъ пи-

хонько про себя умножаетъ числа, и тогда же открывъ въ немъ сію чудесную способность, копорая посредствомъ упражненія и многихъ опытовъ въ короткое время доведена въ немъ до чрезвычайной степени. Скорость отвѣтовъ его на задаваемые вопросы по части ариеметики такова, что подумать можно, будто онъ отвѣчаетъ наугадъ; въ самомъ же дѣлѣ онъ вычисляетъ въ головѣ своей съ непонятною быстротою; ибо рѣшая трудную задачу, онъ умножаетъ, слагаетъ или вычитаетъ въ слухъ чрезвычайно скоро. Иногда онъ повѣряетъ себя, и весьма досаждаетъ, если находитъ ошибку; но это случается съ нимъ очень рѣдко. Въ присутствіи г-на Макъ-Невена отвѣчалъ онъ безъ малѣйшей остановки и съ надлежащею точностію на слѣдующія задачи.

Вопросъ. Какую сумму составляютъ числа: 1347, 1953 и 2091?

Отвѣтъ. 5391.

Вопросъ. Какія числа, будучи умножены одни другими, производятъ 1242?

Слѣдующія рѣшенія сказаны были со скоростью обыкновеннаго разговора: 54 на 23. — 9 на 138. — 27 на 46. — 3 на 414. — 6 на 207. — 2 на 621.

Вопросъ. Какое число, будучи умножено само на себя, даетъ произведеніе: 1369 ?

Отвѣтъ. 37.

Вопросъ. Какое число, будучи умножено само на себя, даетъ произведеніе: 2401 ?

Отвѣтъ. 49 ; — и 7 умноженное на 343 даетъ по же произведеніе.

Когда сказывая число, упоминали ему тысячи, но онъ кричалъ съ неперпблivosпiю: *говорите солнями*; но естъ вмѣсто 2401, надобно было сказать *двадцать четыре солни и одинъ*.

Вопросъ. Какое произведеніе будетъ отъ 6 умноженнаго 6 разъ само на себя ?

Зерагъ умножалъ въ слухъ, и такъ скоро какъ только можно произносишь слова въ обыкновенномъ разговорѣ: 6 ю 6 составляютъ 36; 6 ю 36 составляютъ 216; 6 ю 216 составляютъ 1296; 6 ю 1296 составляютъ 7776; 6 ю 7776 составляютъ 46,656; 6 ю 46,656 составляютъ 279,936.

Вопросъ. Сколько часовъ въ 25 годахъ 11 мѣсяцахъ и 3 дняхъ ?

Отвѣтъ. 226,992. Зерагъ отвѣчалъ правильно; предложившій задачу самъ ошибся въ своей выкладкѣ, и сказалъ было маль-

чику, что его счетъ невѣренъ. Зерагъ подумавши не много, отвѣчалъ, что онъ точно не ошибся. Повѣрили задачу, и мальчикъ оказался правымъ (*).

Ему предложили умножить 123 на 237. Опецъ сдѣлалъ при семъ случаѣ замѣчаніе, что тройныя числа для него очень трудны; но мальчикъ отвѣчалъ, что онъ умно-

(*) Мальчикъ и шѣ, которые предлагали задачу, неполагали въ счетъ годовъ высокосныхъ. Сіе забвеніе даетъ намъ случай вспомнить о нѣкоторомъ другомъ такого же рода происшествіи. Къ Даламберу привели одного малолѣтнаго паспуха, которой также имѣлъ природную способность скоро и вѣрно дѣлать выкладки. — Я жилъ сколько-то лѣтъ, сказалъ Даламберъ; скажи мнѣ теперь, сколько было мизушъ въ моей жизни? — Мальчикъ опошелъ къ углу комнаты, закрылъ лице свое обѣими руками и опять пришелъ съ отвѣтомъ, когда Даламберъ не успѣлъ еще самъ окончить выкладки, которую началъ дѣлать на бумагѣ по правиламъ ариѣметики. Окончивши же, онъ увидѣлъ несходство между рѣшеніями своимъ и мальчика. „Ты ошибся, приятель.“ Мальчикъ опять идетъ въ уголъ, повѣряетъ свою выкладку, приходитъ назадъ и ушверждаетъ, что онъ точно не ошибся. Даламберъ повѣряетъ свою. „Да кладете ли вы въ счетъ, господинъ честной, сказала дитя, высокосные годы?“ Даламберъ въ самомъ дѣлѣ объ нихъ не вспомнилъ.

житѣ ихъ, и сдержалъ слово. Епѣго недово-
льно; онъ умножилъ, и при помѣ очень
скоро, 1234 на 1234. Однакожъ видно,
что трудныя задачи упомляюшъ его; онъ
часто просишъ, чшобы не задавали ему
чиселъ слишкомъ многосложныхъ. При рѣ-
шеніи обыкновенно бываетъ замѣтно по на-
ружному виду его, по сверкающимъ глазамъ
и по движенію въ лицѣ, что умъ его рабо-
таешъ съ великимъ напряженіемъ. Лице у
него весьма выразительное, лобъ малой съ
углами, брови выдавшіяся, глаза сѣрые,
безпреспанно движущіеся, черепъ широкой,
зашеекъ малой, волосы рыжіе; по лѣпамъ
своимъ онъ слишкомъ большаго роста; дви-
женія его скоры, и шло почти въ безпре-
спанномъ дѣйствіи.

Зерагъ никогда не былъ въ училищѣ;
ни читашъ ни писашъ онъ неумѣешъ. На
вопросъ, какимъ образомъ онъ дѣлаешъ
свои выкладки, Зерагъ отвѣчалъ, что ясно
видишъ передъ собою всѣ числа. Онъ
не имѣешъ еще никакого понятія о дро-
бяхъ и выкладываетъ одни только кру-
глыя числа. Онъ пяшой изъ семерыхъ дѣ-
шей у опца, изъ копорыхъ однакожъ ни
одно вромѣ его не опличается особливими
способностями. Опецъ его Абѣагъ Колбурнъ
имѣешъ по шести пальцевъ на каждой ру-
кѣ; изъ всѣхъ дѣшей одинъ только Зерагъ
получилъ отъ природы такое же опличіе.

Г. Макъ-Невенъ испаша по сему случаю упоминаетъ о другомъ извѣстномъ ему человѣкѣ по имени Букстонъ, который въ испешшемъ спольшій равномерно славился чрезвычайною способностію дѣлать всякія выкладки. Но Букстонъ въ другихъ отношеніяхъ былъ мальчикъ ума весьма ограниченнаго и по видимому имѣлъ самыя шупыя чувства. Въ музыкѣ находилъ онъ только просую смѣсь звуковъ; бывши приведенъ въ театрѣ сморѣть Шекспирову трагедію, въ которой игралъ Гарриксъ, онъ ни мало не занялся зрѣлицемъ, и только считалъ слова, произносимыя симъ знаменитымъ актеромъ. Напрошивъ того въ Зе-рагѣ примѣщенъ хорошій умъ, присущствіе духа, а иногда и бѣдкость! За нѣсколько дней до свиданія съ нимъ г-на Макъ-Невена, одна женщина захопѣла подурачить его и спросила: что сославяшъ при нуля умноженныя према нулями? — „Точно то, чего вы спойше“ — отвѣчалъ мальчикъ.

Жаль будетъ, если излишнія упражненія и часныя задачи распроятъ голову сего молодаго человѣка; легко спашься можетъ, что преждевременными напряженіями испощишся вся сила ума, которой при натуральномъ ходѣ мыслей созрѣлъ бы и оказалъ великіе успѣхи; очень возможно такъ же, что и дѣйствиемъ самой натуры припу-

пишся и. уничтожишся споль необыкновенная способность. Г. Марв - Невенъ по сему случаю приводитъ въ примѣръ Ванъ - Р., также находящагося въ Соединенныхъ областяхъ. Имъ въ шесть лѣтъ онъ роду, чловѣкъ сей удивлялъ всѣхъ чрезвычайно своею способностію выкладывать числа; на восьмомъ году онъ совсѣмъ потерялъ сію способность, неизвѣстно какимъ образомъ. Теперь Ванъ - Р. считаетъ какъ и всѣ другіе люди съ перомъ въ рукѣ, ни лучше ихъ, ни скорѣе, и не можеть представить себѣ, какимъ способомъ въ младенчествѣ дѣлалъ свои выкладки.

(Изъ *Espr. des Journ.*)

Объ изобрѣженіи картъ.

Давно уже стараются объяснить начало и происхожденіе картъ, которыми играютъ: многіе писатели говорили о нихъ, и каждой по своему. Я собиралъ разныя свѣдѣнія и соображалъ оныя, чтобы по крайней мѣрѣ въ состояніи бытъ представить по сему дѣлу мнѣніе свое, ежели не совершенное, то хотя правдоподобное. Карты изобрѣшены во Франціи при Карлѣ V, проименованномъ Мудрымъ; въ 1369 году запретилъ онъ азартныя игры въ ко-

спи, въ шашки, въ шаръ, въ кегли, въ кружокъ (palet), въ мячь, но о карпахъ ничего не сказано. И пакъ предполагаемъ можно, что карпы изобрѣшены спустя послѣ того шесть или семь лѣтъ. Несомнительнымъ пому доказательствомъ служатъ слова, сказанныя Жеганомъ Саннире пажамъ Карла V. Онъ журилъ ихъ за то, что они *играють въ карты*, ходятъ по шинкамъ и пакъ далѣе. Слѣдственно начало карпъ полагаемъ должно около 1375 года. Послѣ того времени о карпахъ уже неупоминается до царствованія Карла VI, когда нѣкто Жакмень Гренгонеръ, по приказанію Королевскаго Казначея Шарля Пупара сдѣлалъ карпы для увеселенія Короля во время ужасной его болѣзни; на карпахъ написаны имъ девизы, содержаніемъ коихъ были похвалы въ честь Государя и его несчастное соспоянїе; но *именъ*, кои теперь видимъ на карпахъ, тогда еще на нихъ не было. Уже при Карлѣ VII дали названія карпамъ, и выдумали игру въ пикетъ по одному спранныму случаю. Карлъ VII, захопѣвши повеселиться, приказалъ, чтобы всѣ лица, написанныя на карпахъ, представлены были на театрѣ; тогда онъ далъ имъ шайнспвенныя названія; оспались при своихъ именахъ полька славный Лагиръ, одинъ изъ числа людей, преданнѣйшихъ Карлу, и Гекторъ Галаръ,

вѣрный его служитель. При Лудовикѣ XI выдуманы другія имена иносказательныя, напоминающія воображенію о славнѣйшихъ событіяхъ того времени, о знаменитыхъ людяхъ и о шѣхъ которые хотѣли погубить Лудовика. *Асъ* (шузъ), символической знакъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находился Карлъ, есть Лашинское названіе монеты; карта сія значила деньги, богатство, и напоминала о невыгодномъ Короли положеніи. *Трефи* (le trèfle, дяшлина), названіе травы, въ большомъ количествѣ на лугахъ растущей, значить, что полководецъ никогда не долженъ располагать войско свое тамъ, гдѣ могло бы оно имѣть недоспаховъ въ свѣстныхъ припасахъ. *Пини* напоминали о томъ времени, когда Король нуждался въ людяхъ и въ оружіи, и о томъ что надобно держать магазины всегда въ хорошемъ состояніи. *Вубиль* (сагеах) значили крѣпкія и тяжелыя стрѣлы и относились къ тогдашней кѣнницѣ. *Черви* (соеур) символъ храбрости солдатъ и начальниковъ, значили людей, оставшихся вѣрными своему Государю. Что принадлежитъ до четырехъ королей, то я долженъ согласиться со мнѣніемъ отца Менеспрье: онъ думаетъ, что ими представлялись славные Монархи: *Карлъ Великій*, Король Французскій и западный Императоръ, *Юлій Цезарь* Римскій, *Алек-*

сандръ Греческѣй и *Давидъ* Иудейскѣй. Отецъ *Даніилъ* указываетъ на сходство между *Давидомъ* и *Карломъ* въ сужденіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ ихъ жизни; и гово- ривъ въришь, что *Карлъ* самъ ешо чув- ствовалъ, и что употребилъ имя *Иудей- скаго Царя*, дабы невыспавлять себя на по- зорище. *Давидъ* былъ гонимъ тещемъ сво- имъ *Сауломъ*, и по восшествіи на престолъ претерпѣлъ много скорби отъ мятежнаго сына своего *Авессаломъ*. *Карлъ VII* также былъ изгнанъ и лишенъ наслѣдства; по- томъ, восшедъ на престолъ, поверженъ во гробъ злоспію своего сына; онъ долженъ бы предвидѣть свое несчастіе, ибо развра- шный нравъ *Лудовика XI*, когда еще былъ онъ *Дофиномъ*, грозилъ уже отцу велики- ми неприятностями. Подъ именемъ *Юдиѣи* на картѣ означена *Изабелла Баварская*, мать *Короля*, которая всячески старалась опинять престолъ у своего сына и опдачь оный *Генриху V* *Королю Англійскому*. *Аргина* есть переменное въ буквѣхъ сло- во *Регина* (*Regina*, Королева); ешо *Марія Анжу*, супруга *Карла VII*, но подлиннаго имени ея неприлично было выспавлять на театрѣ и при томъ въ такой комедіи, ко- торая имѣетъ отъ карточной игры свое происхожденіе. Весьма въроятно, что подъ *Палладою* разумѣли *Анну Аркъ*, воинспвен- ную героиню, которой очень прилично сіѣ

названіе. Что касается до Агнесы Сорель; то хотя ей и не должно бы имѣть мѣсто подлѣ мудрой и добродѣтельной Государыни; какова была Марія Анжу, и подлѣ другихъ особъ знаменитыхъ; но Карлъ VII, любя спраспно; могъ ли исключить ее изъ такой игры, которая вдругъ представляла ему и тѣхъ людей, которые были ему очень любезны, и тѣхъ, коихъ долженъ былъ ненавидѣть? Ланселотъ Дюлакъ и Ожеръ или Ожьеръ дана сущъ випязи Карла Великаго; ихъ надлежало включитъ въ игру какъ людей прославившихся военными своими подвигами.

Поелику Нѣмцы выдумали искусство рѣзать на деревѣ, то они же первые начали печатать карты и наводить оныя красками. Они изображали на картахъ своихъ очень странныя фигуры добрыхъ и злыхъ духовъ, папы, папессы, королей и проч. Послѣ того карты перешли въ Испанію черезъ Бискаю (*); тамъ называли ихъ Naipes (на Васконскомъ нарѣчїи значить *гладнїй*). Перемѣнены фигуры, и посланы короли, рыцари и валепы; но дамы не приняты въ ихъ сообщество. Копье (пїки) превратилось тамъ въ шпагу;

(*) Иоаннъ I Король Каспильскій строго запретилъ карты и кости повелѣніемъ своимъ в 1387 года. Изъ сего видно, что карты были извѣстны прежде Карла VI.

дядлина (шрефи) въ палку, четверуголь-
нимъ (бубны) въ монету, сердце (черви)
въ чашу. Изъ Испаніи каршы перешли
въ Италію, и тамъ приняты подъ назва-
ніемъ paibes; ясное доказательство, что
Италіянцы должны благодарить Испанцамъ
за науку играть въ каршы.

Англичане познакомились съ каршами
черезъ Французовъ; но королямъ, дамамъ
и вешамъ дали они свои названія: king,
queen, knave. Мнѣ спыдно было бы зани-
маться изслѣдованіемъ о каршахъ, еслибъ
незналъ я, что весьма ученые люди вмѣсто
опдыха отъ прудовъ своихъ иногда зани-
мались такими же упражненіями, и что
многія важныя особы, оставивши дѣла свои,
просиживающіе сутки за каршами, почти
не всматриваясь въ мѣста.

(Съ Француз.)

Московскія записки.

Со второй недѣли продолжающагося по-
ста начались чтенія объ Изящной Словесности
для любителей и любительницъ сего благо-
роднаго, полезнаго и приятнаго занятія. Про-
фессоръ Стихотворства и Краснорѣчія Россій-
скаго А. Ѡ. Мерзляковъ, по желанію нѣкото-
рыхъ почтенныхъ особъ, вознамѣрился пре-
подать полной курсъ Изящныхъ Наукъ, и
раздѣлилъ оной на двѣ часши: *сперва пред-*

положено показати общія правила Поезіи и Кра-
снорѣчія, попомѣ приступити къ разсмотрѣ-
нію самыхъ образцовъ, то есть лучшихъ со-
чиненій древнихъ и новѣйшихъ, иностран-
ныхъ и отечественныхъ. По сему плану, въ
теченіе нынѣшняго сезона десять чтеній дол-
жны заключати въ себѣ *общія начальныя*
основанія словесности, то есть одну поло-
вину курса и приготовленіе къ другой, ко-
торая начнется будущею осенью въ Октябрѣ
мѣсяцѣ. Тогда г. Профессоръ будетъ говорить
о разныхъ родахъ сочиненій и критически раз-
бираеть лучшія.

По средамъ и субботамъ, въ часъ по по-
лудни, начинается чтеніе. Надѣемся, что пу-
бликѣ приятно будетъ узнать порядокъ, на-
блюдаемый господиномъ Профессоромъ. Коротко
упомянемъ, о чемъ предложено въ пяль быв-
шихъ чтеній, предославляя себѣ удовольствіе
сообщити содержаніе прочихъ въ свое время.

1 е Чтеніе. Г. Профессоръ показалъ, какая
польза и какія удовольствія произтекають
отъ Изящной Словесности, и какое имѣетъ
она вліяніе на удовольствія общественныя;
представилъ настоящее положеніе нашей отеч-
ественной литературы; говорилъ о здра-
вой и безпристрастной критикѣ; опредѣлилъ
изящныя науки и искусства, ихъ различіе,
ихъ кругъ и способы дѣйствія; показалъ от-
личительныя свойства Поезіи, цѣль ея, суц-
ность и напоследокъ изъ всего вывелъ ея
опредѣленіе.

2 е Чтеніе. Вступивши въ самое свящи-
лище науки, г. Мерзляковъ, основываясь на
умозрительныхъ открытіяхъ мудрецовъ дре-
внихъ, нашель, что дѣйствіе Поезіи состо-
итъ въ *подражаніи*; непосредственно за

тѣмъ надлежало извѣснить, что есть изящная природа, копорой нѣмѣ подражаетъ въ своемъ твореніи. Тутъ исчислены способы избирать предметы, долженствующіе нравиться вкусу и составляющіе, такъ называемую, природу изящную.

3е *Ученіе*. Предложено слушателямъ о томъ, что успѣхъ въ Изящной Словесности суть плодъ великихъ дарованій, соединенныхъ съ великими усиліями, труда и прилѣжанія; доказана несправедливость мнѣнія тѣхъ, которые мыслятъ, будто поэту нужно одно только дарованіе, и будто легко можетъ онъ обойтись безъ науки и безъ правилъ; разобранъ планъ и ходъ одного лирическаго сочиненія, дабы показать, что въ самыхъ стремительныхъ порывахъ, въ самомъ сильномъ восторгѣ оды сохраняются строгія правила, о копорыхъ свѣдѣніе приобретается посредствомъ ученія, наблюденія природы и образцовъ стихотворства.

4е *Ученіе*. Коснувшись прежде паланшоваго поэта, надлежало теперь показать, въ чемъ именно состоятъ оныя. Невходя въ сокровенности глубокой метафизики, г. Мерзляковъ извѣснилъ дѣйствія памяти, воспоминанія, воображенія, чувствъ, энтузіазма или восторга, и говорилъ о высшихъ способностяхъ души человѣческой.

5е *Ученіе*. Вкусъ, какъ важнѣйшая способность въ художникѣ, былъ предметомъ особыхъ и подробнѣйшихъ извѣсненій: говорено было объ его образованіи, совершенствѣ, уклоненіяхъ. Сколь вкусы ни кажутся разнообразными, но есть одинъ лучшій, надежнѣйшій, при всѣхъ измѣненіяхъ своихъ ограничивающійся правилами строгой точности. Для по-

казанія того приложено было особливое стараніе.

Чтенія сіи посѣщаются не одними только просвѣщенными любителями и любительницами; но даже и императоры и ученые съ удовольствіемъ слушаютъ разсужденія Преподавателя, которой всѣмъ равно угождаетъ и всѣмъ равно нравится, соединяя *приятное съ полезнымъ*.

Числыя наслажденія ума выше всѣхъ забавъ, изобрѣтаемыхъ праздносію и роскошью. Послѣднія, при всѣмъ разнообразіи своемъ и заманчивости, неудовлетворяютъ человека богомыслящаго и просвѣщеннаго. Онъ платитъ обыкновенную дань свѣтскимъ личностямъ; но душа его ищетъ иныхъ удовольствій, благороднѣйшихъ и прочныхъ. Чѣмъ болѣе въ обществѣ способовъ наслаждаться ими, тѣмъ болѣе выгодъ для нравственности; ибо время, употребленное на невинную и даже полезную забаву, которая или доставляетъ намъ новыя свѣдѣнія, или возобновляетъ старыя въ нашей памяти, напрасно не потеряно. Мы предохранили себя отъ скуки со всѣмъ ея порожденіемъ, отъ злословія, отъ вѣстей, отъ льстивыхъ увѣреній. Будемъ чистосердечны и скажемъ, что мы небогаты еще способами доставлять себѣ разнообразныя удовольствія сего рода. По крайней мѣрѣ утѣшительно видѣть, что многія особы, по званію и по лѣтамъ почтенныя, вниманіемъ своимъ даютъ примѣръ, и ободряютъ младшихъ къ полезнымъ занятіямъ. Примѣръ уважаемыхъ людей великое дѣло: имъ охотно слѣдуютъ въ предрассудкахъ; но съ какою ревностію стали бы подражать имъ въ ободреніи опечистившихъ талантовъ,

въ усовершенствованіи природнаго языка, въ распространеніи знаній и вкуса, въ желаніи находить у себя и подлѣ себя удовольствія для разума и сердца, въ рѣшишельномъ намѣреніи не быть толмачами иностранцевъ и на первой разѣ хотя симъ способомъ заставишь ихъ уважать языкъ нашъ и народное достоинство!

Всѣ тѣ, которые пользуются приятными чтеніями господина Мерзлякова и находятъ въ нихъ свое удовольствіе, обязаны справедливою признашельностію Его Сіятельству, Князю Борису Владиміровичу Голицыну, какъ главному споспѣшествовавшему въ семъ добромъ дѣлѣ. Любя науки, и въ особенности словесныя, оубо склонилъ Профессора взять на себя трудъ преподаванія, пригласилъ слушательницъ и слушателей, приготовилъ домъ для собранія, словомъ сдѣлалъ все нужное для перваго и выгодное для послѣднихъ. К.

При сей книжкѣ прилагается изображеніе прекраснѣйшей площади, находящейся въ Римѣ, въ городѣ, которой почти со времени основанія своего даже до нынѣ привлекаетъ на себя вниманіе цѣлаго свѣта. Мѣсто сіе называется *народною площадью* Piazza del popolo и примыкаетъ къ *народнымъ вратамъ*, которыя въ древности извѣстны были подъ именемъ Porta Flaminia. Оно достойно примѣчанія по тому наиболѣе, что на немъ, близъ церкви Богородичной, стоитъ славный обелискъ, при Императорѣ Августѣ изъ Египта въ Римъ привезенный и со временъ отдаленнѣйшей древности находившійся въ Египетскихъ Оивахъ. По распоряженію нынѣшняго правительства

на площади народной заложены будущь прекрасныя дорожки и улицы, удобныя для прогулокъ.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Въ одной новой книгѣ, сочиненной на Французскомъ языкѣ Графомъ Есшерни, прежде бывшимъ Камергеромъ Короля Виртембергскаго, и названной *Смѣсю литературы, исторіи и словесности*, особливо нравится намъ нѣкоторое мѣсто, которое сообщаемъ шеперь читателямъ. Разомошрѣніе сей книги помѣщено въ Журналъ Имперіи, гдѣ высказаны и мнѣнія сочинителя, для насъ довольно странныя и даже совсѣмъ новыя. Тамъ написано, на примѣръ, что изобрѣшеніе книгопечатанія есть причина великихъ бѣдствій; но ешо пропустимъ; довольно знашь, что авторъ вѣруеть въ Руссо и слѣдственно почитаетъ за святой долгъ подражать въ странностяхъ Женевскому философу. А вошъ что весьма забавно: сочинитель увѣряеть, будто старики сдѣлались несчастны съ тѣхъ поръ какъ изобрѣшено книгопечатаніе! Послушаемъ самаго г. Есшерни; онъ доказываетъ мнѣніе свое умно и просто. „Всѣмъ извѣстно, въ какомъ уваженіи были старики у древнихъ: имъ во всемъ давали преимущество; для нихъ назначались почетнѣйшія мѣста въ театрахъ, и какъ скоро они появлялись, то молодые люди вспавали съ мѣстъ, воздавая должное почтеніе достоинству ихъ возраста; старики были наставниками народа; юноши собирались

„вокругъ ихъ, учились и пользовались уро-
 „ками опытности. . . . Пока рукописныя кни-
 „ги были рѣдки и дороги, до тѣхъ поръ люди
 „болѣе имѣли нужды въ знаніяхъ одинъ дру-
 „гаго, всѣ же вообще имѣли нужду въ знані-
 „яхъ и опытной мудрости почтенныхъ стар-
 „цовъ. Напрощивъ того нынѣ всякой ду-
 „маешь, что у стариковъ нечему учиться,
 „ибо въ самомъ дѣлѣ книги заступили ихъ мѣ-
 „сто; теперь уже болѣе не ищутъ стариковъ,
 „потому что мудрость ихъ, свѣдѣнія и пло-
 „ды долговременной опытности перешли въ
 „книги и съ ними вездѣ разбросаны. Молодой
 „человѣкъ имѣетъ у себя подъ рукою двад-
 „цать стариковъ въ двадцати разныхъ слова-
 „ряхъ, съ которыми онъ совѣщается въ
 „случаѣ надобности. При хорошей памяти и
 „съ дерзостью, онъ забрасаетъ словами пожи-
 „лаго человѣка, которой мало говоритъ и
 „много думаетъ. Юноша не знаетъ сего разли-
 „чія, и замѣшательство старика почитаетъ
 „за безсиліе разума. потомъ начинаетъ и
 „презирать его. Благодаря книгопечатанію, ко-
 „торое переиначило все, теперь молодой че-
 „ловѣкъ преподаетъ наставленія старцу.“

✱

Датской Король поручилъ двумъ ученымъ
 мужамъ въ печеніе осми лѣтъ издать *Едау*
 извѣстнаго среднихъ вѣковъ сѣвернаго писа-
 теля Снорро Стурлезона. Надѣются, что сія
 книга очень многое объяснитъ въ исторіи
 сѣвера.

✱

Славенская богиня любви *Ладѣ* или *Ледѣ*
 почитаема была (какъ богъ Перунъ, хотя нѣ-
 сколько подъ отличными названіями: Перкунъ,
 Поркуносъ, Перкунустъ) у Липовцовъ, у Леш-

повѣ и у Курешовѣ или Курляндовѣ. Въ одномѣ экземплярѣ Кромеровой исторіи, находящемся въ Рижской публичной библиотекѣ, на краю листа написано стариннымъ почеркомъ слѣдующее: „Etiam nostra memoria Litthuanii, ut et Lettones et Curetes, invocant Ledonem vel Lidonem circa festum Iohannis. Tum ex antiqua superstitione fontes floribus et arborum foliis corollant et herbas colligunt quas in omnibus morbis salutiferas putant.“ Т. е. И. въ наше время Липовцы, равно какъ Лешпы и Кури, призываютъ Ледо или Лидо около Иванова дня. Тогда по старинному суевѣрью украшаютъ они цвѣтами и древесными листьями источники, и собираютъ травы, которыя почитаютъ полезными для всякой болѣзни.

У. ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе заграничныхъ происшествій.

Изъ Парижа, отъ 20 Февраля, н. ст.
Съ 1800 года предположено устроить въ Имперіи Французской 18 большихъ дорогъ, вырыть 30 каналовъ, между коими 7 изъ самыхъ большихъ уже готовы. Припомъ осушено отъ 50 до 60 тысячъ десятиинъ болотной земли, и заложено 25 новыхъ торговыхъ гаваней.

Министръ мануфактуръ и коммерціи, Графъ де Сюсси, предписалъ всѣмъ Префекушамъ спараться о заведеніи хотя по одной свеклосахарной фабрикѣ въ каждомъ Департаментѣ Французской Имперіи. (Съв. П.)

Отъ 3 Марта, н. ст. Минувшаго Февраля 7 числа Маркизъ Рио-Миланосъ, Губернаторъ провинціи Гвадалаксары, съ 1100 человекъ разбилъ 3500 инсургентовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Емечинда, и чинившихъ въ сей провинціи грабительства; при семъ случаѣ взято въ плѣнъ 25 Офицеровъ и около 1000 человекъ рядовыхъ, прочіежь или убиты, или ранены. Въ Королевствѣ Валенціи спокойствіе возстановлено совершенно.

✱

Съ береговъ рѣки Майна, отъ 4 Марта, н. ст. 29 Числа Февраля прибыли изъ Франціи во Франкфуртъ на Майнѣ 4й Французской егерской и 3й гусарской полки. — Графъ Готторпскій отправится изъ Базеля въ Цурихъ.

✱

Веймаръ, отъ 8 Марта, н. ст. На сихъ дняхъ прибылъ въ Erfurtъ Герцогъ Ельцингенскій (Маршалъ Ней). 13 Числа сего мѣсяца, какъ уже о томъ предварительно извѣщено было, начнутъ проходить чрезъ здѣшнія владѣнія разныя дивизіи войскъ; а сверхъ сего въ нашей землѣ поставленъ будетъ поквартирамъ на неопредѣленное время корпусъ, изъ 5000 человекъ состоящій (въ числѣ коихъ 1600 человекъ конницы и артиллерійскій обозъ). Сюда ожидаютъ Генерала Себастьяни съ Генералъ-Штабомъ. Повозки и навьюченные мулы съ принадлежащимъ Императору Напо-

леону багажемъ прошли чрезъ здѣшній городъ. Слѣхъ, что Ея Величество Императрица Французская сопровождать будетъ своего супруга, и во время пребыванія его въ Варшавѣ, останешся въ Дрезденѣ, еще не подтвердился.

✽

Берлинъ, отъ 3 Марта, н. ст. Минувшаго Февраля 29 числа пробѣжалъ чрезъ здѣшній городъ Баронъ Сердобинъ, въ качествѣ Россійско - Императорскаго курьера, изъ Парижа въ Санктпетербургъ.

Штетинъ, отъ 10 Марта, н. ст. Сего мѣсяца 8 числа прибылъ сюда изъ Гамбурга Князь Екмюльскій (Маршалъ Даву) съ большею часпю своего Генераль - Штаба!

✽

Бернъ, отъ 20 Февраля, н. ст. Ландаманъ Швейцаріи приказалъ сообщить во всѣ Кантоны списки пойманныхъ въ 1811 году въ Кантонѣ Бернскомъ дезертирамъ (всего сорокъ человекъ) изъ Швейцарскихъ полковъ, во Французской службѣ находящихся; и при томъ далъ повелѣніе всѣмъ Кантоннымъ Правленіямъ наблюдать въ точности предписанія, относящіяся до шаковыхъ бѣглыхъ солдатъ, и въ томъ паче, что Франція жалуется на слабое исполненіе оныхъ предписаній и пребуетъ, чтобы Швейцарія на мѣсто бѣжавшихъ солдатъ прислала другихъ, и проч.

✽

Вѣна, отъ 26 Февраля, н. ст. Полки, выступившіе въ половинѣ минувшаго Января въ Галлицію, весьма довольны, потому что всѣ свѣстные припасы и другія вещи продаются тамъ гораздо дешевле, нежели здѣсь.

Его Величество Императоръ нашъ, желая, чтобы существующіе противъ азартныхъ игръ узаконенія были наблюдаемы въ самой точности, повелѣлъ спрожайшимъ образомъ наказать одно общество Офицеровъ, которое полиція застала въ семъ занятіи.

*

Лондонъ, отъ 13 Февраля, н. ст. Въ послѣднемъ Но нашихъ Вѣдомостей (сказано въ Журналъ *Статесманъ*); мы увѣдомилъ публику, основываясь на извѣстіяхъ, полученныхъ нами отъ первыхъ Англійскихъ купеческихъ домовъ, что съ фрегатомъ *Конституціонъ* отправленъ въ Америку оборонительный прахтавъ, заключенный между Франціею и Соединенными Американскими Штатами. Также и наше правительство, по носившимся здѣсь недавно слухамъ, получило извѣстіе, что *Наполеонъ* намѣренъ послать Шельдскій флотъ, только съ половиною экипажа, прямо въ Америку, съ тѣмъ чтобы другая половина оного дополнена была Американскими матросами. Однакожъ извѣстіе сіе было опровергаемо въ министерскихъ Журналахъ. Не смотря на сіе, мы получили увѣдомленіе отъ самыхъ вѣрныхъ людей, что *Наполеонъ* дѣйствительно хочетъ отправить въ Американскіе Соединенные Штаты нарочитое число военныхъ кораблей, не всѣ вмѣстѣ, но отдѣльными эскадрами, дабы оныя могли удобнѣе укрыться отъ бдительности нашихъ крейсеровъ. Сіи обстоятельства служатъ неоспоримымъ доказательствомъ, что *Наполеонъ* успѣлъ преклонить на свою сторону правительство Соединенныхъ Штатовъ. Для отвращенія сего новаго несчастія, Министры наши опредѣлили вооружить нѣсколько воен-

ныхъ кораблей, и въ то же время набрать для оныхъ попребное число матросовъ.

Отъ 19 Февраля, н. ст. Срокъ ограниченія, съ каковыми Принцу Регенту предоставлено было управление Королевствомъ, вчера кончился. Его Высочество, давъ знать Парламенту, что онъ Лорда *Веллингтона* возвелъ въ достоинство *Графа*, предложилъ назначить ему 2000 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго пенсіона. Генералы *Грагамъ*, *Килль* и *Ахмуши* пожалованы будущъ Кавалерами *Ордена Бани*.

Маркизъ Веллеслей сложилъ съ себя должность Государственнаго Секретаря иностранныхъ дѣлъ. Думаютъ, что мѣсто его займётъ Лордъ *Кастлерезъ*.

Въ письмахъ, полученныхъ здѣсь изъ Португальской арміи, увѣдомляютъ, что тамъ ожидали скорого сраженія съ Генераломъ *Мармонномъ*, который, по мнѣнію Лорда *Веллингтона*, готовился напасть на его позицію въ *Каллегосъ*.

Отъ 20 Февраля, н. ст. Управление Департаментомъ иностранныхъ дѣлъ поручено на время Лорду *Ливерпулю*, который однако же не оставилъ Военнаго Департамента. Слухъ, что мѣсто *Маркиза Веллеслея* займётъ Лордъ *Кастлерезъ*, все еще продолжается.

Заподлинно извѣстно, что нынѣшній первый Лордъ Казначейства и Канцлеръ Казначейства, также Лордъ Канцлеръ, Государственный Секретарь Военнаго Департамента, Президенты Департаментовъ Контрольнаго и Коммерціи останутся при своихъ мѣстахъ по прежнему.

По письмамъ изъ Америки, Генераль *Riанъ* занялъ *Мексикку*, и республиканцы озладѣли Провинціями *Монтейскою* и *Невъ - Еенскою*, со всѣми находящимися тамъ рудниками.

Отъ 25 Февраля, н. ст. Новое министерство наше еще не совсѣмъ учреждено. Вчера въ три часа Лордъ Виконтъ *Кастлерефъ* былъ въ Карлтонъ-Гаузъ, гдѣ Его Высочество Принцъ Регентъ вручилъ ему печать, какъ первому Государственному Секретарю по части иностранныхъ дѣлъ. Герцоги Норд-Фольскій и Бедфордскій имѣли у Принца Регента аудіенцію. (С. П. В.)

О Ш И Б К И

въ № 6 Вѣстника Европы 1812 года

напечат.

читай:

Стран. Стр.

82 26 мастеръ - - изъ мастеровъ

89 21 было непримѣш- не было примѣшно
но

127 13 слова - - - слова

— 23 Heinesii - - Heinescii

— 31 delicacioris - delctacioris.

При семъ номерѣ картинка.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 8. А П Р Ъ Л Ъ 1819.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Товія Вилтъ.

Господинъ Товія Вишпъ родился въ одномъ небольшомъ городѣ — и дальше сосѣднихъ деревень нигдѣ не бывалъ; однакожъ онъ зналъ свѣтъ болѣе нежели иной путешественникъ, промывавшій все имѣнїе свое въ Парижѣ или Неаполѣ. Онъ имѣлъ привычку рассказывать всякаго рода происшествія, которыя въ своей жизни случалось ему видѣть. Хотя въ нихъ и не примѣчали стихотворческой замысловатости, однако много находили опьяненности. Онъ рассказывалъ обыкновенно по два происшествія за однимъ разомъ.

Однажды молодой знакомецъ его, господинъ Тиллъ, хвалилъ его благоразуміе.

И! сказалъ почтенный старикъ Товія, улыбаясь: не ужели въ самомъ дѣлѣ я шакъ благоразуменъ?

„Такъ люди говорятъ, г. Вишпѣ; да я и самъ очень желалъ бы. . . .“

Ну чтожъ? когда желаешь, то ни чуть не мудрено сдѣлаться благоразумнымъ. Наблюдай только прилѣжные поступки глупцовъ, господинъ Тиллъ!

„Что! поступки глупцовъ?“

Да, господинъ Тиллъ! и дѣлай пропивное тому, что они дѣлаютъ.

„А какъ бы на примѣрѣ?“

А вотъ какъ: Во время молодости моей жилъ у насъ въ городѣ арнемешчикъ, старикъ угрюмой и суровой; звали его господиномъ Вейшомъ. Онъ обыкновенно ходилъ взадъ и впередъ, ворчалъ самъ про себя, и ни съ кѣмъ въ жизнь свою не говорилъ; а чтобы смотрѣть кому въ лице — унаси Боже! Онъ посматривалъ вокругъ себя изъ подлѣбья съ пасмурнымъ видомъ. Теперь отгадай, господинъ Тиллъ! какъ его называли? —

„Преумною головою.“

Какъ бы не такъ! — дуракомъ. — Нѣтъ! думалъ я про себя — Вейшу нечего подражать, — названье дурака не ле-

стно. Смотришь изъ подлбья — епо не
годиши ; смотри людямъ прямо въ лице !
Или бормошани съ самимъ собою ! къ чему
епо приспало ? Лучше разговаривай съ дру-
гими ! — Какво епо тебѣ кажется , го-
сподинъ Тилль ? Хорошо ли я думаль ? —

„Очень хорошо ! какъ не лзя лучше!“

Погодижъ и слушай. Тогда же вертѣл-
ся у насъ другой молодчикъ ; епо былъ
шанцмейстеръ , господинъ Флинкъ. Онъ
всѣмъ смотрѣлъ примехонько въ глаза и
болшаль со всякимъ , кто шолько не глухъ
былъ. Что бы ны думаль , господинъ Тилль ?
какъ его называли ?

„Конечно весельчакомъ ?“

Чушь не загадалъ. Его называли глу-
цомъ. Мудрено на свѣтѣ ! думаль я про
себя. Да чшожъ надобио дблать , чшобы
слышь между людьми умнымъ ? -- Не бышь
ни господиномъ Вейпомъ , ни господи-
номъ Флинкомъ. Во первыхъ : смотри лю-
демъ съ приснойною смѣлстїю въ глаза ,
какъ господинъ Флинкъ — и тогда же
смотри внимательно въ самого себя , какъ
господинъ Вейпъ. Во вторыхъ : говори
громко съ людьми , какъ первой , и въ епо же
время бесѣдуй шайкомъ самъ съ собою ,
какъ послѣдній. — Видишь ли , господинъ

Тилль? Я такъ поступалъ въ жизни своей — и люди зовутъ меня благоразумнымъ.

Нѣкогда побѣтилъ его одинъ молодой купецъ, господинъ Флавъ, и горько жаловался ему на свое несчастіе. — Ну чпожь? сказалъ спарой Виштъ, качая сѣдою головою: надобно искашь счастья, господинъ Флавъ!

„Я давно ищу его, да не нахожу? бѣда за бѣдой! Придется, сложа руки, сидѣть дома.“

Совсѣмъ не по, не по господинъ Флавъ! всякому надобно искашь счастья; но не всякой знаетъ, какъ держашь голову.

„Какъ держашь голову?“

Да, господинъ Флавъ! именно голову! Изволь, я тебѣ извѣсню епо. — Когда мой сосѣдъ на лѣвой сторонѣ строилъ себѣ домъ, вся улица завалена была камнями и бревнами; на пошъ разъ случись придти нашему Бургомиспру, господину Трику; — тогда онъ еще, былъ младшимъ магисспрапскимъ судьей; онъ бѣгалъ, закинувши назадъ руки, и такъ высоко держалъ голову, что носомъ чуть не досягалъ до облакъ. — Вдругъ спотыкнулся на чурбанъ, переломилъ себѣ ногу, и до сего дня хромаешъ. — Чпо на епо скажешь, любезной Флавъ?

„Спарое присловье! не подымай высоко носа.“

Изволиць видѣть самѣ! Впрочемѣ не надобно и слишкѣмъ низко опускашь носа. — Черезѣ нѣсколько времени пришелѣ на то же мѣсто другой — городской спиховорецѣ, господинѣ Шель, у котораго въ головѣ должны были вмѣщаться и спихи и домашнїя заботы. Воцѣ онѣ шелѣ задумчиво и смотрѣлѣ въ землю; вдругѣ оборвался канатѣ — полетѣли сверху бревна. Отѣ страха бѣдняжка упалѣ въ обморокѣ, сдѣлая болѣнѣ, и пролежалѣ нѣсколько недѣль въ постелѣ. — Примѣчай теперь, какѣ до моему должно держашь голову.

„Понимаю, господинѣ Вишнѣ; ни очень высоко, ни очень низко. Надобно во всемѣ держашься середины.“

Угадалѣ. Кто подѣ облакомѣ видить, тотѣ подѣ носомѣ невидить. А кто умветѣ смотрѣть въ верхѣ и въ низѣ и по сторонамѣ; тотѣ всегда идетѣ впередѣ, и не сталкивается съ несчастїемѣ. —

Еще когда-то посѣтилѣ нашего спарика господинѣ Вильсѣ, молодой купецѣ, которой хотѣлѣ для своего оборота попросить у него займы денегѣ. — У меня есть дѣльцо; напередѣ знаю, что выгода отѣ него

будетъ не великая; однако за чѣмъ терять и бездѣлку, когда она сама идетъ въ руки! Я хочу ея воспользоваться.

Такое разсужденіе не понравилось господину Вишну. „А сколько бы по своему, надобно денегъ?“

Немного! суцая бездѣлица! только сотня талеровъ.

„Очень хорошо! Я тебя люблю, и потому; еще намбрень кое-чѣмъ снабдишь тебя, а ещо кое-что иногда стоишь тысячи рейхталеровъ. Оно можетъ обогатить тебя, если только ты самъ захочешь.“

Что бы такое? любезный господинъ Вишнъ! что еще сверхъ сотни талеровъ?

„Ещо маленькая исторія. Во время молодости моей жилъ у насъ въ сосѣдствѣ одинъ купецъ, торговавшій виномъ — великой чудакъ — по имени господинъ Грель. Онъ оиъ пущаго присловья въ конецъ разорился.“

Какъ шакъ? —

„А воиъ какъ: если что у него спрашивалъ: что господинъ Грель! какъ идуть швой дѣла? много ли барыша получилъ? — Бездѣлку, говаривалъ онъ: талеровъ пятнадцать — много ли ещо? — Или когда его спрашивали: что господинъ Грель! много ли

ты потерпѣлъ отъ банкротства? — И говоришь не о чемъ! былъ обыкновенный опившъ Греля: суцую бездѣлку — пятьсотъ шалеровъ. Обстоятельства его были хороши; одна только глупая поговорка его разорила. — Такъ сколькожъ тебѣ надобно, господинъ Вильсъ?“

Мнѣ? — я прошу сто рейхшалеровъ, любезной Вишшъ.

„Да — сто шалеровъ, я было и забылъ; память у меня плохая. — Еще былъ у меня сосѣдъ господинъ Томмъ, который торговалъ хлѣбомъ; ешотъ, употребляя другую поговорку, выстроилъ себѣ домъ въ два ешажа съ анбарами. Каково ешо тебѣ кажешся?“

Богу шакъ было угодно! Какаяжъ ешо поговорка? —

„А вошъ какая. Когда спрашивали его: каково идушъ швои дѣла, господинъ Томмъ? сколько напорговалъ? — Много! всегда опивчалъ онъ: очень много! — можно было чашать на лицѣ его сердечную радость; — цѣлые сто рейхшалеровъ! — А если его кто спрашивалъ: что съ шобою сдѣлалось? что ты шакъ приунылъ, господинъ Томмъ? — Ахъ, я много потерялъ денегъ! говаривалъ онъ: очень много! цѣлые пятнадцать рейхшалеровъ. — Онъ начиналъ съ малаго — и съ своею поговоркою выстроилъ себѣ домъ

въ два ешажа съ амбарами. Какое тебѣ при-
словье лучше нравится, господинъ Вильсъ?“

Разумѣется послѣднее !

„Но мнѣ кажется, что и господинъ
Томмъ не совсѣмъ былъ правъ съ своею по-
говоркою. Ибо онъ говаривалъ *много де-
негъ!* и тогда какъ давалъ неимущимъ,
или правительству; а тогда бы онъ могъ
говорить, какъ другой сосѣдъ мой, госпо-
динъ Грель. — Я, господинъ Вильсъ, для
себя замѣнилъ обѣ поговорки; употребляю
ихъ, смотря по времени и по случаю, и го-
ворю иногда какъ господинъ Грель, иногда
какъ господинъ Томмъ.“

А я такъ буду держаться поговорки
господина Томма. Мнѣ по сердцу домъ въ
два ешажа съ амбарами.

„И такъ тебѣ надобно? . . .“

Много денегъ — много денегъ, любез-
ной господинъ Вишъ! цѣлая сотня рейхс-
шалеровъ !

Хорошо! господинъ Вильсъ, хорошо!
ты получишь деньги. Только знай; когда
случится у приятеля просить въ заемъ де-
негъ, то надобно говорить, какъ господинъ
Томмъ; а ежели должно приятелю помочь
въ нуждѣ, то говори какъ господинъ Грель.

Изъ Свѣтс. Философа Ив. Сигревъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Призваніе Сильвіи.

(*Фантазія.*)

Тыль, Сильвія, мой духъ хранишь,
Луны препенущимъ лучемъ
Проникнувъ въ спящую обитель,
Меня преревожишь въ снѣ моемъ ?

Тыль образъ красоты безплодной ?
Мечпаньели души моей ?
Или, возставъ изъ сѣни гробной,
Ты вѣстникъ радостный для ней ?

Тыль съ свѣтлою звѣздой востока
По небу тихому печешь,
И оплученнаго далеко
Къ себѣ соупущника зовешь ?

Носись невидимою тѣнью,
Являйся въ темношѣ ночей,
Не къ страху друга — къ утѣшенью,
Бесѣдуй съ скорбію моею !

Умѣрь тоски его перзанье,
Томленье сирья любви ;
Промей надежду на свиданье
И вѣры пламень обнови !

Твой видъ съ его слянный духомъ
Пусть всюду онъ несетъ съ собой,
Вездѣ пусть ловитъ жаднымъ слухомъ
Ему знакомый голосъ швой.

*

Носись надъ спящими водами,
Блуждай по синевѣ небесъ,
Вспавай съ луною за холмами,
Смотри съ зарей сквозь частый лѣсъ!

*

Живи въ моей мечтѣ опрадной,
Летай надъ мною въ пихомъ снѣ,
Не дай шокѣ гнѣздишься гладной
И скорби ропота во мнѣ!

М. Милоновъ.

Къ лордпрему Фридриха Великаго.

Сей смертный помрачилъ сіяніе короны,
Природы всѣ дары во зло употребилъ.
Ему дивилися — и гибли миллионы!
Онъ добродѣтель пѣлъ — и бичь Европы былъ!
Поступками тиранъ, философъ размышлень-
емъ,
Величіе снискалъ единымъ преступленьемъ;
Имъ свѣтъ опустошась, его боготворилъ.

Съ Франц. М. Милоновъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Объ Исторіи.

(Изъ Всля.)

Весьма странно, что писатель, ко-
рой хочеть свяшо наблюдать правила Ис-
торіи, легко можетъ прослыть сатирикомъ.
Развращеніе нравовъ столь велико какъ въ
свѣтѣ пакъ и въ монастыряхъ и въ дру-
гихъ священныхъ убѣжищахъ, что чѣмъ
вѣрнѣе и справедливѣе стараешься описать
случившіяся происшествія, тѣмъ болѣе
подвергаешься опасности быть сочи-
лемъ ругательнаго пасквиля. Безъ сомнѣ-
нія между Исторіею и Сатирою есть больша-
я разница; но и сходство между ними
также не малое. Ежели съ одной стороны
опиашь у Сатиры сію колкость и желчь,
которыя заглавлиють думашь, что лич-
ность а не любовь къ добродѣтели управ-
ляла сатирикомъ; ежели съ другой возложить
обязанность на себя жаднокровоно описы-
вать добродѣтели и пороки людскіе: то
еще будетъ уже не Сатира, а Исторія.
Равномѣрно, если историкъ поставиць се-

бѣ правиломъ разсказывать безъ утайки всѣ пресупленія, всѣ слабости и безпорядки людей; но сочиненіе его будетъ походить болѣе на Сапиру, нежели на Исторію, особливо, если злодѣянія ихъ разсказываетъ онъ съ жаромъ; а я не думаю, чшобъ онъ историка пребовалось такое же хладнокровіе, съ какимъ судья подписываетъ смерщный приговоръ убійцамъ и разбойникамъ. Нѣкоторыя размышленія, писанныя слогомъ довольно сильнымъ, иногда весьма кспати въ Исторіи (*).

Одинъ изъ славнѣйшихъ Аѳинскихъ ораторовъ (**) замѣчаетъ, что въ опечестивъ его писатели чрезвычайно любили прославлять сраженія и храбрость Геркулеса, а ни слова не говорили о другихъ его достоинствахъ, какъ-то о благоразуміи, справедливости и знаніяхъ, которыя заслуживающъ несравненно болѣе похвалы нежели сила. Ешо замѣчаніе показываетъ дурной вкусъ ума человѣческаго. Ораторы угождали ему по той причинѣ, что сами пльнялись болѣе блестящимъ нежели основательнымъ, и думали, что ихъ охотнѣе станушъ слушать или читать, когда они будушъ разсказывать сраженія, нежели про-

(*) Dictionnaire histor. et crit. Art. Bruschius, rem. D.

(**) Исократъ.

славляпть мирныя добродѣтели. Горацій весьма умно замѣчаетъ сіе, предполагая, что пѣннн сѣ восхищеніемъ слушали пѣсни Саффы и Алкея; но сему послѣднему удивлялись гораздо болѣе, потому что въ стихахъ своихъ воспѣвалъ онъ войны, сильныя поприсенія государствъ, ссылки, казни и пому подобное (*).

Сверхъ того должно замѣтить, что умъ и дарованіе писателя являются во всемъ блескѣ тамъ, гдѣ повѣснвается о сверженіи Царей сѣ престоловъ за ихъ мучительства, объ укрощеніи чудовищъ, однимъ словомъ о временахъ безначалія и ужаса; а не тамъ гдѣ предсказывается взорамъ читателя цѣпь однообразныхъ происшествій (**). Историкъ, имѣющій недоспашокъ въ доснопамятныхъ случаяхъ, засы-

(*) *Utrumque sacro digna silentia
Mirantur umbrae dicere; sed magis
Pugnas et exactos tyrannos
Densum humeris bibit aure vulgus.*

(**) Доказательствомъ истины сего справедливого и глубокомысленнаго замѣчанія могутъ служить весьма многіе бытописатели. На примѣръ, въ Левекѣ самое краснорѣчивое мѣсто, писанное сѣ истиннымъ историческимъ жаромъ, есть смерть самозванца Димитрія, бурное царствованіе Шуйскаго и междуцарствіе, продолжавшееся до избранія на Московской престолъ Михаѣ

паешѣ, писавши свою испорію, и заспа-
вляешѣ зѣвань чипашелей; но одна между-
усобная война, два или при заговора, столь-
ко же кровопролитныхъ сраженій, тѣ же
самые народовластители, по близкіе къ
паденію, по оныѣ собраншіеся съ силами,
остряшѣ умѣ писателя, воспаменяющѣ
его воображеніе, и не дающѣ чипашелямъ
перевесити духѣ. Я право думаю, еслибѣ за-
спавить его писать испорію царствованія
мирнаго, то онѣ почти такъ же жаловался
бы на свою участь, какъ Императорѣ Кали-
гула, что при немѣ не случилось никакого
достопамятнаго несчастія: *queri etiam ra-
ram de conditione temporum suorum solebat,
quod nullis calamitatibus publicis insigneren-
tur* (с). Опущеніи, общественныя бѣд-
ствія суть лучшія мѣста для пера испо-
рика, и придающѣ больше блеска его быпо-
писаніямъ. Если онѣ человекѣ честной,
то ему жаль главной Веспалли, которая
при Домиціанѣ живая была погребена. Онѣ
гнушается тираномъ, которой для того
чтобѣ чѣмъ нибудѣ прославилъ свое цар-
ствованіе, столь безчеловѣчно поступилъ

кла Θεодоровича Романова, котораго мирное
царствованіе, спасшее Россію отъ явной гѣ-
бели, описано съ такою же вѣрностію, съ
какимъ жаромъ описанъ сей промежутокъ
убійствъ и вѣроломства. *Переводъ.*
{с) Sveton. in Caligula. Cap. 31.

съ сею несчастною (*). Не смотря на по-
мѣсно, сѣе весьма благопріятно для его пе-
ра, и есть одно изъ лучшихъ. Сочиненіе
историка есть корабль, который плаваешь
благополучно только во время сильнаго ко-
лебанія; буря есть для него попушной въ-
перъ; тишина ему пагубна. Когда исто-
рикъ начинаешь свое повѣствованіе та-
кимъ образомъ какъ Тацитъ: *Opus ag-
gredior optimum casibus, atrox praeliis, dis-
cors seditionibus, ipsa etiam pace, saevum.*
*Quatuor principes ferro interempti: tria bel-
la civilia, plura externa, ac plerumque per-
mixta (**)* и проч.; то можешь быть увѣ-
ренъ, что его съ жадностію будутъ чи-
тать: содержаніе Исторіи его самое любо-
пытное.

Какъ бы то ни было, но это есть до-
казательство развращеннаго вкуса, что мы
предпочитаемъ описаніе военныхъ подви-
говъ мирнымъ, и удивляемся въ герояхъ боль-
ше силъ мышцъ его, удушающихъ вепрѣ
или вола, нежели мужеству духа, дѣлающему
его господиномъ своихъ спрасней, и за-
синавляющему съ пользою служивъ отече-
ству (***)). Сѣе мужество духа не споль

(*) *Ut qui illustrari faeculum suum tali exem-
plo arbitraretur. Plin. ep. XI. Lib. IV.*

(**) *Facit. Historia. Lib. I. Cap. II.*

(***) Не опъ пого ли же происходитъ, что
почти всѣ Государя искали славы въ

славное какъ мужескии пѣла, составляетъ истинное величїе. Достоинства Геркулеса, о которыхъ умолчали Аѳинскїе остроумцы, гораздо больше заслуживаютъ похвалы, нежели всѣ ими прославленные. Но чпожь дѣлать? — они старались угодить вкусу публики.

Замѣтите, что молодые люди читаютъ съ большимъ удовольствїемъ чудныя нежели истинныя исторїи; но когда разсудокъ нашъ созрѣетъ (тѣ лѣтъ), то мы охотнѣе читаемъ Дешу и Мезере, нежели Кальпренеда и Сюдери. Впрочемъ немногіе теряютъ охоту къ исторїямъ, наполненнымъ мятежами и сильными пошрясенїями царствъ, немногіе предпочитаютъ онымъ описанїя мирныхъ происшествїй (*).

однихъ завоеванїяхъ и побѣдахъ, а не въ законодательствѣ и просвѣщенїи, что было бы славнѣйшимъ памятникомъ ихъ вѣка. Разрушительныя слѣды побѣдъ Грековъ и Римлянъ давно уже изгладились на земли; но законы, собранные по повелѣнїю Юстинїана, но бессмертныя произведенїя вѣка Августа и теперь еще живутъ въ памяти людей, и вѣроятно, переживутъ побѣды и завоеванїя какихъ нибудь новыхъ Грековъ и Римлянъ. Какъ бы счастливы были подданные, еслибъ Государи, подобно Филиппу Македонскому, каждое утро вели громко напоминать себѣ: что слава ихъ состоитъ въ мирѣ и правосудїи. *Перевод.*

(*) Art. Hercul. rem. R.

Извѣстной испорикъ Капріата не ждѣтъ ни одному Государю посвященіе своихъ сочиненій, и приписалъ ихъ лучше людямъ часнымъ. Онъ боялся, чтобы посвященіе какой нибудь власни не заставило думать, буди онъ не строго слѣдовалъ правиламъ испоріи. *Нѣтъ Государя, говоритъ онъ; до котораго не касались бы повѣствуемая мною происшествія. И такъ можно бы подумать, что сказанное въ оправданіе того, кому посвященіе я свою книгу, есть низкая лесть; а служащее къ его осужденію или порицанію есть оскорбленіе. Сверхъ того стали бы подозрѣвать, что желаніе войти въ милость къ Государю было уздою для моего языка или шпорами; то есть, что я о чемъ нибудь умолчалъ или что нибудь прибавилъ (*).* Ничто не можетъ быть справедливѣе сего; ибо сколь похвальна была бы искренность испорика; которой за дѣло порицавши поведеніе какого нибудь Государя; столь же непростиительно было бы его неблагоразуміе, еслибы посвящилъ онъ свою книгу тому же Государю, котораго онъ въ ней не пощадилъ. Посвящая ввѣчаннымъ главамъ свое сочиненіе; обыкновенно ко-

(*) Capriata; Epitre dedic. de la 1. part. de son Histoire.

пять у нихъ выпросить или пенсіонъ, или подарокъ; и попому знаютъ напередъ о чемъ надобно говорить и о чемъ молчать; съ правиломъ симъ соображающа въ сочиненіи вездѣ, гдѣ только говорится объ ихъ поступкахъ. Посвятить имъ такую-то исторію не то ли же значить, что объявить прежде всего, что свобода наскучила, и желаешь быть рабомъ? По крайней мѣрѣ не льзя не подозрѣвать сего (*).

Всѣ шѣ, кои знаютъ законы исторіи, согласны въ томъ, что писатель, которой хочешь строго выполнишь свои обязанности, не долженъ ни подѣ какимъ видомъ ни льстить, ни злословить, а сдѣлаться на время совершеннымъ споикомъ, надѣ которымъ никакая спрасъ не имѣла бы ни малѣйшей власти. Равнодушный ко всему прочему, онъ долженъ быть внимателенъ къ сохраненію одной истины, и для нее презрѣть нанесенную обиду, не поминать оказаннаго благодаренія; пожертвованъ ей самою любовію къ опечесству. Онъ долженъ позабыть, въ какой спранѣ онъ родился, въ какомъ исповданіи воспитанъ былъ; кому обязанъ своимъ счастьемъ; онъ даже не долженъ узнавать своихъ родителей и друзей. У такого историка, какъ у Мель-

(*) Art. Capriata, rem. E.

жиседева, нѣтъ ни рода; ни племени. Если его спросишь: откуда ты? Онъ долженъ отвѣчать: я ни Французъ, ни Нѣмецъ, ни Англичанинъ, и пр: я гражданинъ свѣта. Я не служу ни Императору, ни Королю; а служу одной истинѣ: она царица моя; ей присягалъ я въ вѣрности. Я рыцарь; я поклонялся защищать ее отъ обидъ всего свѣта; и вмѣсто орденской цѣпи ношу то же украшеніе, какое носилъ глава правосудія и верховной первосвященникъ въ Египтѣ (*). Все, о чемъ онъ молчитъ, или что выхваляетъ изъ любви къ опечаленію, есть похищеніе правъ исторіи; и сколько достоинъ онъ похвалы за вѣрность свою къ оному, столько же достоинъ осужденія за измѣну истинѣ.

*Dum patriam laudat, damnat dum Poggius
hostem.
Nec malus est civis, nec bonus historicus.
Sanazar.*

Фельдмаршалъ Бассомпьеръ въ замѣчаніяхъ своихъ о Дю-Плеа (Observations contre Du Pleix) жестоко укоряетъ сего историка, за чѣмъ онъ не умолчалъ о любовныхъ связяхъ Маргариты Наваррской, пер-

(*) Circa collum imaginem ex sapphiro gemma confectam gestabat, quae vocabatur Veritas: Aelian: var. histor. libr. VIX. cap. XXXIV:

вой жены Генриха IV. Бассомпьеръ особливо порицаетъ историка, для чего сказалъ онъ, что Маргарита имѣла двухъ побочныхъ дѣтей. Дю-Плей былъ чиновникъ и пенсіонеръ сей Королевы, и ещо было причиною, что Бассомпьеръ такъ жестоко нападаетъ на него: *злая ежидна, говоришь онъ, раздирающая утробу, носившую тебя! червь, почашій ту плоть, въ которой ты зародился! бѣшеная собака, кусающая своего господина!* и пр. Укоризны сіи весьма неосновательны и несправедливы; исторіографъ Дю-Плей не обязанъ былъ платить долгъ за Дю-Плея придворнаго Королевы Маргариты. Какъ исторіографъ, онъ долженъ былъ не помнить милости или благодаренія, и также не мстить за обиду. Обязанность его была описать происшествія точно такъ, какъ они случились; а не рассказывать ихъ иначе, для того чтобъ оправдать друзей своихъ, или обвинить неправдпелей. Отношенія между имъ и испиною были тѣ же самыя, что и между судьями и правосудіемъ. Скажите, не безразсудно ли было бы обвинять въ гнусной неблагодарности судью, что благодаритель его проигралъ отъ него дѣло? Точно также, въ правѣ ли жаловаться и на Дю-Плея, подвпредлогомъ что онъ не упалъ испины, оскорбительной для чести Государыни, при которой онъ служилъ? Не знаешь мѣры чему

нибудь есть по же, что утверждать, будто благодарность должна просираваться до того, чтобъ оинять у другаго имѣнїе, или чтобъ платить свой долгъ чужимъ добромъ. Если вы когда-нибудь были благодарны за оказанную вамъ услугу, то будьте благодарны на свой собственной счетъ, а не на счетъ своего ближняго. Такой-то былъ причиною что вы разбогачили, помогъ вамъ получить ревенгейснерское или предсѣдательское мѣсто; помогите и вы ему своимъ кошелькомъ, если онъ имѣетъ въ немъ нужду, а не рѣшите въ его пользу несправедливаго дѣла. Если онъ выиграетъ оное, то благодаренїе ваше будетъ воровство и нарушенїе самыхъ священныхъ обязанностей. Вы министръ правосудїя; ничто не позволяеть вамъ не соблюсти онаго. Какъ судья, вы не должны быть признапельны за услуги, оказанныя вамъ, когда вы были управителемъ или учителемъ. Принаровленїе всего сказаннаго къ испоріографу, копорой естѣ министръ истины, не совсѣмъ некстати.

Еслибъ въ продолженїе слѣдствїя уголовнаго дѣла дю-Плей онказался свидѣтельствовать противъ Маргариты Валоа, и скорѣе вытерпѣлъ бы пытку, нежели объявилъ о слабостяхъ сей Королевы, у копорой онъ служилъ придворнымъ; то достоинъ

былъ бы всякой похвалы. Въ семъ случаѣ, молчаніе его было бы гораздо похвальнѣе чистосердечнаго признанія. Но писавши Французскую Исторію, онъ уволема былъ отъ всѣхъ обязанностей служителя, и могъ объявить всему свѣту то, о чемъ бы онъ умолчалъ передъ присяжными, избранными для слѣдствія сего дѣла. Признаюсь, что онъ обезславилъ Принцессу Королевской крови; но если для сбереженія чести августѣйшаго дома, изъ котораго она происходила, онъ долженъ былъ молчать; то надлежало бы заключить, что историкъ долженъ хранить молчаніе о всѣхъ заговорахъ, сдѣланныхъ Принцами крови, что, на примѣръ, Гишпанскіе историки не должны говорить ни слова о крамолахъ Дона Карлоса и объ его казни. А какъ ничего не можешь быть сего безразсуднѣе, то слѣдуешь, что Баскомпьеръ несправедливо порицалъ Дю-Плея въ семъ случаѣ.

Если мнѣ возразятъ, что бунты Принцовъ суля дѣла, извѣстныя всему свѣту, и слѣдственно историкъ не можешь обвинять, умолчать; я скажу на это, что любовныя связи Королевы Маргариты въ своемъ родѣ сполько же надѣлали шуму, сколько и частыя предательства Герцога Орлеанскаго, брата Людовика XIII. Весь дворъ зналъ, что Король братъ ея сказалъ ей

между прочимъ, что она родила младенца. Все посланники узнали объ этомъ, и безъ сомнѣнiя писали къ Государямъ своимъ, также какъ Министръ Императора (*). Всей Францiи известна была обида, которую пошлъ же Король (**), на большой дороге сдѣлавъ Маргаритѣ (***) . Слѣдствiемъ сей обиды были жалобы Короля Наваррскаго. Однимъ словомъ, помѣстивъ въ Испорiи то, что пишетъ Дю Плей о любовныхъ связяхъ Королевы Наваррской, совсемъ иное значить нежели рассказывать анекдоты. Забудьте еще, что некоторыя государственныя причины, о коихъ онъ упомянулъ, принудили его объ этомъ сказать. *Я не лишу здѣсь, говоритъ Дю-Плей, похвальныя словъ Государямъ и Государынямъ, а*

(*) Вѣдь что пишетъ Бусбекквiй въ письмѣ своемъ отъ 27 Августа 1583 года къ Императору: *Rex sororem suam, Regnam Navarriae, palam multis audientibus graviter increpuit, quod vitam degeret turpem, et flagitiis contaminatam. Commemoravit memoriter moechorum introductiones, quibus illa consuevisset; etiam puerum sine mariti opera natum objectavit.* — Busbecquius ep. XIII ad Rudolph. II. Imperatorem.

(**) Генрихъ III.

(***) О семъ свидѣтельствуемъ Палесо (Palaisseau): „Обътеживали носилку Маргариты; принудили ее снять съ себя маску; сняли у ней аптекаря, лѣкаря и другихъ придворныхъ служителей.“

справедливую исторію, въ которой должны были видны ихъ добродѣтели и пороки, дабы преемники ихъ, боясь подобнаго пятна для своей памяти, подражали ихъ похвальнымъ поступкамъ, а чуждались дурныхъ. Припомъ же и политическія причины требовали, чтобъ уломянуть о сихъ незаконныхъ дѣлахъ, рожденных послѣ развода; потому что иначе они могли бы прольются законными, хотя никогда не хотѣли наказать, какъ самозванца, сего монаха, которой столь долгое время выдавалъ себя (что онъ и нынѣ еще дѣлаеть) за сына королевы Маргариты (*). Вотъ самое лучшее оправданіе. Забъште также, что многіе порицали Дю-Плея за то, что онъ помѣсчилъ еще въ свою исторію; но ни одинъ изъ нихъ не сказалъ, чтобъ это была клевета. Порицанія свои они не простирали далѣе того, что надлежало бы сѣи слабости прикрыть завѣсою молчанія. А какъ нашъ историкъ имѣеть нужду въ оправданіи, что онъ смѣлъ обнародовать подобныя испины, и оправдавшись, оставилъ всѣ сѣи мѣста въ своемъ сочиненіи, которое нѣсколько разъ перепечатано было съ одобренія цензуры,

(*) Du Pleix, Histoire de Louis XII.

что изъ сего мы и можемъ заключить, что
 сїи дѣла должны почитаться справедливы-
 ми, и съ еной стороны Дю Плей заслужи-
 ваетъ не малую похвалу; ибо можно ска-
 зать, что онъ болѣе всѣхъ способствовалъ
 тому, что происшествія сїи признаны до-
 словѣрными. Сапиры г-на дѣОбинье не мо-
 гли бы почтеться достопащнымъ свидѣтель-
 ствомъ; но когда они утверждены всенаро-
 днымъ признаніемъ историка, который
 былъ изъ числа домашнихъ людей сей Ко-
 ролевы; то никакъ не лзя въ нихъ со-
 мнѣваться. Чего недостаетъ до словѣрно-
 сти ихъ? Историкъ жилъ въ то же время,
 и былъ придворный служитель сей Госуда-
 рыни; онъ отдавалъ всю должную справед-
 ливость ея похвальнымъ поступкамъ. Его
 порицали не за то, будто онъ напрасно по-
 носилъ ее, а за чѣмъ не пощадилъ. Онъ
 не только не оприцался отъ етого, но по-
 мѣстилъ въ новомъ изданіи сказанное имъ
 въ прежнемъ. Пусть сколько хотятъ опи-
 раются на молчаніе другихъ историковъ,
 которыхъ было множество, и на похвалы,
 распускаемыя ими Маргаритъ; они никогда
 не заспаиватъ сомнѣваться въ истинѣ сего
 происшествія. Ибо надобно замѣтить, что
 самые льстецы не смѣли утверждать,
 чтобъ она была образцемъ цѣломудрїя; они
 только не говорятъ объ етомъ ни слова.
 Еслибъ они утверждали, что она вела себя

весьма цѣломудренно; въ такомъ случаѣ они соспавили бы заговоръ, родъ раскола въ историческомъ свѣтѣ, и произвели бы сомнѣнїе; а въ исторїи и безъ того сомнѣтельныхъ мѣстѣ весьма довольно (*).

Давно негдую я на историка Юсифа Человѣка, который явно исповѣдывалъ Иудейской законъ, основанный на божественномъ писанїи, смѣлѣ происшествїя рассказываетъ иначе, нежели какъ повѣствуетъ о нихъ въ Священной Исторїи. Онъ перемѣняетъ, прибавляетъ, пропускаетъ разныя обстоятельствова, перемѣшиваетъ порядокъ во многихъ происшествияхъ, однимъ словомъ держаетъ иногда изобличать во лжи священныя книги, какъ будто у него были записки върнѣ Моисея и другихъ боговдохновенныхъ писателей. Сносно ли это въ историкѣ? и не должно ли заключить, что Юсифъ или нимало не заботился о томъ, что онъ соблазняетъ симъ народъ свой, или онъ думалъ, что мнѣнїе его о томъ, будто въ священныхъ писанїяхъ находящїя историческїя ошибки, и сдѣлственно не Духъ Святой внушалъ ихъ, было общее между Иудеями? Онъ весьма заслуживаетъ жестокую укоризну, сдѣланную ему Теодоромъ Безскимъ: Hoc ego semel

(*) Art. Usson, rem. F.

pronuncio, . . . si verus est multis locis Josephus, mentitum esse multis locis Mosem, et sacros omnes scriptores. Sed non potius istos pro veris ipsius Dei interpretibus, illum vero pro sacerdote rerum sacrarum valde imperito, atque etiam negligente et profano scriptore habebimus (*)? Я думаю, что все древніе историкѣ спольже вольно обходились со старыми рукописями, изъ коихъ почерпали свои свѣдѣнія. Они дополняли ихъ, и не находя въ нихъ причинъ происшествіямъ, украсили, какъ стихотворцы, своимъ воображеніемъ, распространили и представили въ помъ видѣ, въ какомъ угодно имъ было; а мы теперь всему этому вѣримъ, и почишаемъ истинною исторією (**).

Отступленія частыя и чуждыя главнаго содержанія суть пороки въ бышопишашель; однакожь изъ сего не слѣдуетъ, что никогда не надлежало прерывать повѣствованія: не знаешь ни въ чемъ мыры значить порицать и доброе. Одинъ древній кристикъ (***) весьма благоразумно замѣтилъ, что между сими двумя крайностями есть середина. Онъ оуждаешъ Фи-

(*) Theod. Beza, Respons ad Baldium oper. Tom. II.

(**) Art. Abimelech, rem. С. См. примѣчаніе.

(***) Théon.

дисша, Греческаго испорика, за то, что въ нёмъ нѣтъ ошсупленій, копорья служашъ для чипашеля отдыхомъ. Онъ правъ; немного разнообразія нужно во всякомъ произведеніи ума, и потому замѣчено, что самыя правильныя писашели не суть самыя любимыя. Я могъ бы указать на испориковъ, копорыхъ чипадъ звающъ, хотя въ сочиненіяхъ ихъ строго соблюдены всѣ правила: важной и обильной мыслими и нравоученіемъ слогъ; повѣствованіе, не запушанное множествомъ маловажныхъ происшествій; ни одной мѣлочи, или подробности, ни одного ошсупленія; всегда на прямой дорогѣ, какъ на ближайшей. Другіе писашели, выходя изъ предѣловъ важности языка и содержанія, и безъ зазрвнія совѣсти уклоняясь отъ своего пути, чинобъ дань мѣсто какой нибудь вводной повѣсти, пишущъ испорію ищче; ее чипашущъ хотя и безъ скуки, но перескачущъ чипашъ, по тому что одна повѣсть кончилась и начинаещя другая.

Я не изслѣдываю, служилъ ли ешо доказательствомъ шого, что правила или умъ челоѳческой сущи ложны. Я буду довольствовашься самимъ дѣломъ, и приведу замѣчаніе одного линшеранера, челоѳка со вкусомъ (*): „Какое неизмѣримое разшолнѣе,

(*) La Bruyere, Caracteres de ce siecle, въ главѣ Des ouvrages d'esprit.

„говоришь онъ, между прекраснымъ и меж-
 „ду совершеннымъ, или правильнымъ сочине-
 „нїемъ; я даже не знаю, есльи что нибудь
 „написано въ семъ послѣднемъ родѣ. Мо-
 „жетъ быть для самаго великаго дарованїя
 „легче сотворишь превосходное и выспрен-
 „нее, нежели избѣжаешь какихъ бы то ни
 „было ошибокъ. Сидъ, при первомъ своемъ
 „появленїи въ свѣтъ, произвелъ во всѣхъ
 „равное удивленїе; тщетно власть и по-
 „лищника старались осрамить его — онъ
 „показали только свое безсилїе; голоса и
 „мнѣнїя знаши и простаго народа, вѣчно
 „во всемъ раздѣленные между собою, соеди-
 „нились на епошъ развѣ въ пользу Сиды.
 „Всѣ единодушно выучиваютъ его наизусть
 „и читаютъ про себя, повуда актеры не
 „вышли еще на сцену. Наконецъ Сидъ,
 „есль прекраснѣйшее стихотворенїе, и са-
 „мая лучшая кришика, какая только была
 „на кого нибудь писана, есль кришика на
 „Сиды.“

Вотъ самой разительной примѣръ по-
 го, что одни правила недостыпны. Сочинитель Сиды не соблюлъ почти ни одного
 изъ нихъ, за что онъ Французской Ака-
 демїи и объявленъ былъ нарушителемъ
 оныхъ; однакожъ онъ пѣвилъ и до сихъ
 поръ пѣваетъ еще публику. Его обвинили
 одни ученые; но за шо вся Франція опра-

вдала. Онъ отдался на судъ народа; какъ Горацій; убійца родной сестры своей, которому народъ великодушно простилъ его преступленіе. *Ольбы Монпансвы* суть другой примѣръ счастливой неправильности; соблюдице въ епомъ сочиненіи больше правильности и порядка, и главныя его прелести исчезнутъ (*).

Можетъ быть нѣтъ ничего пруднѣе, какъ умѣть искусно сокращать. Не многіе получили отъ природы въ даръ сіе проницаеніе, которое попребно имѣть, чтобъ судить о томъ, какія происшествія надлежитъ выкинуть и какія оставить. Юстинъ есть неискусной сокращишель, и я увѣренъ, что Трогъ-Помпей разбранилъ бы его, еслибъ могъ прочиташъ сдѣланное имъ изъ своей исторіи сокращеніе. Онъ самъ нашелъ бы много непоняшнаго въ своемъ сокращишель. Юстинъ и ему подобныя не знали, что сокращеніе должно походить на Пигмеевъ, имѣющихъ всѣ части человѣческаго тѣла, но что каждая изъ нихъ по соразмѣрности должна быть менѣ частей человека средняго роста. Уменьшайце, сколько вамъ угодно, всѣ части повѣствованія; но не уничтожайце ихъ совсѣмъ (**).

(*) Art. Philistus; rem. E.

(**) Art. Achille; rem. C.; et Art. Arsinoë; rem. E.

Жизнь большей части полководцев древних и новых описана в историческом Словаре Морерія; особливо найдете вы там жизнь Конетаблей, Адмиралов и Фельдмаршалов Французских. Сии послѣднія спашь не стоили сочинителю ихъ другаго труда, кромѣ того чтобы выписывать ихъ изъ О. Ансельма. Но все, что вы ни сыщете объ еномъ какъ въ Мореріѣ такъ и въ самомъ О. Ансельмѣ; неудовлетворяетъ любопытнаго читателя. Онъ недоволенъ тѣмъ, если узнаете, что въ такомъ-то году такой-то полководецъ взялъ или освободилъ онъ осады такой-то городъ, или одержалъ побѣду и проч. Онъ хочетъ знать сверхъ того душевныя его свойства: чѣмъ превосходилъ онъ другихъ — храбростію или благоразуміемъ; способнѣ ли онъ былъ покорять или удерживать за собою завоеванія; не поспѣшалъ ли онъ въ жару сраженіемъ, или пребывалъ хладнокровнымъ среди величайшихъ опасностей; какою хитростію или благоразуміемъ вырвалъ онъ побѣду изъ рукъ неприятеля; какая ошибка была причиною его разбитія въ другой разъ. Читатель желаетъ знать: въ самомъ ли дѣлѣ онъ одержалъ побѣду, какъ увѣряютъ писатели съ его стороны, или былъ разбитъ, какъ увѣряютъ писатели съ противной стороны. Споры сии безконечны, и происходятъ отъ того, что

слово *лобѣда*, по причинамъ политическимъ, съ начала употреблено было въ военныхъ извѣстїяхъ, публично продающихся; названїе сїе, которое должно бы дано быть на время, востается навсегда, какъ имя, которое дають при вращенїи; и послѣ никогда не перемѣняютъ. Если бы мнѣ случилось писать о подобномъ сему; то я почелъ бы себя обязаннымъ вникнуть во все обстоятельство, и сличить военныя извѣстїя съ обѣихъ сторонъ; дабы не сомнѣваясь болѣе въ истинѣ происшествїи и послѣдствїи сраженїя, въ которыхъ онъ согласенъ; посредствомъ заключенїи можно было подойти ближе къ истинѣ всего случившагося.

На примѣръ; если бы я сталъ говорить о Фельдмаршалѣ Люксамбургѣ; то сказалъ бы: объ его душевныхъ свойствахъ, отличавшихъ его отъ прочихъ полководцевъ. Я распространился бы въ описанїи случаевъ; въ которыхъ онъ показалъ недостатковъ военныхъ дарованїи. Я избѣжалъ бы пропусковъ и ошибокъ, которыми наполнена въ Морерїѣ статья сїя. Я не написалъ бы; что въ 1672 году *Люксамбургъ* разбилъ Голландцевъ близъ *Бодетравы*; что въ 1673 году онъ взялъ *Бодетраву* (*); что въ 1674 году; онъ прину-

(*) Замѣтите, что *Бодетраву* есть мѣстечко; а не городъ.

дѣлъ снять осаду съ Шарльруа; ибо первое изъ трехъ сихъ происшествій есть непростишительная гипербола, а два послѣднія сушь выдуманныя. Я не написалъ бы, что въ 1673 году съ двадцатью тысячами человекъ онъ пробился сквозь неприятельское войско, состоящее изъ семидесяти тысячъ — гипербола, которую нельзя позволить даже стихотворцу. Я не написалъ бы, что въ 1678 году онъ разбилъ Голландцовъ подъ Сень-Денисомъ, близь города Мона (Mons): разбитіе сѣ есть еще задача, которую я постарался бы рѣшить. Я не написалъ бы, что въ 1692 году при Штейнкеркѣ (à Steinkerke) онъ отбилъ у неприятеля обозъ, пушку, и пр. ибо происшествіе сѣ явно опровергается собственнымъ его донесеніемъ о сраженіи, напечатаннымъ во Франціи пошчасъ по полученіи онаго (*).

(*) Nonni foit qui mal у pense, что Бель, какъ соперникъ Мореріа и сочинитель подобнаго же историческаго словаря, изъ зависти выискалъ воъ сѣ ошибки, хотя онъ весьма немаловажны въ историкѣ, съ намѣреніемъ унижить его. Спиротая крипика не есть чувствованіе зависти, а слѣдствіе вниманія къ сочинителю. По моему мнѣнію: чѣмъ знаменитѣе писатель, тѣмъ менѣе долженъ ожидать пощады; и потому великіе писатели, которые хотятъ жить въ благодарномъ попомствѣ, нимало не должны оскорб-

Я не умолчалъ бы о бунтѣ Люксамбургга въ 1649 году, отъ котораго не опшупалъ онъ до самаго заключенія Пиренейскаго мѣра. Я не умолчалъ бы объ его Филиппбургскомъ походѣ подъ предлогомъ, что онъ ему не удался. Я не умолчалъ бы о томъ, что онъ содержался въ Бастиліи, и постарался бы проникнуть въ шайну, въ кошорой хранился производство дѣла его въ арсенальной камерѣ. Сіе тѣмъ болѣе принесло бы ему чести, что объ епомъ производствѣ носились странные слухи. Я изслѣдовалъ бы, правда ли, какъ многіе утверждаютъ, и можетъ быть безъ причины, что въ продолженіе послѣднихъ своихъ походовъ онъ оказалъ бы важныя услуги Франціи; еслибъ не предпочиталъ общему благу частныхъ своихъ выгодъ, кошорыя сосполяли въ томъ, чтобъ продлить войну; или еслибъ власть его не была ограничена по-

ляхся самою строгю крѣпкою, а особливо почищать ее изчадіемъ зависти. Конечно у всякаго есть свои правила; иные писатели, какъ Пепрушка Фонъ-Визина, философствуютъ:

*Что нѣжды хотѣ потомъ и возмуть
душу чертъ;
Лишь толькобъ удалось получить жить
до смерти.*

Но о такихъ писателяхъ я не говорю ни слова. *Переводъ.*

вѣдѣніями Двора. Сіи господа думаютъ, что онъ былъ главою войска, точно также какъ Папскіе легаты главою Тридентскаго собора, по есиъ что ему каждой разѣ съ почтою надлежало ожидать вдохновенія. Наконецъ я постарался бы найсти насюущую середину его нравовъ между говоренымъ при погребеніи его надгробнымъ словомъ и нѣкоторыми нечесливыми сочиненіями, о которыхъ молчаніе, потому что большая часть оныхъ суть несправедливыя, наполненыя бранью и клеветною сатиры, которыхъ надлежало бы всѣмъ презрѣть (*).

Грамматикъ.

15 Марта, 1812 года.

С. Петербурга.

(*) Взято изъ Avertissement sur la seconde édition du Diction. histor. et crit.

Примѣчаніе къ страницѣ 267. Думаніе и сомнѣваніе о томъ, что кажется сомнительно, конечно позволено всякому, и сіе показывается еще философической умъ того, кто сомнѣвается; но не слишкомъ ли уже далеко Бель простеръ въ епомъ случаѣ свое сомнѣніе, а особливо сказавши о всѣхъ бытописателяхъ безъ исключенія? — Многіе ученые прошедшаго вѣка, и именно Фреретъ, справедливо порицали Беля за сей порокъ, въ которой онъ столь часто впадаетъ. Въ подтвержденіе сказаннаго мною да позволено будетъ привести изъ него одно мѣсто, котораго длину, надѣюсь, читатели про-

спятъ мнѣ хопя за превосходство онаго Фререшъ, если не превосходилъ Беля, то конечно не уступалъ ему ни въ философіи, ни въ учености, и потому мнѣніе его должно имѣть, по крайней мѣрѣ, столько же вѣсу. Сказавши о томъ, что слѣпо никому не надобно довѣрять, и что безразсудная увѣренность въ непогрѣшимельности чьейнибудь системы мѣшаетъ успѣхамъ истинной философіи и осанавливаетъ ходъ ума человеческого, Фререшъ продолжаетъ :

„И такъ я не боюсь, чтобъ въ наше время систематической умъ спали смѣшиванъ, съ симъ философическимъ умомъ, которой пребудетъ опъ насъ, чтобъ мы все взвѣшивали на вѣсахъ разсудка, все изслѣдывали, все сравнивали, изо всего выводили заключенія, неподлежащія никакому сомнѣнію, обдумывали со всѣхъ сторонъ каждое доказательство, дабы каждому предложению дать надлежащую степень вѣрности и даже вброятности, которую оно должно имѣть.

„Въ наше время умѣютъ опличать умъ систематической отъ ума философическаго; истинная критика есть не что иное, какъ сей философическій умъ, изслѣдывающій истину дѣйствій (des faits); способъ, употребляемой ею въ семъ изслѣдованіи есть тотъ же самой, которой употребляютъ философы въ развѣсканіи естественныхъ истинъ. Точность или справедливость (la justesse) въ умствованіи прикладывается ею къ вещамъ всякаго рода. Она не ограничена простыми явленіями натуры. Сіа-

„то крипика доставляетъ философіи боль-
 „шую часть нравственныхъ и физическихъ
 „манерій, надъ которыми она прудилась.
 „Она извѣщаетъ философію, что говорили
 „и думали жившіе до насъ великіе мужи, и
 „черезъ по даепъ философамъ способы уве-
 „личить пространство своего ума, при-
 „совокупляя къ собственнымъ ихъ поз-
 „наніямъ приобрѣшенныя опъ древнихъ;
 „но съ другой стороны философія просвѣ-
 „шила и вразумила критику, научивъ ее
 „сомнѣваться и воздерживаться отъ суж-
 „денія, и сдѣлавъ ее осторожною въ выбо-
 „ръ доказательствъ и силъ оныхъ. Такимъ
 „образомъ критика по справедливости весьма
 „много одолжена философіи; но какъ изли-
 „шество во всемъ вредно, то я думаю, что
 „и философія не дѣлаетъ ли уже иногда
 „критику слишкомъ оспорожною и мнитель-
 „ною. Легковѣріе было порокомъ нашихъ
 „опцовъ и дѣдовъ, а невѣріе, можетъ быть,
 „есть нашъ, — какъ будто умъ человѣче-
 „скій долженъ вѣчно переходить изъ одной
 „крайности въ другую, и не знать ни въ
 „чемъ ни мѣры, ни середины! Въ нашъ вѣкъ
 „любимъ во всемъ сомнѣваться, и не поль-
 „ко (*)
 „. но
 „еще поставляютъ славу въ томъ, чтобъ
 „вдаваться съ сію опасную философію, ко-
 „торая все разрушаетъ, сама ничего не
 „созидаетъ.

„Нашимъ опцамъ надлежало доказывать
 „ложь многихъ сочиненій, явно поддѣлан-
 „ныхъ; въ наше время напрошивъ шого на-

(*) Двѣ строки неразѣбраны въ рукопис. *Изд.*

„добно доказывающъ истину самыхъ дѣствѣ-
„ныхъ исторій,

„Сія причина заставляешъ меня изслѣдо-
„вать, какія суть свойства и въ чемъ со-
„стоитъ сила исторической вѣрности
„вообще, и нѣтъли различныхъ степе-
„ней вѣрности. По моему мнѣнію, древнія
„исторіи, даже основанныя на прошломъ
„изуственномъ преданіи, имѣютъ нѣкоторую
„степень вѣрности, правда, гораздо ниже
„степени современныхъ исторій; однакожъ,
„не смотря на разстояніе времени и мѣстъ,
„скрывающихъ отъ насъ часть обстоя-
„тельствъ и нерѣдко заимѣвающихъ ис-
„тину многихъ другихъ, отличные умы
„почитаютъ себя не въ правѣ отвергать
„ихъ совсѣмъ, когда не могутъ предст-
„вить ясныхъ доказательствъ ихъ лжи.

„Всѣ доказательства исторіи можно от-
„нести къ двумъ родамъ или классамъ : къ
„первому принадлежатъ *современныя сви-*
„*дѣтельства*, какъ то : постановленія (les
„actes), грамоты (les titres), разныя бумаги,
„писанныя во время происшествій, и након-
„ецъ исторіи, сочиненныя самовидцами
„того, что въ нихъ повѣствуется, или
„основанныя на запискахъ современниковъ.

„Подъ *историческими преданіями* я ра-
„зумѣю сія общественныя мнѣнія, въ слѣд-
„ствіе которыхъ весь народъ увѣренъ въ
„истинѣ такого-то происшества, не имѣя
„на то другихъ доказательствъ кромѣ соб-
„ственной своей и прошедшихъ поколѣній
„увѣренности, которая однакожъ не основана.

ни на какомъ современномъ свидѣтельствѣ,
 ,особо существующемъ отъ самаго предавія.
 ,А дабы не сомнѣвались въ истинѣ сихъ
 ,преданій, то требуется, чтобъ происше-
 ,ствія, о которыхъ они говорятъ, были пуб-
 ,личные и гласныя (éclatans); якобы преданія
 ,были древнія, чтобъ они просиhrались до
 ,того времени, въ которое случились самыя
 ,происшествія, или чтобъ, по крайней
 ,мѣрѣ, никто не заомнилъ бы, когда они ро-
 ,дидились; чтобъ они были постоянныя и
 ,общія; чтобъ они согласовались съ неоспо-
 ,римыми доказательствомъ исторіи, или
 ,чтобъ, по крайней мѣрѣ, не противорѣ-
 ,чили онымъ; чтобъ не опровергались дру-
 ,гими вѣроятнѣйшими и древнѣйшими пре-
 ,даніями, или духовными и политическими
 ,обычаями и обрядами, не безъ причины
 ,установленными.

„Хотя есть примѣры преданій, родивших-
 ,ся отъ ложнаго начала, приписываемаго
 ,какому нибудь древнему обычаю; хотя
 ,также что однажды случилось, то мо-
 ,жетъ случиться много разъ; однакожъ
 ,возможности вещи не довольно, чтобъ ут-
 ,вердитъ существованіе оной. Утверждать,
 ,будто надлежитъ отвергнуть все преданія
 ,по тому только, что нѣкоторыхъ изъ
 ,нихъ доказана ложь, есть по же, что за-
 ,ключать отъ части къ цѣлому. Слѣдуя
 ,сему правилу, не надлежало бы вѣрить са-
 ,мымъ неоспоримымъ доказательствамъ ис-
 ,торіи, какъ то: грамотамъ, надписямъ,
 ,публичнымъ памятникамъ, рукописямъ,
 ,носящимъ на себѣ все несомнѣнные при-
 ,знаки древности; ибо нѣтъ ни одного изъ

„сидѣ доказательствъ, которое не пред-
 „ставляло бы много разв примѣра, что ве-
 „щи, которымъ вѣрили въ одно время, въ
 „послѣдствіи признаны были ложными. Од-
 „но это должно бы уже сдѣлать сомни-
 „тельными въ глазахъ нашихъ пѣ доказа-
 „тельствва, которыхъ ложь еще не утверж-
 „дена.

„Безполезно было бы утверждать здѣсь
 „истину современныхъ свидѣтельствъ; ихъ
 „никогда явно не опровергали; а хотя и
 „допустили нѣкоторыя правила, какъ буд-
 „то ослабляющія ихъ власть, однакожъ я
 „не рѣшусь правиламъ симъ дать другой
 „смыслъ, кромѣ того, въ какомъ они упо-
 „треблены. Люди умные не сомнѣваются
 „въ истинѣ сихъ современныхъ происшеств-
 „вій, и бесполезныя покушенія оспорить
 „ихъ, сдѣланныя въ наше время нѣкоторы-
 „ми учеными (*), послужили только къ по-

(*) И, между прочими, именно Бедемъ, которому, ка-
 жется, только того и хотѣлось, чтобы во мно-
 гихъ мѣстахъ своихъ сочиненій внушить въ чита-
 телей историческое сомнѣніе, самое неуѣренное.
Фредетъ.

То же самое можно сказать и о Левекѣ, которой
 во многихъ мѣстахъ своей Русской Исторіи напрасно
 сомнѣвается. На пр. ему чрезвычайно хочется
 увѣрить, будто Димитрій самозванецъ былъ ис-
 истинный сынъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго; но
 есть ли чудно, какимъ образомъ простой монахъ
 Чудова монастыря могъ взойти на престолъ, то
 еще чуднѣе, какимъ образомъ дитя могло скрыть-
 ся отъ убійцъ и жить столь долгое время въ не-
 извѣстности; Царевичъ Димитрій убитъ въ 1591
 году, а Гришка Опрельевъ бѣжалъ въ Польшу въ
 1603) и гдѣ же? — подлѣ смертельнаго врага сво-

„казанію того, съ какою легкостію человекъ
 „умной и ученой, во зло упошребляющій
 „даръ умствованій и красно говоритъ, мо-
 „жетъ родить сомнѣніе шамъ, гдѣ нѣтъ
 „никакого сомнѣнія, такъ что послѣ прудно
 „и истребитъ оное.“ Oeuvres compl. de
 „Freges, T. I. p. 68. et suiv. *Перевод.*

III. К Р И Т И К А.

*Отвѣтъ на Замѣчанія касательно
 двухъ грамматъ Новгородскихъ (*).*

Позвольте мнѣ на *Замѣчанія* ваши, кошорыми вы почтили мои *Объясненія* двухъ грамматъ Новгородскихъ, въ 23 и 24 книжкахъ *Вѣстника Европы* 1811 года напечатанныя, сообщить гну *Издателю* сего *Журнала* нѣкошорыя мои прекословныя замѣчанія.

Начнемъ извѣщеніемъ о *Князѣ Борхрамѣ*. — Дѣло сіе хотя постороннее

его, хитраго и мстительнаго *Годунова*, посягнувшаго на его жизнь, чтобъ только очистить для себя путь къ престолу. *Перевод.*

(*) См. *Вѣстн. Евр.* 1812. No 3.

и совсѣмъ непринадлежитъ къ исполкова-
нію первой моей граматы; однакожъ можетъ
спастись грамота моя послужитъ къ объ-
ясненію, что былъ ешю Князь Борхрамъ,
лице безъ сомнѣнія немаловажное въ Россій-
ской Исторіи. Вотъ для чего я починаю за
нужное упомянуть объ ономъ. Объясненіе
имени *Борхрама* именемъ *Бориса* не есть
мое собственное. Я сослался въ томъ на
другихъ писателей, въ числѣ которыхъ
находясь и мой покойной родителъ (*),
Причинъ, для которыхъ они приняли сіе
мнѣніе, не могъ я изслѣдовать по неимѣнію
здѣсь наполненной великимъ множествомъ
книгъ библіотеки, и потому что у меня
самаго нѣтъ ни Дрейеровыхъ ни Гадебуше-
выхъ сочиненій. Признаюсь однакожъ, что
и невѣдая оныхъ причинъ, а по одному
только объявленію о договорѣ съ Кня-
земъ Борхрамомъ, я подумалъ, что нахожу
связь между тѣмъ договоромъ и моею
грамотою, и связь сія показала мнѣ очень
вѣроятною: *во лервѣхъ*, по названію *Князь*,
котораго нельзя приписывать Посаднику;
во вторыхъ, потому что въ упоминае-
момъ ирландскѣ открываются слѣды от-
даленной древности; *въ третьихъ*, по-
тому что *Борхрамъ* ни съ какимъ дру-
гимъ именемъ *Русскаго Князя* неимѣетъ

(*) См. *Исторія Russ. Annal.* III. s. 90.

навого сходства какъ съ именемъ *Борисъ*, хотя впрочемъ и оно неблизкое; наконецъ *съ чертлетыхъ*, пошому что въ моемъ подлинникѣ особенно, для опличія отъ *Великаго Князя*; упоминается еще о *Князѣ*, а Княземъ именно въ то время былъ въ Новгородѣ *Борисъ*, сынъ Великаго Князя *Андря*.

Какъ бы то ни было, самолюбіе мое нимало неоскорбилось отъ того, что долженъ буду оставить свое многошрудное предположеніе, когда неосновательность одного будешь доказана. Еслибъ *Н. М. Карамзинъ*, которому оба мы обязаны за отысканіе Посадника *Вароламея*, и который нашелъ его не пещерь только и не по случайному случаю, но послѣ долговременныхъ ученыхъ изслѣдованій своихъ о *Князѣ Борхтрамѣ* и объ *Вароламеѣ*, — еслибъ, говорю, *Н. М. Карамзинъ* въ пору сообщилъ мнѣ свое открытіе, по которому *Борхтрама* и *Вароламея* почиаетъ онъ за одну и ту же особу; то я или тогда же отступился бы отъ своего предположенія, или же по крайней мѣрѣ къ извѣстнейю г-на *Карамзина* присовокупилъ бы свое собственное, дабы въ семъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ бываетъ, рѣшеніе дѣла предоставить читателю. Но извѣстія мои Новгородскихъ грамотъ были уже въ щипо-

графіи, когда г. Карамзинъ по благосклонности своей объявилъ вамъ и мнѣ свою догадку.

Изслѣдуемъ теперь причины, *вами* приводимыя. Рѣчь идетъ только объ *одной*, которая состоитъ въ *сходствѣ* именъ. Я согласенъ, что она имѣла бы великую важность даже при сильныхъ съ другой стороны доказательствахъ, и что можно бы два лица принять за одно, когда бы имена были совершенно сходны между собою. Но сходства сего вовсе не примѣтно. Отъ Борхрама до Вахромѣя разстояніе превеликое! ни чѣмъ не ближе какъ отъ Борхрама до Бориса. Въ епомъ случаѣ можно по же сказать о вашемъ Посадникѣ, что угодно вамъ было замѣтить о моемъ Князѣ: „въ сожалѣнію опровергается главнымъ именемъ.“ Признаюсь, что смыслъ слова *главнымъ* для меня не совсемъ понятенъ. Рѣчь идетъ здѣсь не о *многихъ* именахъ, но только объ *одномъ*; а другое важное слово значить *санъ*, *достоинство*, *титуль*. И сіе-то послѣднее, то есть названіе *Князь*, несравненно болѣе значитъ здѣсь, нежели можешь быть случайное сходство двухъ именъ, изъ которыхъ одно обезображено простонароднымъ нарѣчіемъ, а другое изуродовано выговоромъ чужестранцевъ. Но между шѣмъ какъ первая при-

чина говорить *въ пользу* вашего *Вагрома* не *болѣе* какъ и въ пользу моего Бориса, другое доказательство, состоящее въ *типулѣ*, *сколько* благоприятствуешь моему предположенію, *столько* пропивишься вашему. Здѣсь надобно обратить вниманіе еще на другое общошельство. Въ Любекскомъ трактатѣ Борхрамъ названъ не только *Княземъ*, но даже *Королемъ* (Rex); что еще менѣе прилично званію Посадника, нежели *типулѣ* Князя (Princers). — Вамъ угодно возражать мнѣ, что Новгородцы *Князьямъ своимъ рѣдко* дозволяли во *внутреннихъ* дѣлахъ вмѣшиваться, и тѣмъ хотише вы доказать, что въ заглавіи трактата не могло быть поставлено имя Князя. Я предполагаю, что подъ *внутренними* дѣлами особенно разумете вы управленіе Государства; но замѣтить должно; что здѣсь рѣчь идетъ не о *внутреннихъ* дѣлахъ, а о *внѣшнихъ*. Известно, что власть народоправителя можетъ быть весьма ограничена въ отношеніи къ дѣламъ *внутреннимъ*, тогда какъ дѣла *внѣшнія* ошъ него единственно зависятъ. Ссылаюсь на должность Президента Соединенныхъ областей Северо-Американскихъ. Къ тому же вы сами признаетесь, что Новгородцы *Князьямъ своимъ* дозволяли вмѣшиваться въ дѣла *рѣдко*, но есть въ немногихъ случаяхъ. Намъ теперь надобенъ *только*

одинъ такой случай, а что онъ былъ, пому служивъ докуменпомъ моя грамата. Два раза упоминается въ ней о Князѣ, какъ опличной отъ Великаго Князя особѣ, имѣющей высокое право Государя, право бытъ *первымъ покровителемъ и давати провожалыхъ*. Предположимъ даже (хотя и не лзя на то согласишься), будто власть Новгородскихъ Князей уже въ концѣ 13 столѣтїя была сколько ограничена, что иностранцы не могли бы признавать ихъ въ семъ достоинствѣ при своихъ договорахъ; но *наружная пышность* ихъ безъ всякаго сомнѣнїя была весьма блистательная, и по этому уже одному иностранцы могли приписать Князю *Королевской титулъ*.

Всѣ сїи обстоятельствова сколько благопрїятствуютъ моему Князю Борису, столько — и на это всякой безпристрастной согласишься — несоотвѣтствующиъ вашему *Вахромяю*. Никогда Посадники Новгородскїе не были окружены пышностию *Королевскою*, никогда не имѣли они *Королевской* власти. Тщешно увѣряете вы, что имъ предославлены были *дѣла, касающїяся до распорядковъ внутреннихъ*.“ Вразсужденїи употребленнаго здѣсь слова *снутреннихъ* я уже извѣснился выше. Дозвольте еще мнѣ прибавить, что въ какомъ бы смыслѣ ни было принято оное слово,

вѣрненіе ваше совсѣмъ *несправедливо* и совершенно проповно исторіи. *Ничего*, во все *ничего* немогъ дѣлать Посадникъ безъ согласія прочихъ старѣйшихъ въ республикѣ. Могло ли спастись, чтобы Любчане, хотя полуварвары однакожъ республиканцы, очень хорошо знавшіе отношенія между торговыми вольными областями, и при томъ люди отнюдь неглупые, — могло ли, говорю, спастись, чтобы Любчане назвали *Королемъ* Посадника Новгородскаго, чиновника равнаго въ достоинствѣ ихъ Бургемейстеру, и котораго званіе (вѣроятно) разумѣли они подъ именемъ Олдерманна?

Если вы никакъ и другихъ неимѣете причинъ къ извѣщенію, почему Посадникъ переименованъ словомъ *Рех*, и почему *Рех* *Wogtsiam* значилъ Посадника *Вахромѣя*; то дозволите мнѣ оспавить Князя моего Бориса при его значительномъ шишулѣ.

Какъ бы то ни было, правила исторической вѣрности возлагаютъ на меня долгъ упомянуть здѣсь объ одномъ обстоятельстве, которымъ по видимому разрѣшается загадка вразсужденія названія, и по которому нахожу я не невѣроятнымъ, что шишулѣ *Короля*, въ практѣ упомянутый, принадлежать могъ не Князю Новгородскому, но Посаднику. Сіе же обстоя-

пельство можетъ быть и г-ну Карамзину дало поводъ вывести свое заключеніе.

Въ ономъ прапкѣтѣ, о которомъ узналъ я отъ Н. М. Карамзина, кромѣ названія *Rex Borchorat*, упоминается еще *Dux* и (если не ошибаюсь) *Seniores* Новгородскіе. Изъ сихъ трехъ названій одно только не подлежитъ сомнѣнію, а именно послѣднее. Подъ именемъ *Seniores* безъ всякаго прошиворѣчія разумѣть должно сенатъ Новгородскій, или соловіе тѣхъ людей, которыхъ (если только не ошибаюсь; ибо мнѣ мало извѣстны подробности гражданскаго чиновначальства въ древнемъ Новгородѣ) называли старшинами. Слово *Rex*, при первомъ на него взглядѣ, не показываетъ никакого значенія, ежели не приписать его Князю; но слѣдующее имя *Dux* можетъ служить къ объясненію онаго. Въ Латинскомъ языкѣ первоначально означаетъ оно *предводителя войскъ* или *воеводу*. По сей причинѣ мало свѣдущій сочинитель договора вздумалъ достоинство Новгородскаго *тысяцкаго* перевести словомъ *Dux*, хотя гораздо приличнѣе могъ бы онъ употребить другое Латинское слово *Millenarius*, которое, думать надобно, ему было неизвѣстно. Должно себѣ припомнить, что первоначальное значеніе слова *Dux* для тогдашней полу-ученой толпы было совсѣмъ по-

перлю, и что подъ онымъ разумѣли обыкновенно какого-нибудь знатнаго Нѣмецкаго и Французскаго Князя Имперіи, то есть Герцога. Слово *Герцогъ*, на первоначальное происхожденіе коего въ обыкновенномъ разговорѣ не обращается вниманія, теперь значимъ у Нѣмцовъ Князя средняго класса; но оно сперва значило точно *предводителя войскъ, воеводу*. Имъ назывались *воеводы* сипаринныхъ Нѣмецкихъ Королей и Императоровъ. Известно, что Герцоги въ тогдашнія смутныя времена воспользовались обстоятельствомъ, и мало по малу успѣли достоинство свое сдѣлать *наслѣдственнымъ*. Тогда же присвоили они себѣ въ *наслѣдственное* достоиніе и тѣ земли, которыя сперва даны имъ были во владѣніе *вмѣсто денежнаго жалованья*. Но первое названіе *Герцога*, то есть предводителя войскъ, осталось при нихъ. А какъ всѣ граматны были тогда сочиняемы на Латинскомъ языкѣ, то Герцоговъ сихъ называли словомъ *Духъ*, отъ котораго произошло и Французское *Дис*. Мало по малу перялось прежнее значеніе слова *Герцогъ*, и наконецъ совсѣмъ исчезло въ Латинскомъ *Духъ*, съ которымъ начали уже соединять понятіе о сильномъ Князѣ Имперіи. Обращимъ теперь вниманіе на сочинителя онаго иракшата. По всей вѣроятности онъ былъ человекъ духовнаго званія, и изъ числа

всѣхъ находившихся при посольствѣ одинъ только онъ разумѣлъ языкъ Латинскій. Неимѣя объ Новгородской конституціи надлежащаго свѣдѣнія, какое могли имѣть Послы опытные въ дѣлахъ государственныхъ; онъ не посоветовался съ ними о шишулахъ власней Новгородскихъ, а по помуту и ошибки его оспались имъ неизвѣстными. По неосмотрительности своей онъ выразилъ на Латинскомъ языкѣ званіе *Тысяцкаго* словомъ *Dux*. Онъ, услышавъ тогда же, что Посадникъ есть особа, имѣющая еще высшее достоинство; что иное осталось ему сдѣлать, какъ назвать сего чиновника по крайней мѣрѣ *Королемъ*, для соблюденія постепенности по тогдашнему разумѣнію сего слова *Dux*? Такимъ образомъ назвалъ онъ Посадника *Rex*, и одну ошибку свою поправилъ другою, еще большею.

Иного нѣтъ способа извѣстнѣе названіе Посадника Вахромѣя. Пусть читатели мои выберутъ сами, какому исполкованію о Королѣ Борхрамѣ дать преимущество — тому ли гдѣ разумѣется подъ нимъ Князь Борисъ, или гдѣ Вахромѣй Посадникъ. Но безпристрастные должны признаться, что безъ помощи выше предложеннаго мною слова дѣло сіе никакъ необъясняется, и что недоспапточное сходство въ звукахъ между словами *Борхрамъ* и *Вахромѣй*, изъ во-

которыхъ одно изуродовано иностранцемъ, а другое простонароднымъ выговоромъ; ничего не доказываешь.

На 108 страницъ вы ставите три особы, упоминаемая въ первой моей грамотѣ, въ одинъ рядъ, касательно хронологіи. Епо не соотвѣтствуетъ правиламъ исторической критики; ибо въ лѣтописяхъ, сколько мнѣ извѣстно, упоминается о перемѣнѣ Посадниковъ и Тысяцкихъ не съ такою опредѣлительною точностію, какъ о Великихъ Князяхъ. Слѣдовательно имена ихъ особы не вообще немогутъ служить основаніемъ для хронологіи столь надежнымъ, какъ имена Великихъ Князей, а 2-ми только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и то посредственно, исправляясь лѣтосчисленіемъ. Точно сіе послѣднее относится къ моей грамотѣ. Еслибъ одинъ только былъ Великій Князь Андрей, то мнѣ вовсе не для чего было бы заботиться о Семенѣ Климовичѣ. И положимъ, что такой же Семенъ Климовичъ описывался бы пятью-десятью годами ранѣе или позже; изъ того ничего неслѣдовало бы ни въ пользу ни вопреки моей грамоты; ибо въ семъ случаѣ оставалось бы думать, что въ Новгородѣ не одинъ былъ Посадникъ сего имени. Но велику находимъ въ сколько Великихъ Князей *Андреевъ*, то изъ числа ихъ надобно намъ выбрать именно того, при которомъ

жилъ Семень Климовичъ. И такъ сей Посадникъ служилъ намъ только *посредственно* къ исправленію хронологіи.

Къ страницѣ 109. Имѣло ли понятіе о *бояринѣ* уже тогда, а особливо въ Новгородѣ, такое же опредѣленіе, подѣ какимъ разумѣли слово сіе въ позднѣйшее время, и можно ли сказать, что на сипень Посадника возводимы были *только* Бояре, етого я рѣшилъ неоправиваюсь, неимѣя достаспичныхъ свѣдѣній, чтобы отвѣчать на такой вопросъ, на которой безъ всякаго сомнѣнія и отвѣчать неможно по одному только *легкому и повертностному сужденію*. Впрочемъ не оиѣ того ли возникло понятіе о *бояринѣ* и о *родѣ боярскомъ*, что люди одной фамиліи часто возводимы были на высокія сипени? По крайней мѣрѣ такъ оиѣ былъ всегда *естественный порядокъ* въ дѣлахъ человѣческихъ, и оиѣ подтверждается примѣрами исторіи другихъ земель Европы. Известно, что еще въ 13мъ вѣкѣ въ Германіи шило *свободнаго человека* давало право на всѣ важнѣйшія должности въ государствѣ, и что мало по малу соспавилось изъ него понятіе о *дворянствѣ* или *благородномъ званіи*, мало помалу сдѣлалось примѣшнымъ различіе между *простымъ* дворянствомъ и *высшимъ*; къ послѣднему классу принадлежа-

ли Русскіе Бояре. Сказанное мною о *знатности* рода болѣе опносится къ богатству его нежели къ *боярскому* происхожденію, о которомъ лѣтописи непредставляющъ намъ ничего яснаго и опредѣлительнаго; ибо *наслѣдственное* богатство, поспоянно одной фамиліи принадлежащее, всегда и вездѣ имѣло свое право. Охотно признаюсь въ ошибку своей, что я имя Посадника сего почелъ за доказательство знатнаго его происхожденія, и подумалъ, что оно есть подлинное родовое прозваніе. Въ шестнадцати-лѣтнюю бытность свою въ Россіи, къ несчастію, имени *Клима* никогда мнѣ слышать не удавалось, а сходства между имъ и Греческимъ именемъ, которое дается при крещеніи, я совсѣмъ не примѣтилъ.

Ни гдѣ не утверждалъ я, что имени Тысяцкаго Машка нѣтъ въ грамахъ Новгородскихъ. Мною сказано было, что я *не могъ отыскать о немъ никакихъ извѣстій*. Да и кто можетъ рѣшительно утверждать, что о такомъ по происшествіи или о такомъ по имени вовсе не упоминается въ лѣтописяхъ? Многія лѣтописи до сихъ поръ еще неизданы въ свѣтъ; другія же хотя и нанечатаны, но онѣ рѣдки. Сверхъ того замѣтишь должно, что часто одинъ случай опкрываетъ намъ то, чего

не могли мы найти, искавши со всевозможнымъ прилѣжаніемъ.

Къ стран. 110 й, 111 й и слѣд. Касательно вашего исполкованія словъ *оже* *будеть* *нечистъ* *путь* и проч., я долженъ вообще замѣтить, что благоразумная кришिका, въ случаѣ темноты и запрудненій, извясненіе непринужденное и простое обыкновенно предпочитаетъ націанутому. Мое извясненіе есть совершенно простое и непринужденное; всякой безприспрасной въ помѣ долженъ признаться. Ваше же, напрошивъ того, вразсужденіи главнаго слова „нечистъ“ *натянуто*; 2 вразсужденіи состава періода *несоотвѣлствуетъ* *словосочиненію*, и 3 вразсужденіи смысла *со всѣмъ* *противно* *существо дѣла*.

Извясненіе ваше есть *натянутое*, относительно къ значенію слова *нечистъ*; ибо приличнѣе можно назвать *нечистымъ* такой путь на водѣ, копорой *неглубокъ* по причинѣ камней и опмѣлей, жежели такой, копорой отъ разбойниковъ *небезопасенъ* (*). Въ семъ послѣднемъ случаѣ *не-*

(*) Всякому сверхъ того извѣстно, что Волховъ дѣйствительно во многихъ мѣстахъ имѣетъ подводные камни и опмѣли, и что для плаванія по сей рѣкѣ потребна осторожность и опытность. С.ж. Географ.

числѣ имѣло бы смыслъ *метафорическій*. — По существу дѣла въ вашемъ мнѣніи содержится не иное что какъ — слово нечислѣ иногда значащѣе *небезопасенъ*. Но я спрашиваю, *дѣйствительно ли* имѣетъ оно въ семъ случаѣ точно то же значеніе? Здѣсь заключеніе отъ *возможности* до *бытія* (a posse ad esse) совсѣмъ неслѣдуетъ.

Ваше извѣщеніе во вторыхъ совершенно *противно* расположенію словъ въ *періодѣ*. Господи, какъ вы говорите, должны были сперва подать вѣсть Князю объ опасности пуши, а потомъ уже получить провозапыхъ; и такъ ясно, что, по вашему мнѣнію, прежде упомянутое дѣйствіе должно было предшествовать послѣдному. Совершенно по тому надлежало бы словамъ

Словарь стр. 1026. Олеарій, съ Голштинскимъ посольствомъ около половины семнадцатаго вѣка ѣздившій въ Россію и въ Персію, въ описаніи своего путешествія (Schlesswig. 1663 fol. s. 21) упоминаетъ объ опасности, угрожавшей одному судну, которое набѣжало на подводные камни, и что за восемь дней передъ тѣмъ одна знатная духовная особа на томъ же самомъ мѣстѣ потеряла жизнь свою. Олеарія провожали стрѣльцы; но они были ему не нужны, ибо нигдѣ неговоритъ онъ объ опасностяхъ отъ *разбойниковъ*. Гораздо лучше пригодились бы ему искусные лодманъ. III.

Князь велитъ имъ вѣсть подали сподвѣсти напередѣ, а за ними уже: своимъ мужемъ проводили. Не упоминаю, сколь неприлично и несообразно съ дѣломъ было бы чужестраннымъ посланъ (?) приказывать; не упоминаю также, что подѣ нечистотою пуши здѣсь, по видимому, разумѣется нѣчто известное, опредѣленное, а отнюдь не сомнительное и неизвѣстное, и симъ-то именно обспоящельствомъ доказывается, что рѣчь идетъ объ олимпляхъ рѣки, а отнюдь не объ опасностяхъ отъ разбойниковъ.

Ваше извясненіе есть не только натянутое, не только логически несправедливое, но еще и совершенно противное существу дѣла. Ибо если предположимъ (на что согласиться не можно) будто нечистъ дѣйствительно въ семъ случаѣ значить небезопасенъ отъ разбойниковъ; то вдругъ встрѣчающіяся непродолимая трудности вразсужденіи хода и порядка всего дѣла. Безъ всякаго противурѣчія надобно допустить только два случая, въ которыхъ гости за нечистотою пуши могли просить себѣ провожатыхъ: или сія опасность была необыкновенная, нечаянная, и слѣдственно гости немогли ее предвидѣть отправляясь въ дорогу — вы и сами конечно несогласитесь допустить возможность

сего случая, ибо въ то самое время, когда *напали бы на нихъ разбойники*, и *начали грабить ихъ*, безъ сомнѣнїи, поздно было бы просить о помощи, обещанной имъ въ Новгородъ; или же опасность была *всегдашняя и всемъ известная* — но въ такомъ случаѣ къ чему служило бы предварительное извѣщенїе? Не лучше ли было бы дать провожатыхъ гостямъ потчасъ при вступленїи ихъ въ область Новгородскую? Благоразумно ли предполагать, будто Глава республики могъ пребывать, чѣмъ *иностранцы*, еще находясь за границею, прислали къ нему извѣщенїе объ опасностяхъ пути, о которыхъ самъ онъ будто бы прежде ихъ не въдалъ? Далѣе, какъ могло случиться, чѣмъ *сїи чужестранцы* одного или многихъ изъ своей свиты послали въ Новгородъ просить провожатыхъ, неимѣвши бодрости *всѣ вмѣстѣ* отправиться въ путь столь опасный? не значило ли это осудить несчастныхъ на неизбежную гибель?

Правда, что вы находите затрудненїе въ словѣ *мужъ*; вы не хотите разумѣть подъ нимъ лоцмана. Я согласенъ, что слово *мужъ*, равно какъ Нѣмецкое Mann и Латинское Vir, не рѣдко употребляется въ *благороднѣйшемъ* значенїи. Но изъ того не слѣдуетъ, будто бы не значило оно вся-

жаго мушину. Довольно вспомнить, что оиъ него происходитъ низкое слово *мушнать*. Почему бы въ принадлежномъ степеніи не могло оно быть употребляемо вмѣсто лоцмана въ случаѣ надобности? У Руссовъ не было собственнаго названія; доказательствомъ тому служилъ и нынѣ употребляемое Нѣмецкое слово *лоцманъ*. Ничего нѣтъ въ томъ страннаго; ибо, говоря о погдашнемъ лоцманѣ, который плавалъ можетъ быть только по Волгову, не надобно представлять себѣ нынѣшняго Лондонскаго лоцмана, и нѣтъ сомнѣнія, что въ нужномъ случаѣ всякой крестьянинъ могъ исправитъ сію должность. И шакъ неоспоримо, что всякой крестьянинъ, воинъ, бояринъ, какъ въ погдашнее время шакъ и нынѣ былъ и есть *мушъ*.

Далѣе упоминаете вы о насильственныхъ поступкахъ, которыми шоль часто Новгородцы оскорбляли Ганзейскую контору, упоминаете для того, дабы сдѣланъ върояннымъ, что и въ нашей граматѣ рѣчь клонится къ разбоямъ. Но насильственныхъ поступковъ, на которые иногда ошваживается народъ буйный и раздраженный, не должно смѣшивать съ обыкновенными разбоями, которые приводятъ въ ужасъ путешественниковъ. Первыхъ причиною рѣдко бываетъ корыстолюбіе, а большее

частію политическія неудовольствія. Корысполубіе ли засшавило чернь, передъ симъ лѣшъ за десяшь, напасшь на домъ Французскаго Посла въ Вѣнѣ? И можно ли было заключашь по сему случаю, будпо *въ Австрійскихъ областяхъ весьма опасно ѡздить по дорогамъ?* Но положимъ на часъ, что упомянутое обстоятельство дѣйствительно *даетъ нѣкоторую ѡро- янность* вразсужденіи опасности дорогъ въ обласни Новгородской. Что изъ того слѣдовало бы? То, что и въ пропускномъ видѣ *могло* быть упомянуто объ опасности. Сему никто и не прошивурьчинъ. Но рѣчь идетъ у насъ не о *возможности*, а о *дѣйствительномъ событіи*.

Наконецъ вы хошите словцомъ *ла- носли* придать мнѣнію своему нѣкоторую ясность. Но что доказывается приводимымъ вами изъ Новгородской лѣтописи мѣ- сномъ въ пользу сего слова? Ничего болѣе какъ что *ланосль* имбелъ по же самое зна- ченіе, какое дано ему во всѣхъ Словаряхъ Русскихъ. При томъ же *ѡхали безъ лано- сли* очевидно есть обыкновенная формула канцелярскаго слога. Въ пашпоритъ, полу- ченномъ мною въ прошломъ году отъ Го- сударственнаго Канцлера, Его Сіятельства Графа Николая Пестровича Румянцова, ме- жду прочимъ написано было, чтобы вездѣ

давать мнѣ свободной и безпрепятственной пропускъ. Кому придетъ въ голову думать, будто здѣсь рѣчь клонится къ опасностямъ отъ разбоевъ ?

Теперь позвольте мнѣ кратко представить здѣсь слѣдствіе предложенныхъ разысканій.

Во первыхъ: *лакоствъ*, спашься можетъ, иногда преимущественно значить разбой ; но здѣсь слово *сіе разбоевъ не значить*.

Во вторыхъ: *не числь*, можетъ быть, иногда значить опасность отъ разбоевъ ; но здѣсь слово *сіе опасности отъ разбоевъ не значить*.

Въ третьихъ : очень быточное дѣло, что *имъ* относитъся можетъ къ слову *велиць* ; но здѣсь оно *вовсе туда не относится*, а имѣетъ связь со словами : *вѣсть подали*.

Въ четвертыхъ: *мужь* иногда можетъ значить преимущественно особу высшаго состоянія ; но здѣсь слово *сіе того со-всѣмъ не значить*.

Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что смыслъ, приписываемый вами послѣднимъ словамъ моей граматы, могъ дѣйствительно имѣть

мѣсто въ какомъ нибудь пропускномъ видѣ. Но здѣсь его совсѣмъ нѣтъ и не бывало, и предложенное мною извѣщеніе есть одно только, соответствующее правиламъ критики здоровой, чуждой предразсудковъ.

На страницѣ 112 вы приводите *всѣмъ извѣстныя* значенія слова *гость*. Тамъ же хотя и говорите вы, что гости иногда могли отправлять должность *пословъ*, но слово сіе у васъ чрезъ то не получаетъ *четвертаго* значенія, ниже *пятого* отъ званія *пословъ* действительныхъ. Вы ссылаетесь на одно мѣсто Нестора (стр. 38, 39 и 40), изъ котораго видно, что *послы* и *гости* получали неодинакія выгоды. Вы забыли, что и я самъ приводилъ то же мѣсто, дабы своей догадкѣ придавъ нѣкоторую вѣроятность. Въ примѣчаніи подъ страницей (*) также предложилъ я свое сомнѣніе, действительно ли объясняется приводимымъ изъ лѣтописи мѣстомъ различіе между званіемъ *посла* и *гостя*. Въ самомъ дѣлѣ я имѣлъ немаловажныя причи-

(*) Вѣстн. Евр. 1811 No 23 стр. 200. Надобно знать, что въ примѣчаніи ошибкою напечатаны слова *и здѣсь въ грамматѣ*. У меня въ рукописи было: *и здѣсь въ лѣтописи*, т. е. въ упомянутомъ мѣстѣ Нестора. Шл. — Сія ошибка показана въ концѣ той же книжки, см. стр. 246. Изд.

ны думать, что посолъ и гость суть лица по роду (genetisch) не различныя, и что когда рѣчь идетъ не о *торговельхъ* дѣлахъ а о *политическихъ*, то гостемъ называется только особой видъ (species) посла. Вотъ мои причины: *первая* — неоспоримо, что въ древнѣйшія времена *гости* употребляемы были, хотя и вмѣстѣ съ послами, при заключеніи мирныхъ договоровъ (*); *вторая* — особенное обѣ гостяхъ попеченіе Князей Русскихъ, которые упоминали обѣ нихъ въ договорахъ съ Византійцами, какъ то видно изъ договора Олегова, гдѣ выговорено для нихъ *содержаніе*; *третья* — нерѣдко замѣчается въ исторіи, что у полупросвѣщенныхъ народовъ купцы опирались посольскую (**) должность (смотри

(*) Смотри вышеприведенное мѣсто изъ Нестора обѣ Игоревомъ мирномъ пракишатѣ; гдѣ *гости* являются бытъ участниками въ заключеніи договора. *Шл.*

(**) И Гарунъ Алрацидъ отправлялъ купца Синдбада въ качествѣ *посла* къ Королю Серендибскому см. *Тысяча и одна ночь* Нѣмецкаго перевода Фассова Ч. 2. стр. 92. Можетъ бытъ иному покажется смѣшно, что я ссылаюсь на сказку. Однакожъ и сказкою можно иногда воспользоваться для показанія, ежели не историческихъ происшествій, по крайней мѣрѣ *обычаевъ народныхъ*. *Тысяча и одна ночь* представляетъ занимательную и самую вѣрную картину обычаевъ востока, равно какъ въ *Донъ Кихотъ*

о-семь въ *Шлецерскомъ Несторѣ* на Нѣм. яз. въ III, стр. 281). Такъ на примѣрѣ въ древнѣйшій времена въ Италіи купцы бывали послами. По привившій христіанской вѣры возлагали уже шамъ посольскія препорученія на людей духовнаго званія; *четвертая* — неоспоримая истина, что *госли* у древнихъ Норвежцовъ (точно какъ и у древнихъ Руссовъ; у которыхъ, вѣроятно, оспивался старинной сей обычай Норманновъ) назывались *Gestir*, состояли въ Королевской службѣ и получали жалованье (*); *пятая* — равномерно всѣмъ извѣстная истина, что и при Царяхъ Всероссійскихъ въ семнадцатомъ столѣтіи *госли* опирали вазенную службу (**); наконецъ *шестая* —

ть и Жилбазѣ иногда прекрасно описывающагося обычая Испанцевъ. *Шл.*

(*) См. Nyerup Schilderung von Dänemark. I. s. 96. *Шл.*

(**) *Несторъ Шлецеровъ* на Нѣмец. яз. Нѣ. стр. 231. Хотя сочинитель и не упомянулъ о своихъ источникахъ; однакожъ извѣстная внимательность его и осторожность въ показаніи происшествій предотвращаетъ всякое сомнѣніе. И Олеаріево свидѣтельство о гостяхъ подтверждаетъ справедливость сего показанія. Бывши на аудіенціи у Царя Михаила Феодоровича въ храмѣ со свободомъ, онъ видѣлъ и вокругъ стоящихъ сановитыхъ мужей, съ длинными сѣдыми бородами, въ парчевыхъ плащяхъ и съ высокими на головахъ собольими шапка-

мнѣніе достопочтеннѣйшаго писателя, Князя Щербатова, коюрой равнобрно названія *послы* и *госли* почиашель однозначительными (*).

Впрочемъ я готовъ согласиться, что между *послами* и *гостями* было существенное различіе, хотя и думаю, что дѣло сіе за недостаткомъ въ подробныхъ извѣстїяхъ никогда совершенно быль объяснено не можель. Что же каселься до вашихъ замѣчаній, то я долженъ чиспо-сердечно признаться, что они вовсе не-объясняють сего темнаго предмета, что ими нимало недоказывается ни-кое различіе между *гостями* и *посла-ми*, и что наконецъ они неслужаль ниже

„ми.“ Сїи люди — прибавельтъ Оларій — были Его Царскаго Величества *гостями* или знатные купцы; платье принадлежиль казнь Царской, и выдаелься имъ при подоб-ныхъ торжественныхъ случаяхъ, а пошомъ опять ошбїраелься. Olear. Reisebeschreibung. Schlesswig. 1663. fol. s. 32. Шл.

(*) Росс. Ист. Кн. Щербатова. I. 204. Здѣсь упоминаемые у Неспора *гостя*, для про-шивуположности Руссамъ въ договоръ Оле-говомъ, именно за пословъ почиашелься. Ненужны съ моей стороны замѣчанія, сколь важно свидѣтельство такого мужа, каковъ Князь Щербатовъ, когда дѣло идельтъ о Древнихъ Русскихъ обычаяхъ. Шл.

въ малѣйшемъ изъясненію слова *госпи* въ моеи граматкѣ. Ваши замѣчанія во первыхъ совсѣмъ необъясняютъ темнаго значенія слова *госпи*, ибо предлагаемое вами исполкованіе, какъ я уже сказалъ выше, есть всѣмъ извѣстное, между тѣмъ какъ весьма важное значеніе онаго слова, по есть что *госпями* назывались и нѣкоторыя *омъ двора завистливѣе должностныя люди*, вамъ вовсе неизвѣстно. Далѣе: замѣчанія ваши нисколько не доказываютъ мнимаго различія существеннаго между *госпями* и *послами*; ибо, приведенное вами изъ Нестора мѣсто даетъ разумѣть не болѣе, какъ что тѣ и другіе пользовались *не одинакими выгодами*. Явствуетъ ли изъ этого существенное различіе по роду (*generischer*)? или примѣрно ли здѣсь что нибудь иное, кромѣ различія въ *видахъ* (*species*)? При нынѣшнихъ Европейскихъ дворахъ *Посоль* (*Ambassadeur*) имѣетъ большіи преимущества нежели *Министръ*, или *Посланникъ* (*Envoyé*); можно ли заключать изъ этого, что оба послѣдніе въ дѣлахъ политическихъ не имѣютъ *полномочія* отъ своихъ государей, и не очевидно ли, что первымъ предоставляется *только* высшая степень достоинства? Могло спастись, что старинныя *Послы* имѣли преимущественно передъ *госпями*, какъ нынѣшніе послы же передъ министрами. Такого мнѣнія

быль и Шлецеръ (*). Надобно ли же изъ этого выводить заключеніе, буди по гостии были *только* купцы, и *ничто* болве? Наконецъ ваши замѣчанія неслужатъ — и епо есть самой важной для насъ предметъ — *ниже къ малѣйшему изъясненію* моей граматы; ибо какъ по естественному порядку дѣль и по собственному вашему признанію *госли* (по еспь купцы) не рѣдко исправляли посольскую должность, то все еще остается недоказаннымъ (повторю слова свои, написанныя мною въ изъясненіи граматы, см. Вѣст. Евр. 1811 No 23 стр. 199), были ли прѣе оныхъ гражданъ, въ грамотѣ упомянушыя, *простые только прикащики*, присланные *по торговымъ дѣламъ*, или же послы отправленные въ Новгородъ по препорученію поличическому, и проч.“ Разысканіе ваше о значеніи слова *госли* могло имѣть цѣну свою, когдабъ оно сколько нибудь относилось къ объясненію сего вопроса; во всякомъ же другомъ случаѣ оно *совсѣмъ бесполезно* въ нашемъ дѣлѣ.

Справедливо замѣчаете вы (на стран. 113), что надобно чистить *БВЛЫЙ*, а не *БВЛЫНЬ*. Безъ всякаго прошивурьчія буква Н отъ И въ грамотѣ моей совершена

(*) Несторъ Ч. IV. стр. 50. *Шл.*

во отлична, и мнѣ оспается винить са-
маго себя, если я по оплошности не при-
мѣшилъ маленькой черточки, которую могъ
бы примѣнить всякой, знающій Русскую
азбуку. Впрочемъ *Бѣлый* и *Бѣлынь* оп-
зываются точно Славянскимъ звукомъ, и
по сей-по причинѣ я замѣшилъ, что имя
Зѣлынь должно быть или Нѣмецкое, Нов-
городцами (*) изуродованное (*veſtümelter*,
то есть *перемѣненное Славянскимъ вы-
говоромъ*), или наслоящее Славянское. Но
вы полюбуете иначе. И здѣсь опять я дол-
женъ напомнить правило, которымъ пре-
бываетъ изъясненіе *простое и легкое* пред-
почиташъ *трудному и натянутому*.
Мое изъясненіе, какъ и думаю, и легко
и просто. Возьмемъ первый случай. Дѣло
очень возможное, что было тогда въ Лю-
бекѣ *Bahl*, *Bekle*, или тому подобное Нѣ-
мецкое имя, которое весьма удобно превра-
щеніемъ могло въ Славянское *Бѣлый*. Если
же возьмемъ другое предположеніе и при-
знаемъ имя сіе за наслоящее Славянское, то
изъясненіе будетъ еще проще и правдо-
подобнѣе (**). Мнѣ самому удавалось въ Лю-

(*) Въ моемъ изъясненіи (см. Вѣстн. Евр. №
13. 1811. стр. 209) еще не совсемъ понято.
Можетъ быть я неправильно выразил-
ся. Шл.

(**) Испорція свидѣтельствуешь, что въ Лю-
бекѣ и подлѣ онаго жила тогда Славяне, и

бегѣ слышатъ о фамиліи *Плесковыхъ*, извѣстной памѣ весьма съ давняго времени. Очевидно, что въ семѣ названіи есть сходство съ названіемъ Русскаго города *Плескова*, или по нынѣшнему выговору *Пскова*. Не упоминаю о великомъ множествѣ Нѣмецкихъ обитающихъ въ сѣверной Германіи фамилій, имѣющихъ Славянскія прозванія, какъ на примѣръ *Muder* (Русск. Мудръ, Мудровъ); я могу увѣрить, что во многихъ фамиліяхъ сохранилась еще память объ ихъ Славянскомъ происхожденіи. Ваше же напрошивъ того извѣщеніе весьма напущено и чрезвычайно странно. *Во первыхъ*: переводить собственное Нѣмецкое имя на Славянскій языкъ было бы весьма не прилично. Хотя же иногда и выражающіяся чужеземными прозванія словами равно значущими; но ещо дѣлается только *въ шулку* и для *насмѣлки*. Можеть

что ихъ было памѣ очень много. А посему кажется вѣроятнымъ, что правительствомъ города Любека могло препоручить посольскую должность *природному Славянину*, именно для того чтобъ онъ употребленъ былъ въ качествѣ переводчика въ сношеніяхъ съ Новгородцами. Равнымъ образомъ возможно и даже весьма вѣроятно, что упомянутое обстоятельство было одною изъ главныхъ причинъ *старинной, тѣсной связи* между Славянскимъ Новгородомъ и полуславянскимъ Любекомъ. *Шл.*

быть также случается, что чужеземная фамилия, поселившись въ какой-либо землѣ, соединившись съ обыкновенію новаго своего обитательства принимаетъ другое имя, имѣющее одинакое значеніе съ прежнимъ. Я вспомнилъ теперь о Польской фамилиі *Дубенский*, которая съ Французскою *Du-Chesne* происходитъ, какъ сказываютъ, отъ одного начала. Но ни сей послѣдній примѣръ, ни прежде упомянутый случай сюда вовсе не принадлежатъ. Любезные предки наши были хотя и варвары, но люди преисполненные важности и гордившіеся своимъ достоинствомъ; для шулки, и притомъ для ребяческой шулки, переводили Нѣмецкое прозваніе на Русской языкъ, да еще и въ публичномъ актѣ, не могло придти на мысль ни Новгородцамъ, ни жителямъ города Любева (*) — неупоминаю уже, что первые, по всей вѣроятности, и не разумли Нѣмецкаго языка. Во вторыхъ: въ тогдашней Германіи родовыя имена, цѣлымъ фамиліямъ принадлежавшія,

(*) Можетъ быть возражать мнѣ кто, что вмѣсто Нѣмецкаго *Johann* въ обихъ грамматкахъ поставлено Русское *Иванъ*. Но сіе возраженіе было бы неосновательно; ибо *Иванъ* есть имя у обоихъ народовъ употребительное, а не прозваніе. И теперь на Французскомъ языкѣ, вмѣсто *Pierre*, *Jean*, говорятъ *Pierre*, *Jean*, и на оборотъ. Шл.

были еще рѣдки. И наши граматки служавъ тому доказательствомъ. Если же я были собственные прованія родовыя, то они всегда имѣли видъ существительныхъ именъ, а отнюдь не прилагательныхъ. Weissman, на примѣръ, въ тогдашнее время не казалось никому страннымъ: напрошавъ того *Weiss* (бѣлый), *Schwarz* (черный), *Gross* (великій), *Klein* (малый) и проч. были прованія неслыханныя. Уже въ позднѣйшіе вѣки стали употреблять имена прилагательныя вмѣсто прованій. А если и называли иногда для отличія външнихъ людей въ особености (но не цѣлыя фамиліи) прилагательными, каково на примѣръ ваше *weiss*, то такія имена оставались прилагательными безъ всякой перемѣны. Немцы говорили *der weisse Iohann*, а Славяне *Бѣлый Иванъ*. Пусть знапки въ Русскомъ языкѣ скажутъ рѣшительно, можно ли сей случай примѣнить въ нашей граматкѣ. По моему мнѣнію, если только я не ошибаюсь, должно бы въ такомъ случаѣ быть написано *Бѣлый Иванъ* а не *Иванъ Бѣлый*.

Шлецерь.

(Окончаніе въ слѣд. Нум.)

IV. С М Ъ С Ъ.

ИЗВѢСТІЕ

о нѣкоторой старинной монетѣ.

Монета неправильно круглая, изъ красной мѣди, по видимому литая, вѣсомъ около золотника, съ обѣихъ сторонъ близъ краевъ нѣсколько возвышенными рубчиками обведенная. На ней изображены: съ одной стороны четвероконечный крестъ, съ округленными шрема концами, четвертымъ же какъ бы утвержденный на основаніи, составленномъ изъ двухъ неравной длины выпуклыхъ линий; по обимъ бокамъ прошивъ нижней части креста въ одинакомъ отъ него разстояніи находятся по одной почкѣ. На другой сторонѣ монеты буква В (*).

Не смотря на согласное прежнихъ бытописателей нашихъ мнѣніе, будто бы предки наши ходячую металлическую монету начали дѣлать только въ первой половинѣ XV вѣка, въ новѣйшія времена основательно до-

(*) Монету сію препроводилъ я въ кабинетъ Общества Исторіи и древностей Россійскихъ. Находящаяся на верхней части ея щербинка произошла, кажется, отъ времени; ибо я имѣю другую точно такую же монету, совершенно круглую, только лучшей отливки.

казано, что Русскіе имѣли оную тораздо прежде. Доказаніельства на сіе между прочимъ видѣть можно въ Опытѣ историческаго исследования о древности въ Россійскомъ Государствѣ монеты разнаго достоинства и пр. напечатанномъ въ IV Частии Сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ Императорскою Россійскою Академіею. Здѣсь Т. Сочинитель упоминаетъ также о монетахъ Великой Книгини Ольги и сына ея Свяшослава.

И такъ, если при сихъ владѣтеляхъ было уже у насъ обыкновеніе дѣлать ходячую металлическую монету, то непременно продолжалось оное и при ихъ преемникахъ; а потому и о сей, которую я здѣсь описалъ, я думаю, что она сдѣлана во время Великаго Князя Владиміра Свяшославича. Догадку свою основываю на слѣдующемъ: сей Государь первый, какъ извѣстно, *утвердилъ* въ Россіи Христіанство, для ознаменованія чего изображенъ здѣсь крестъ, на особомъ подножій *утвержденный*. Крестъ сей вмѣстѣ съ посвященными по обѣмъ сторонамъ его точками знаменуетъ, можетъ бытъ, три главнѣйшія богословскія добродѣтели: *Вѣру, Надежду и Любовь*, т. е. вѣру означаетъ крестъ, а двѣ точки другія двѣ добродѣтели. (Ихъ нарече старались внушать новообращеннымъ Христіанамъ.) На оборотѣ монеты буква В знаменуетъ имя его: *Владиміръ*, или *Владимиръ*, какъ онъ нареченъ былъ во св. крещеніи.

Но скажутъ нѣкоторые, что съ изображеніемъ буквы В и креста въ различномъ видѣ есть много древнихъ монетъ, а потому и сія можетъ бытъ или Греческая или Римская.

На сіе отвѣщаю: 1) хотя довольно случилось и мнѣ видѣти древнихъ монетъ съ изображеніемъ креста и буквы В, но ни одной съ подобнымъ изображеніемъ и подобною буквою я ни подлинной ни на рисункѣ не видалъ; 2) самое положеніе въ семъ видѣ креста подтверждаетъ мою догадку, какъ я упомянулъ выше сего: 3) важнѣйшимъ съ моей стороны прошивъ упомянутого возраженія доказательствомъ служишь можетъ еще находящаяся у меня одна монета такого же металла, видомъ и величиною совершенно подобная первой и съ такимъ же при томъ на одной сторонѣ изображеніемъ, но на другой довольно ясно видны буквы: Л Я, которыя вмѣстѣ не похожи ни на Греческія, ни на Римскія, но суть почто Славянскія. Что же они означаютъ! Последняя безъ сомнѣнія имя владѣтельнаго Государя, какъ напр. *Ярославъ*, а первая достоинство или званіе монеты.

Въ XI столѣтіи, когда княжилъ въ Киевѣ Ярославъ Владиміровичъ, предки наши не употребляли еще извѣстныхъ нынѣ названій: *денга*, *монета*; но знали принесенныя къ нимъ учителями ихъ Греками имена монетъ ихъ, какъ то: *лента*, *драхма*, *оволь* или *оболь* и пр. а потому и думаю, что буква Л значитъ Греческое *λεπτο*, или какъ въ переводѣ церковныхъ книгъ поставлено *лента*; слѣдовательно обѣ сіи буквы вмѣстѣ означать будутъ: *лента Ярослава*.

Наконецъ, ежели взять въ разсужденіе время и обстоятельство царствованія обоихъ упомянутыхъ Государей, сношенія и связи ихъ съ Греками, разсмотримъ дѣянія ихъ и поле-

ченіе о распространеніи Хрістіанства и при-
помнимъ, что они получали изъ Греціи вся-
кихъ пошребныхъ для себя художниковъ; но
не лзя сомнѣваться, чтобъ въ числѣ сихъ
не было и денежныхъ мастеровъ, какъ людей
необходимо нужныхъ въ благоустроенномъ
государствѣ, какова была уже тогда Россія.
Сіи художники, начавъ дѣлать деньги и же-
лая сперва у Владиміра, яко новообращеннаго
въ вѣру Государя, а потомъ и у другихъ сни-
скавъ ей болѣе покровительства, а можетъ
статься, чтобъ польстить и честолюбію
ихъ, представляли на монетахъ разныя таин-
ственные относительно вѣры изображенія,
какъ сказано выше.

Всѣ сіи обстоятельства убѣждаютъ меня
вѣрить, что описанная мною монета есть
древняя Россійская и сдѣлана въ правленіе Ве-
ликаго Князя Кіевскаго Владиміра I го.

Впрочемъ, тому изъ любителей отече-
ственныхъ древностей буду я обязанъ чув-
ствительнѣйшею моею благодарностію, кто
имѣя болѣе досуга, способовъ и свѣденій въ
Нумизмашикѣ, нежели я, приметъ на себя
трудъ догадку мою или пространнѣе и осно-
вательнѣе доказать, или опровергнуть.

*Гавріиль Успенскій, Профессоръ
Екстраординарный.*

Харьковъ.

23 Марша 1812 года.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Мы намѣрены позабавить читателей выпискою начала одной, помѣщенной въ нѣкоторомъ Французскомъ Журналѣ статьи, гдѣ разсматривается вновь напечатанное изданіе *Национальныхъ стихотвореній*. „Счастливые писатели, коихъ плодотворное перо въ каждой мѣсяцъ производитъ по одному тому, презирающъ наши критики; они думаютъ, что мы носимъ на себѣ священный и непремѣнный долгъ куришь предъ ними еміамъ хваленій. Иногда великодушно признаются они, что мы имѣемъ умъ, вкусъ и знанія, разумѣется, когда мы одобряемъ ихъ сочиненія; но какъ скоро видятъ, что мы хотя слегка осмѣлили замѣнить ихъ ошибки, то въ ту же минуту волшебный жезлъ Царца превращаетъ насъ въ глупыхъ животныхъ, и вся наша способность тогда уже состоитъ въ желаніи вредить ближнему. Одинъ и тотъ же писатель можетъ, смотря по обстоятельствамъ, почитаться насъ людьми умными и опять сущими невѣждами; то и другое зависитъ совершенно отъ нашей воли. Мы можемъ или заслужить благоволеніе, или подпастъ гнѣву шѣхъ сочинителей, которые хотя преславить свое имя чрезъ посредство журналовъ и которые въ то же время, какъ и должно, проповѣдуютъ, что они сѣваютъ ни во что мѣбнія журналистовъ. — Истинные литераторы не толкуютъ ни о нравахъ нашихъ ни о намѣреніяхъ; они пользуются нашими замѣчаніями, когда находятъ ихъ справедливыми; не ослабляющъ нашими похвалами, и проч.“

Сокровище для художниковъ и любителей художества — такъ называется книга, съ предлиннымъ и весьма пышнымъ титуломъ и съ 400 гравированныхъ рисунковъ, недавно вышедшая изъ печати въ Парижѣ на Французскомъ языкѣ. Въ заглавіи сказано, что она полезна для молодыхъ людей обоюго пола. Предоставляется читателямъ судить о вкусѣ сочинителя по слѣдующимъ аллегорическимъ изображеніямъ; *Воздержаніе*, сжавши губы, отворачивается отъ окорока вешчины, приправленнаго лавровымъ листомъ; *Потаканіе* держитъ въ одной рукѣ поваренную решепку, а въ другой сельдь; у *Арнежанки* верхняя одежда испещрена цифрами; у *Подслушница* епанча усѣяна ушми, а у *Обиды* языками; *Воспитаніе* сбиченъ плешью ребенка; *Скромность* держитъ у себя на колѣняхъ верблюда, какъ маленькую собачку; *Плутовство* представлено въ видѣ женщины въ нарядномъ платьѣ съ деревянною ногою, — по мнѣнію сочинителя деревянная нога значить лживость поступковъ *Плутовства*, и по что оно никогда неходитъ прямо; *Обжорство* имѣетъ журавлиную шею съ жецскою головою; у *Лукавства* двѣ головы и двѣ шеи на одномъ шуловищѣ; у *Мудрости* на каждой рукѣ по двѣ кисти съ пальцами; у *Согласія* три лица, четыре ноги и по три руки при каждомъ локтѣ; *Упрямство* обнимаетъ ослачную голову; *Усталость* играетъ опухломъ, и проч. и проч.

Опыты мнимой *несгаряемости* человеческого тѣла, которые показаны были Бернардомъ Геемъ въ Берлинѣ, заслужили всеобщее одобрение. Г. Гей занимался дѣломъ симъ

единственно по любви къ физическимъ наукамъ, и собранныя отъ доброхотныхъ зрителей деньги отдалъ бѣднымъ. Онъ объявилъ и способы, съ помощію коихъ производятся сіи впрочемъ весьма любопытныя дѣйствія и удивительныя опыты нестараяемости. Вся шайна, по его показанію, состоитъ въ слѣдующихъ приготовленіяхъ. 1. Нѣсколько дней сряду надобно смачивать волосы, руки и ноги извѣстнымъ растворомъ, отъ котораго тѣло человѣческое становится удобнымъ сносить жаръ раскаленнаго желѣза. Сей растворъ состоитъ изъ полуфунта квасцовъ, четырехъ унцій селифривной кислоты и двухъ фунтовъ воды. Г. Гей думаетъ, что симъ составомъ полезно было бы смачивать платье пожарныхъ служителей. 2. Онъ беря нѣкоторое вещество подобное свинцу, расплавляетъ его и выливаетъ въ конелъ, въ которой потомъ безвредно погружаетъ свою ногу. Опытъ сей, по видимому очень опасный, въ самомъ дѣлѣ ничего значить. Металлической составъ расплывается отъ степени жара кипячей воды, и слѣдственно онъ бываетъ неслишкомъ горячъ въ жидкомъ своемъ состояніи. 3. Онъ вливаетъ въ металлической сосудъ масло Прованское, кипятить его и въ то же время глошаетъ горячее. Вся хитрость состоитъ въ томъ, что масло мѣшается съ водою: сіе влажное вещество закипя съ трескомъ отдѣляется отъ маля, которое осѣдается при такой степени теплоты, что его не опасно брать въ ротъ и пропускать во внутренность желудка. 4. Вкладываніе въ ротъ горящаго осмоленнаго факела объясняется слѣдующимъ образомъ: отъ сильнаго дуновенія факель потаскаетъ, а собранная на губахъ слюна въ большомъ коли-

чествѣ препятствуетъ смолѣ къ нимъ прили-
нуть. 5. При капаніи на языкѣ горячаго сур-
гучи нужно только, чтобы на языкѣ было до-
вольное количество слюны. 6. Наконецъ Г. Гей
показывалъ модель печи, въ которой человекъ
можетъ сидѣть безвредно по реди огня, меж-
ду тѣмъ какъ шамъ же готовится жаркое изъ
телятины или баранины. Направленіе огня и
жара проводится въ сторону боковыми от-
верстіями.

Извѣстная пѣвица Барбери Ферлендисъ на-
ходится теперь въ С. Петербургѣ. Она и мужъ
ея, Александръ Ферлендисъ младшій, въ концѣ
испекшаго Марна давали шамъ большой кон-
цертъ въ Филармоническомъ залѣ при множе-
ствѣ посѣщителей. „Г-жа Ферлендисъ — пи-
шущая въ извѣстїи о семъ концертѣ — привела
публику въ восхищеніе своимъ приятнымъ и
числымъ голосомъ контро-альша и рѣдкою спо-
собностію управлять онымъ. Она совершенно
доказала, что всѣ шѣ похвалы, коими осыпали ее
въ разныхъ журналахъ, недовольно еще сильны
къ выраженію отличныхъ ея талантовъ. Са-
мая первая ея арїа застала слушателей ру-
коплескать ей многократно. Они тотчасъ за-
вѣдали, что г-жа Ферлендисъ произноситъ
споль хорош), что всякое слово ея можно за-
писывать. А когда она пропѣла вторую арїю,
то застали ее повторить, чтобы насла-
диться приятностію ея голоса.“ Мужъ ея сви-
гралъ концерты на гобой и на Англійскомъ
рожкѣ, и равнымъ образомъ достигалъ публи-
кѣ величайшее удовольствіе.

Къ числу новыхъ произведеній словесно-
сти, продающихся въ С. Петербургѣ у Плю-

жара, принадлежишь и сочиненіе подь титуломъ: *Историческое и критическое описаніе похода Русскихъ въ Италию 1799 года*. Книга сія написана на Французскомъ языкѣ однимъ Русскимъ офицеромъ. По поводу сего обстоятельства, въ Рижскомъ листкѣ *Zing f. Lit. u. K.* сдѣлано весьма справедливое замѣчаніе: „Знаменитые подвиги народа столь великаго должны бышь описываемы на природномъ его языкѣ и для его собственнаго употребленія. Иностранцы, желающіе имѣть обь оныхъ свѣдѣніе, могутъ учиться языку сему, или заставить перевести для себя книгу.“

„Ермилъ Костровъ — сказано въ помѣ же листкѣ по случаю увѣдомленія о шестомъ чтеніи въ *Бесѣдѣ любителей Русскаго слова* — одинъ изъ лучшихъ Русскихъ стихотворцевъ (умер. 1796), перевелъ и издалъ первыя шесть пѣсней Иліады. Сказываютъ, что за другія шесть пѣсней предложено было переводчику только 150 рублей, и Костровъ бросилъ ихъ въ огонь. . . . Но въ *Вѣспникѣ Европы* 1811 года неожиданно явились пѣсни седьмая, осмая и часть девятой, которыя найдены *случайно*, можетъ бышь (прибавляетъ сочинитель спашь) *въ какомъ нибудь шинкѣ*, ибо сей питомецъ Музъ былъ ревностнымъ поклонникомъ Бахуса.“ — Если господинъ Нѣмецкій сочинитель С. Петербургскихъ вѣстей не заблагоразсудитъ оставить читателей своихъ въ заблужденіи; то онъ имѣетъ теперь благоприятный случай увѣдомитъ ихъ, что переведенныя Костровымъ пѣсни Иліады, въ *Вѣспникѣ Европы* напечатанныя, найдены не *случайно* и не въ *шинкѣ*, а у А. А. Артемьева, служащаго при Московскомъ Университетѣ На-

дворнаго Совѣтника и Кавалера, которой получилъ сіи и нѣкошорыя другія бумаги отъ самого Кострова.

*

Мѣстопробываніемъ учреждаемаго въ Норвегіи Университета назначена Христианія, главной городъ Королевства. Многіе изъ отличнѣйшихъ ученыхъ мужей, находившихся въ Копенгагенѣ, опредѣлены шуда Профессорами съ хорошимъ жалованьемъ.

У. П О Л И Т И К А.

Обозрѣніе заграничныхъ происшествій.

Парижъ, отъ 14 Марта, н. ст. Нынѣ занимающа прivedеніемъ шелеграфическихъ линій въ большее совершенство, и придумываніемъ способа, какимъ бы образомъ, по примѣру линіи, простирающейся отъ Парижа къ Медіолану и Венеціи, провести таковую же къ Тулону, такъ чѣобы Императоръ, находясь въ своемъ Дворцѣ, могъ соображать движенія своихъ флотовъ въ Голландской, Антверпенской, Брестской и Тулонской гаваняхъ, давать приказанія, дабы они въ одно и то же время выходили въ море, и какъ можно скорѣе получали извѣстіе о исполненіи его повелѣній.

*

Италия, отъ 26 Февраля, н. ст. Италіянскіе дворяне, желающіе дворянство свое распространить и на свое поместье, должны просить о томъ правительство въ печеніе 16 мѣсяцовъ.

Въ Медиолаѣ все еще продолжается продажа колониальныхъ товаровъ, поелику оныя привозятся сюда непрестанно, и покупщики прибываютъ ошовсюду.

Вѣна, отъ 18 Марта, н. ст. По случаю начавшейся обыкновенной переписи жителей въ Вѣнѣ, нѣкоторые заключаютъ, что за симъ послѣдуетъ большой рекрутской наборъ; однако же предположеніе сіе совсѣмъ неосновательно, и даже какъ военные чиновники такъ и рядовые, уволенные въ отпускъ, не получили никакого приказанія явиться къ своимъ полкамъ.

Въ Бухарестѣ Г. Ромбергъ часто давалъ концерты, при которыхъ находились также Турецкіе Депутаты и Чапанъ - Оглу.

По письмамъ изъ Турціи, вдругъ появилась у острова Тенедоса въ Архипелагѣ Англійская эскадра. Поелику настоящее намѣреніе ея прибытія еще неизвѣстно; но, по приказанію Порты, крѣпости въ нижнихъ Дарданеллахъ на всякой случай мѣры предосторожности.

Базель, отъ 10 Марта, н. ст. Здѣсь обнародовано слѣдующее: „Графъ Готторпскій объявляетъ, что онъ, яко подданный своего Государя, Короля Датскаго, съ 29 го числа сего (Февраля) мѣсяца, писать будетъ свое имя: Готторфъ (по Датскому правописанію). Базель, 27 го Февраля 1812 года. Густавъ, Графъ Готторпскій.“

Лондонъ, отъ 2 Марта, н. ст. Минувшаго Ноября 12 числа жители Кагелгены (въ Южной Америкѣ) объявили себя независимыми отъ Испаніи, и сія революція произведена въ дѣйствио безъ всякаго кровопролитія. Первый актъ новаго правительства состоялъ въ уничтоженіи инквизиціи; потомъ издана была декларація о независимости. Въ сей деклараціи между прочимъ сказано, „что жители Кагелгены вступаютъ въ истинныя и непреложныя права, доставленныя имъ происшествіями, коими Провидѣнію угодно было ознаменовашь паденіе Испанской Монархіи и возведеніе новой династїи на престолъ Бурбоновъ.“

Отъ 11 Марта, н. ст. Въ Парламентѣ съ нѣкотораго времени часто разсуждаемо было о приносимыхъ жалобахъ на Кабинетскія наши повелѣнія, кои спановяшся весьма вредными для нашей торговли и промышленности. Министры оправдываются тѣмъ, что такыя мѣры прошиву иностранной торговли приняты были не ими, но прошивною правительству стороною; ибо Фоксъ первый издалъ кабинетскія повелѣнія въ 1806 году. Въ прочемъ они утверждаютъ, что безъ оныхъ состояніе Государства содѣлалось бы гораздо еще хуже, нежели въ каковомъ оно находится нынѣ.

По донесеніямъ Лорда *Веллингтона*, армія подъ начальствомъ *Мармонта* собирается при рѣкѣ *Тагъ* у *Таллсберы де ла Рейны*. Нашижъ войска находились и по сіе время въ прежнемъ положеніи.

Въ новомъ Юркѣ 10 го числа Февраля носился слухъ, что войны съ Англією совѣмъ не будетъ. Американскій Сенатъ, вѣрсто

требованныхъ трехъ милліоновъ долларовъ для обмундированія волонтеровъ, опредѣлилъ выдать только одинъ милліонъ.

(С. П. В.)

Политическія извѣстія.

По изданному въ Парижѣ нѣкоторымъ писателемъ показанію новая республика Венецуела состоитъ изъ семи соединенныхъ областей, коихъ названія суть слѣдующія: Карракасъ, Кумана, Барселона, Варинасъ, Мерида или Маракайбо, Коро и Гвіана (въ Англійскихъ журналахъ вмѣсто Коро и Гвіаны упоминаются Труксилло и Маргарипа). Вся поверхность земли въ сей республикѣ простирается на 48,000 миль; жителей имѣетъ она до милліона и приносила коронѣ ежегоднаго дохода 1,800,000 піасстровъ. Главной городъ Карракасъ содержитъ въ себѣ 50,000 жителей.

— Въ Вѣнскихъ газетахъ напечатано слѣдующее: По причинѣ господствующей на твердой землѣ въ Европѣ системы, вовсе невозможно получать извѣстій непосредственно изъ Англій. Только въ Парижѣ приходятъ нѣкоторые Англійскіе листки: почему все что съ нѣкотораго времени ни объявляется объ Англій, выписывается изъ оныхъ, и состоитъ большею частію только въ отрывкахъ. Не выписываемое же изъ нихъ остается неизвѣстнымъ. По сей причинѣ и рѣчь, которую Принцъ Регентъ произнесъ при открытіи Парламента, нигдѣ не напечатана, да и вообще а

парламентскихъ дѣлахъ помѣщается въ Парижскихъ газетахъ весьма немногое. Однакожъ и въ сихъ немногихъ выпискахъ, изъ Англійскихъ листковъ почерпаемыхъ, содержатся показанія и происшествія, которыя совершенно удостовѣряютъ, что система твердой земли если не совсѣмъ прекратила Англійскую торговлю, то по крайней мѣрѣ чрезвычайно спѣснила и уменьшила оную.

— Въ Берлинскихъ вѣдомостяхъ напечатано Королевское повелѣніе жителямъ о помѣщеніи и содержаніи Французскихъ войскъ, которыя придутъ въ упомянутую столицу.

— Во Франціи учреждается народная гвардія для охраненія береговъ, крѣпостей и арсеналовъ. Она дѣлится на три части: къ первой принадлежатъ всѣ Французы, имѣющіе отъ 20 до 26 лѣтъ отъ роду; ко второй — отъ 26 до 40 лѣтъ; къ третьей — отъ 40 до 60 лѣтъ. Между шѣмъ какъ первая часть будетъ отправлять дѣйствительную службу, вторая и третья должны оставаться въ запасъ и для содержанія внутренней полиціи. Въ 1812 году первая часть, состоящая изъ конскриптовъ (съ 1806 до 1812) не высланныхъ въ армію, неженатыхъ, здоровыхъ и способныхъ къ службѣ будетъ содержать въ себѣ 600.000 чел., изъ которыхъ тотчасъ же сформируется на первой случай 88 когортовъ, по 1080 человекъ въ каждой.

— Не задолго передъ симъ писано, что Англійская эскадра стоитъ передъ Дарданеллами и не пропускаетъ кораблей плывущихъ въ Константинополь; а теперь вновь уведомляютъ изъ Вѣны отъ 14 Марта (нов. ст.), что она эскадра прошла уже Дарданеллы и явилась передъ Константинополемъ.

— Многие Прусские офицеры подають прошенія объ отставкѣ, и получаютъ оную.

— Къ отбѣзду Е. В. Императора Австрійскаго изъ Вѣны въ Прагу и проч. сдѣланы уже всѣ нужныя приготовления.

— Проходящія черезъ Лейпцигъ Французскія войска останавливаются тамъ обыкновенно на три дни, и дѣлають военныя экзерциціи подъ командою Маршала Нея.

— Марта 28 (нов. ст.) послѣ обѣда вступила въ Берлинъ первая колонна второй арміи, состоящей подъ начальствомъ Маршала Дюка де Реджіо. Войско было вышануто во фронтъ между Потсдамомъ и Шпандау, гдѣ осматривалъ оное Е. В. Король Прусской, соупсвѣуемый Принцами и знатнѣйшими чиновниками. При квартирѣ Маршала находится почетный караулъ Прусскій.

— Уголовной судъ Парижскій недавно приговорилъ къ двадцатилѣтнему тюремному заключенію и къ поручительству въ десяти тысячахъ франковъ одного мальчика девяти лѣтъ съ половиною, за то что онъ отцу своему помогъ масть лишить жизни.

(D. Zisch.).

У в ѣ д о м л е н і е .

(Изъ Тамбова къ Издателю.)

Живущая въ Ряжскѣ вдова Выркова еще въ Октябрѣ истекшаго года имѣла счастье получить изъ Богодухова при письмѣ 16 Сентября отъ нѣкопорога благотворительнаго

сѣмѣйства (*) сто рублей. Неизвѣстные благо-
дѣтели желаюцѣ, чтобы о полученіи сихъ
денегъ удѣдомили ихъ чрезъ посредство ваше.
Г-жа Выркова, къ сожалѣнію своему, до сихъ
поръ неимѣла случая исполнить ихъ воли.
Прошу васъ засвидѣтельствовать чувствит-
ельнѣйшую ея благодарность соспрадатель-
нымъ людямъ, оказавшимъ ей столь значущее
пособіе. Марта 29 дня 1812.

Павель Саткинъ.

КОНЕЦЪ LXII ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.	
ПРОЗА.	
Важный разговоръ передъ ками- номъ. - - - - -	3
Возвращеніе Генриха на родину.	81
Товія Виштѣ. - - - - -	241
СТИХОТВОРЕНІЯ.	
Къ сестрѣ моей. - - - - -	11
Стихи Г-жѣ Семеновой. - - - - -	14
Разлука и Любовь. - - - - -	98

(*) Въ письмѣ сказано, что деньги посылаются отъ одного сѣмѣйства.

	Страж.
Благотворителю Московскихъ	
Музъ. - - - - -	161
Призываніе Сильвіи. - - - -	249
Къ портрету Фридриха Великаго.	250

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Объ Археологіи и о различныхъ способахъ заниматься художе- ственными произведеніями древности. - - - - -	15
Объ ученыхъ людяхъ. - - - -	21
Объ изобрѣшеніи магнитной стрѣлки. - - - - -	101
О началѣ употребленія шелку.	107
Отрывокъ о пользѣ и удоволь- ствіи, изящными художе- ствами доставляемыхъ душѣ посредствомъ чувства зрѣнія.	168
Объ Исторіи. - - - - -	251

III. К Р И Т И К А.

Прибавленіе къ Разговорамъ о сло- весности. - - - - -	117 и 195
Разборъ Оды: Богъ, Гона Мержа- вина. - - - - -	172
Ошибки на замѣчанія касатель- но двухъ грамотъ Новгород- скихъ. - - - - -	281

С М Ъ С Ъ.

Отрывокъ изъ Гога. - - - - -	136
Влегія. - - - - -	133

Слран.

Объ мальчикѣ, одаренномъ необыкновенною способностію считать.	- - - -	217
Объ изобрѣтеніи картъ.	-	223
Извѣстіе о нѣкоторой шаринной монетѣ.	- - -	311
Письмо къ Издателю Вѣстника Европы.	- - - -	51
Московскія записки.	59, 131 и	228
Разныя извѣстія и замѣчанія.	71,	
	- - - 142, 253 и	315

V. П О Л И Т И К А.

Объ истинной и справедливой полицикѣ.	- - -	146
Отрывокъ изъ Политическаго кашихизиса Англичанъ.	-	154
Обозрѣніе заграничныхъ происшествій.	- 73, 155, 285 и	329
Политическія извѣстія.	-	323
Увѣдомленіе.	- - -	78 и 325

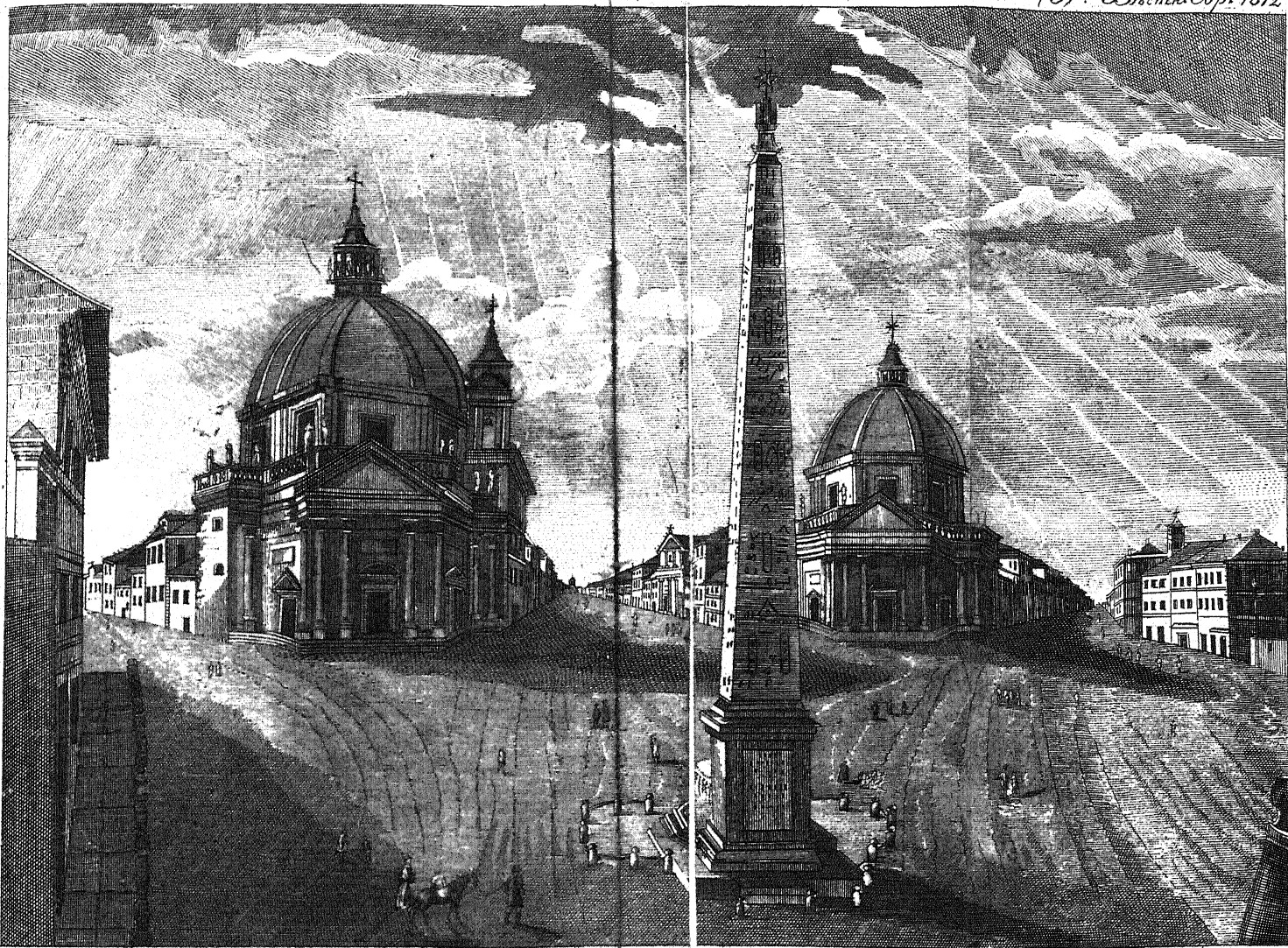

Rossique

№ 8 №. Времен. 1812.

A handwritten musical score for a piece titled "Rossique". The score is written on ten staves, organized into three systems. The first system consists of two staves, the second of four staves, and the third of four staves. The music is in 2/4 time and B-flat major. The first system is marked "Forl." and the second "Trio." and "Piu.". The score features various musical notations including eighth and sixteenth notes, beams, slurs, and dynamic markings. The piece concludes with a "Da Capo" instruction.

Da Capo.

Народная площадь (Piazza del Popolo) въ Римѣ съ находящимся посреди оной
Египетскимъ Обелискомъ.